

6 СМЕНА

МАРТ '88

Как стать министром в 30 лет.

К 70-летию ВЛКСМ. Лазарь Шацкин

Леонид Жуховицкий. Холмы Киммерии

Арест лошади. Рассказ С. Токарева

По секрету — о «Секрете».

Сергей ЛИТВИНОВ. Виктор САКК. Специальные корреспонденты «Смены»

ДОРОГА В ГОРУ

Бури Каримову, министру строительства и эксплуатации автомобильных дорог Таджикистана, тридцать лет. Сегодня он самый молодой министр в стране.

Назначение Каримова ускорила стихия, которая разыгралась в Таджикистане 2 февраля 1987 года. Проливной дождь хлестал всю ночь. Горные реки выходили из берегов, сносили мосты и затопляли поля. С гор пошли обвалы и сели. 220 километров автодорог вышли из строя. Разрушились 22 крупных моста.

Руководителям республики было ясно: прежний министр автодорог, человек пенсионного возраста, тяготеющий к кабинетной работе, с ликвидацией последствий катастрофы вряд ли быстро справится. Кого рекомендовать? В резерве на выдвижение было девять человек, в том числе и начальник передвижной мехколонны Каримов. Но он был в те дни в Москве — защищал кандидатскую диссертацию. И тогда заводом ЦК КП Таджикистана Охонлал Оламович Оламов поехал в мехколонну, собрал актив. Потом он рассказывал одному из нас, что нечасто доводилось видеть такие собрания... Выступали многие. Говорили горячо, мнение звучало только одно: хотим, чтобы Каримов стал министром.

...В Душанбе Каримов возвратился кандидатом технических наук и министром.

Жизнь человека во многом определяет детством.

Небольшой кишлак Учкулъ в одиннадцати километрах от Душанбе. Глинобитный дом за глинобитным забором. Большой и щедрый сад. Отец Бури, Бочабек Каримов, колхозник и строитель, мичуринец-самоучка, вывел не меньше десятка новых сортов хурмы.

В семье Бури, как и в большинстве восточных семей, был культ старших, культ отца. Не раболепия, не бездумного подчинения, а уважения к мудрости, опыту. Человек, воспитанный так, не может обидеть кого-либо. Он терпим и уважителен к чужому мнению, умеет слушать.

Одиннадцать детей в семье Каримовых. Бури, по старшинству второй, рано начал читать, полюбил прекрасных восточных поэтов — Хафиза, Саади. Сейчас он знает на память сотни рубаи.

Восьмилетку окончил круглым отличником. Только пятерки были и в аттестате зрелости. Золотую медаль ему, однако, не дали: учителям кишлака были внове все эти хлопоты с оформлением медальных документов.

Где учиться дальше? Какую профессию выбрать? Он любил литературу, восточную и русскую. Ему хотелось стать учителем, или филологом, или журналистом... Но получилось иначе.

...Дорога. В городах мы не задумываемся, что значит она, дорога. В российской глубинке мы теряем из-за бездорожья сотни миллионов рублей. А в горах плохая дорога не только экономический урон... Сели, оползни, лавины — вещи обыденные, как в России дождь или снег. А нет дороги — не приедет врач к роженице или умирающему, не привезут продукты, зарплату, книги... Девяносто три процента площади Тад-

жикистана — горы. Две области республики зимой отрезаны от центра — нет дорог. Снабжение идет через соседнюю Киргизию.

Вряд ли знал Каримов-отец цифры потерь, которые несет Таджикистан от бездорожья. Но он полагал, что дороги — это для республики самое важное. Бури говорил нам: если бы отец считал, что главное для республики — образование или медицина, Бури стал бы педагогом или врачом. Но отец сказал — дорога.

Бури поступил на автодорожный факультет Таджикского политехнического института, когда ему было пятнадцать лет. Как правило, он не записывал лекций. Зато вечером, возвратившись в общежитие, непременно два-три часа работал: анализировал услышанное, составлял конспекты. С тех пор Каримову как-то не по себе, если не удается вечером хотя бы час позаниматься.

На втором курсе увлекся наукой. Сегодня Каримов — автор тридцати изобретений и научных трудов. Все они без исключения «работают» на дорогах республики и страны. А суммарный экономический эффект — не «ожидаемый», не «расчетный», вполне конкретный, весомый — свыше миллиона рублей.

Когда Каримову было 26 лет, его назначили начальником передвижной мехколонны. В подчинении около четырехсот человек, объемы работ на миллионы рублей, объекты разбросаны по всей республике. ПМК была отстающей, хронически валила план. Каримов не стал изобретать порохов. Он поехал в Подмоскovie, к известному строителю Травкину, который перевел свой трест на коллективный подряд. Через неделю вернулся с блоками, полными цифр и заметок. После к Травкину поехали плановики и экономисты. Затем было несколько месяцев напряженных расчетов.

Выходило: из четырехсот человек, работающих в мехколонне, около ста пятидесяти — «лишние люди». В основном сидящие в конторах специалисты среднего звена. Непыльная, бумажная работа: сводки, телефонограммы, отчеты. Зарплата крошечная. Зато всегда есть возможность обсудить вчерашнее кино, не спеша попить чайку, сбегать в магазин... Как же лишиться такой спокойной, безответственной, уютной должности? Болезненный вопрос, едва ли не самый острый при переходе на хозрасчет.

Во-первых, уволили прогульщиков и пьяниц. Но когда Каримов подписывал приказы, его решение не было единоличным — если к нарушителям раньше были терпимы, то в условиях хозрасчета люди не захотели трудиться вместе с разгильдяями. Но таких, «напрашивающихся» на увольнение было не больше двух десятков. Что с остальными?

Каримов говорил с каждым. Он предлагал: «Переходите бригадиром или мастером на объект. Да, жара, пыль,

ответственность. Но зато будете получать не сто пятьдесят, а триста пятьдесят». Если собеседник упрямылся, Каримов говорил: «Послушайте, ведь каждый человек должен приносить пользу. Ваша сегодняшняя работа никому не нужна. Разве вам приятно, извините, коптить небо? Разве вам не хочется заняться делом — чтобы не только дети, но и дороги остались после вас?» Бывало, и тогда не соглашался собеседник. И Каримов говорил: «Вы умеете работать. Проектные институты нуждаются в опытных специалистах. Хотите — переходите туда. Но у вас еще есть время подумать». В ходе аттестации из ПМК не поступило ни одной жалобы, ни одной анонимки.

Второй острый момент перехода на подряд больше всего, пожалуй, касался лично Каримова. За долгие годы люди привыкли: все вопросы, производственные и общественные, решает единолично начальник. Их участие в управлении сводится к тому, чтобы вовремя поднять руку. И начальник привыкал: он на своем участке — царь и бог. Он, и только он, имеет право «казнить» и «миловать». А коллективный подряд предполагает коллективное управление. И, значит, большую часть своей власти Каримов обязан был передать коллективу.

Совету бригад и хозяйственному совету предстояло теперь решать едва ли не все вопросы: в какой последовательности выполнять работы? Кого принимать, кого увольнять? Кого наказывать, кого поощрять? Представители коллектива поступали принципиальнее, чем самый жесткий и принципиальный начальник: ведь вопросы крутились вокруг самого насущного — условий труда, заработка. Под юрисдикцию советов попадали не только все главные специалисты, начальники отделов, но и сам Каримов. Однажды хозсовет счел: в срыве поставок виноват начальник — и безжалостно срезал Каримову зарплатку, уменьшив его чуть ли не втрое. Каримов отнесся к «самоуправству» спокойно. Демократизация — процесс необратимый. Загнать ее обратно в бутылку безгласия невозможно, даже если это кому-нибудь и хочется, — так он думает.

Перестройка хозяйственного механизма и гласность идут рука об руку. Хозрасчет дает рабочим больше прав; участие в управлении, в свою очередь, раскрепощает людей, вызывает поток предложений, как улучшить дело.

Первый же год на подряде принес результаты для непосвященных ошеломительные, но для Каримова ожидаемые: некогда убыточная мехколонна дала больше 700 тысяч рублей прибыли, производительность труда повысилась на 18 процентов, зарплата увеличилась на 15 процентов — это в среднем, у многих рабочих она повысилась на треть. И как итог — мехколонна признается одним из лучших строительных подразделений страны.

Первое, что сделал Бури в должности министра, — попросил председателя Совмина республики разрешить ему не присутствовать на заседаниях правительства, кроме тех случаев, когда обсуждаются вопросы, касающиеся его отрасли. Это была не демонстрация нелюбви к заседаниям — расчет высвободить побольше времени для дела. Разрешение было получено.

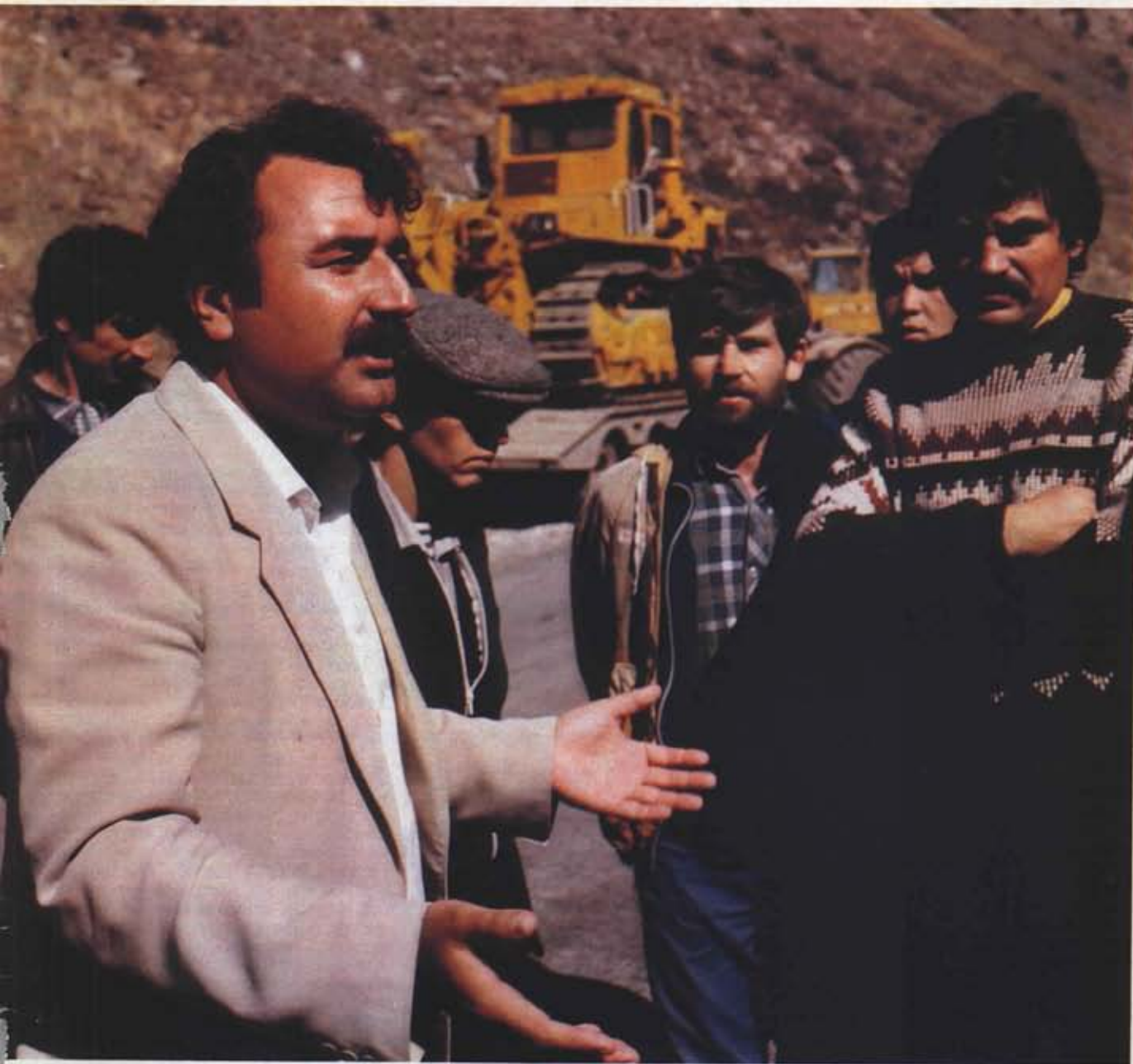
В своем кабинете Каримов бывает два дня в неделю — в субботу и понедельник. Суббота — прием по личным вопросам, ответы на деловые бумаги. Понедельник — оперативка по порядку с управляющими трестами и начальниками колонн, решение неотложных аппаратных дел. Со вторника по пятницу он в дороге. Мотается по высокогорным трассам, бывает на самых отдаленных участках. Нет, это не потому, что он хватается за все, подменяет начальников колонн и мастеров. Дело в том, что девиз Каримова: «Идти проблеме навстречу». Ну, а как идти навстречу, если проблемы разбросаны по горным дорогам? Не ждать же, пока они доползут до министерства в виде отчетов и челобитных.

Один из нас совершил деловую поездку с Каримовым. Да, такую министру не обойти без выносливости и здоровья. После головокружительных серпантинных, добравшись к отметке 4000 метров над уровнем моря, хотелось тихо умирать, глядя в небо. А Каримов без минуты промедления прыгал из машины прямо на раскисшую дорогу и устремлялся к работающим. Короткое деловое совещание с мастером или прорабом, разговор с рабочими, несколько записей в блокноте — и снова в дорогу.

Результатом этих бесконечных поездок Каримова по горным дорогам стало то, что последствия февральской стихии строители ликвидировали уже в августе — были завершены работы стоимостью в десятки миллионов рублей. Помимо этого, министерство делало обычный свой план. В 1987 году он был выполнен. Впервые за девять лет существования министерства.

Но деловые поездки — сегодняшнее, сиюминутное. Тактика. Главное для Каримова — стратегия. И на первом месте тут — условия труда и жизни рабочих. Сегодня министр Каримов занят строительством столичного профилактория и базы отдыха в изумительной по красоте ореховой роще. Есть программа возведения жилья, в которой записано: к 1995 году каждый дорожник получит отдельную квартиру или дом.

Вторая сверхзадача Каримова — перевести все министерство на экономические методы управления. В действенности хозрасчета Каримов, экономист по своему второму образованию (окончил заочно планово-экономический факультет Таджикского государственного университета), убедился, когда перевел на подряд ПМК. И вот уже из трех трестов, входящих в министерство, два

пять лет, три года и полгода. Похоже, один из немногих страхов Каримова: что он со своей суматошной работой не сумеет отдать им столько себя, сколько отдавал Бури его отец.

Бури Каримова можно было бы назвать по сегодняшней моде «селфмейд-меном» (с английского — «человек, который сам себя сделал»): сын неграмотного крестьянина стал ученым и министром. Но вряд ли это определение к нему подходит. Бури сам себя не делал. Не напрашивался ни на одну должность. Он просто жил, как его отец. Для людей.

Поэтому, пожалуй, Бури ничего не боится. Он может, как случилось, в присутствии первых руководителей республики пойти на конфликт с другим министром, который не первый год на посту, — назвать вещи своими именами и добиться победы. Каримов может сказать на пленуме ЦК Компартии Таджикистана о том, как мучают проверяемые: «За два месяца наш завод железобетонных изделий проверяли: Госстандарт, Госстрой, ЦК профсоюза, бассейновая инспекция, пожарнадзор, райком профсоюза, районный народный контроль, санэпидстанция, «Оргтехдорстрой». Проверяльщики потеряли 55 человеко-дней. Все инженерно-технические работники завода только и занимались тем, что «кормили» ревизоров документами. И самое трагикомическое, что ни одна из комиссий не обратила внимания на действительные проблемы завода, который как раз в те месяцы испытывал сильнейшие проблемы в снабжении цементом...» А однажды Каримов на весьма высоком совещании сказал: «Мне кажется, что мы обманываем народ. Люди-то думают, что мы здесь занимаемся делами, а вы посмотрите на моего соседа слева — он же спит!..»

...Каримов стал министром, конечно же, не благодаря стихии. Просто такие люди нужны сегодняшнему времени. И назначение на высокий пост с учетом воли и мнения трудового коллектива, не приемлющего протекционизм, «связи», замечательного и ценящего прежде всего компетентность, деловитость, — это тоже веяние времени, в котором мы живем. Учимся жить.

с нынешнего года — на подряде. Из десяти конторских работников в каждом дорожно-эксплуатационном управлении осталось трое. А из ста самостоятельных организаций, подчинявшихся раньше министерству, осталось сорок четыре. Стало быть, в два раза сократился поток бумаг. В будущем году на подряде будет все министерство.

Каримов провел сокращение и в аппарате министерства. Из шестидесяти функционеров осталось тридцать. Шутка ли — лишит человека спокойного, насиженного места! На первом собрании в министерстве, когда обсуждался этот вопрос, Бури выступал, призвав на помощь все свое красноречие. Нет, не поняли люди министра. Провели второе собрание. После него чаша весов стала склоняться в сторону Каримова. Но потребовалось еще одно собрание, беседы с каждым попадающим под сокращение, прежде чем уменьшился аппарат. И снова — ни одной жалобы, анонимки, комиссии.

Нет, Каримов не заводная машина, нацеленная лишь на дело. В его скромной квартире много книг (единственные предметы роскоши). В часы отдыха он читает не только журнал «Автомобильные дороги», но и любимых восточных поэтов. Пишет стихи. Недавно выступил в московском научном журнале с материалом в жанре, необычном и для журнала, и для министра: очерком о своем учителе, доценте политехнического института Софье Алексеевне Вавиловой. Вполне возможно, что в Каримове-министре умер Каримов-публицист, или переводчик, или поэт.

Бури очень переживает, что мало доводится уделять времени жене (она у него вышивальщица на ковровом заводе) и детям. Детей у Бури трое —

Фото Виктора САККА

Александр ГАЛАГАН,
кандидат
исторических наук,
Анатолий ЗИНОВЬЕВ,
доктор
исторических наук

МУЖЕСТВО

«Смена» продолжает публикацию материалов, посвященных организаторам и вожакам Ленинского комсомола. Сегодня мы рассказываем о Лазаре Шацкине, который после Оскара Рывкина был избран первым секретарем ЦК комсомола. Это был самый молодой руководитель за всю историю ВЛКСМ — он возглавил Центральный Комитет, когда ему только-только исполнилось девятнадцать лет. Неполных три года Лазарь пробыл на этом посту, но его вклад в работу Ленинского комсомола, движение Коммунистического Интернационала молодежи очень весом и убедителен. Шацкин был одним из первых теоретиков истории комсомола, автором многих книг и брошюр. Многие его работы и по сей день звучат очень актуально.

Мы не погрешим против истины, если назовем Лазаря Шацкина самой популярной фигурой в коммунистическом молодежном движении 20-х годов. Это был один из первых организаторов и теоретиков комсомола. Однако долгие годы имя его всячески вымарывалось из истории ВЛКСМ, а если и упоминалось, то в связи «с крупной политической ошибкой». И хотя эта «ошибка» по времени выходила за пределы комсомольской биографии Шацкина, его заслуги перед ВЛКСМ и международным коммунистическим движением молодежи были преданы забвению.

Что же был за человек Лазарь Шацкин, который в шестнадцать лет стал одним из организаторов и руководителей комсомола?

Лазарь Шацкин прожил до обидного короткую, но удивительную по насыщенности значительными делами и событиями жизнь. Судьба отвела ему только 35 лет жизни, при этом все свершения, связанные с комсомолом и международным юношеским движением, были осуществлены им задолго до своего тридцатилетия. Родился Шацкин в 1902 году в очень состоятельной семье, и перед ним, с детских

лет проявившим исключительную одаренность буквально во всем, открывались широкие перспективы на любом поприще: будь то промышленность или коммерция, наука или искусство. Но молодой человек, почти мальчик, выбрал себе иной путь.

Лазарю Шацкину было только пятнадцать лет, когда в мае 1917 года он вступил в большевистскую партию. Тогда же он становится одним из организаторов комсомола, избирается секретарем, а затем первым секретарем ЦК РКСМ, председателем делегации ВЛКСМ в Исполкоме КИМа. А с 1926 по 1928 год Шацкин является первым секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ.

Лазарь неоднократно встречался с В. И. Лениным. Во многом благодаря Шацкину состоялось выступление В. И. Ленина на III съезде РКСМ с речью «Задачи союзов молодежи». Делегированный от ЦК комсомола к Владимиру Ильичу, он информировал вождя революции о положении в Союзе молодежи, заручился его согласием выступить на съезде; он же и председательствовал на историческом заседании комсомольского форума вечером 2 ок-

тября 1920 года, открыв съезд пламенным вступительным словом.

Как видим, даже простой перечень (далеко, заметим, не полный) основных дел Шацкина показывает, что их с лихвой хватило бы, чтобы украсить революционную биографию доброго десятка его сверстников. Взять хотя бы встречи с В. И. Лениным. Строго говоря, это были не просто встречи, а деловые, рабочие беседы по актуальным для того времени проблемам юношеского движения. Так было, к примеру, в мае 1919 года, когда В. И. Ленин принял секретаря ЦК РКСМ Лазаря Шацкина и молодого немецкого коммуниста Альфреда Куреллу для обсуждения вопроса о характере создаваемого КИМа. На этот раз речь шла не только о политических аспектах намечавшейся акции, но о вопросах чисто технических, в частности конспирации. Ведь посланцу комсомола предстояло нелегально добираться в Европу через охваченную кольцом фронтов гражданской войны и внешней контрреволюции страну. В конце беседы В. И. Ленин собственноручно написал документ, удостоверяющий, «что тов. Шацкин едет по партийному поручению и что его

вещи никакому осмотру и обыску не подлежат. Прошу все советские власти оказывать ему содействие. В. И. Ленин». Юный посланец блестяще справился с партийным поручением! Его инициатива, ум и решительность во многом содействовали созданию КИМа — боевой международной организации молодых коммунистов, успешно действовавшей почти четверть века.

Один из активнейших организаторов Коммунистического союза молодежи в стране (в 20-е годы его часто и вполне заслуженно прямо называли «создателем комсомола»), Лазарь Шацкин тем не менее не вошел в Оргбюро по созыву I съезда РКСМ. Товарищи по московскому союзу молодежи «III Интернационал», взяв на себя организационные хлопоты, «бросили», как выражались в те годы, Лазаря на теоретический фронт юношеского движения. Так что I съезд РКСМ стал серьезным экзаменом для Шацкина как теоретика комсомола, и он выдержал его блестяще. Основополагающие документы I съезда РКСМ — тезисы Программы, а затем и сама Программа, частично Устав РКСМ, коммунистическое название союза (по которому на съезде развернулась дискуссия) — все это разработано 16-летним теоретиком. С этого времени и на протяжении целого десятилетия он и пребывал в этой почетной и очень ценной в те годы роли. «Теория пролетарской борьбы, — убежденно писал Шацкин, — теснейшим образом связана с ее практикой и является ее лучшим помощником».

Что же нового внес Шацкин в теоретическую разработку проблем юношеского коммунистического движения? Скажем сразу, в этой работе все было ново, хотя нельзя думать, что это «все» Шацкин взял только «из своей головы» или «выдумал». Совсем нет! К тому времени уже довольно четко сложилась марксистско-ленинская концепция революционного воспитания и организации юношества, была принята известная резолюция VI съезда РСДРП «О союзах молодежи», был опыт деятельности социал-демократических молодежных союзов Западной Европы и опыт социалистических союзов России. Заслуга Шацкина заключается в том, что он первым из молодых теоретиков глубоко понял общетеоретические положения марксизма-ленинизма по вопросам юношеского революционного движения и талантливо интерпретировал их применительно к задачам и потребностям комсомола.

По-настоящему большой вклад внес Л. Шацкин в разработку таких гжучих для своего времени проблем, как массовость союза, комсомол и партия, комсомол и профсоюзы, комсомол и государство, молодежь и классы вообще (рабочий класс и рабочая молодежь, в частности), централизм и демократия в союзе, комсомольский аппарат и самодетельность, коммунистические союзы молодежи и тактика единого фронта, внутрисоюзная демократия и др. Многие из этих проблем актуальны и сегодня, и, можно сказать уверенно, каждому комсомольскому работнику было бы небезынтересно ознакомиться с их первоначальной трактовкой.

Находясь у истоков теоретической разработки проблем комсомольского

И НЕТЕРПЕНИЕ

строительства, Лазарь Шацкий наиболее пристальное внимание уделял осмыслению двух взаимосвязанных проблем — самостоятельности союза и партийного руководства КСМ. Начиная с I съезда РКСМ и на протяжении всей своей «комсомольской жизни» он активно пропагандировал и яростно отстаивал безусловно верный тезис о том, что «самодетельность есть основа юношеского движения».

Надо сказать, что к правильному осмыслению проблем взаимоотношений комсомола с партией Л. Шацкий пришел не сразу. На I съезде РКСМ в докладе о Программе комсомола он еще утверждал, что «наш союз должен быть вполне самостоятельной организацией», это с его слов съезд провозгласил: «Союз является независимой организацией»; это ему принадлежит характеристика комсомола как автономной организации в документах партии и РКСМ 1918—1919 годов; это он с трибуны VIII съезда партии произнес сакрентальную фразу: «У нас партия проглядела это (юношеское.—Авт.) движение». Все это хорошо отображено в послевоенных трудах историков комсомола. Одно лишь плохо: как бы пророчествуя задним числом, историки непомерно много разоблачали «авангардистские», «незрелые», «ошибочные» формулировки Шацкого и «забывали» отметить при этом, что они принадлежали 16—17-летнему подростку, который удивительно быстро избавлялся от многих своих заблуждений. И если еще на VIII съезде РКП(б) Л. Шацкий как неопровержимый факт констатировал, что «не установлено, является ли союз подчиненным партии или независимым», а в резолюции того же съезда «О работе среди молодежи» (подготовленной им же) прямо записано, что «коммунистическая работа среди молодежи может пойти успешно только через самостоятельные организации» (подчеркнуто нами.—Авт.), то уже в статьях Л. Шацкого, написанных в 1920—1921 годах, в документах партии и комсомола, подготовленных им или с его участием, принципиальная модель партийного руководства определена четко и верно: идеальное руководство при организационной самостоятельности союза.

«РКСМ,— писал Л. Шацкий в 1922 году,— прошел в короткое время в общем и целом безболезненно... путь от абсолютной независимости от партии к установлению правильных взаимоотношений с ней в качестве единственного руководителя всех частей пролетарской армии... Установление правильных взаимоотношений привело к тесному повседневному сотрудничеству и взаимной поддержке». Именно эту позицию Л. Шацкий отстаивал горячо и последовательно, когда в 1928 году проблема взаимоотношений партии и комсомола вновь стала предметом острой дискуссии. Конец теоретическим спорам вокруг данной проблемы положил зав. орготделом ЦК ВКП(б) Л. Каганович. Со свойственным ему напором он безапелляционно заявил: «Когда некоторые товарищи, упрощая вопрос, сводят дело к тому, что комсомол должен быть организационно самостоятельным и что партийное руководство должно быть только в определении политической линии,— они совершают грубейшую политическую ошибку...

... Партия не может стать только священной Меккой, куда идут лишь помолиться Магомету. Партия — это живой и действенный руководитель, и поэтому отделить ее организационное руководство от политического — нельзя». Так на долгие годы была утверждена новая доктрина руководства комсомолом. Это был удар по ленинскому принципу партийного руководства комсомолом, удар по Шацкому. Надо было пройти многим десятилетиям, прежде чем удалось восстановить те принципы и нормы взаимоотношений между партией и комсомолом, в борьбу за которые столько энергии и таланта вложил Л. Шацкий.

...В черед бурных лет кипучей комсомольской деятельности наступил год, когда Шацкий, казалось, вплотную подошел к осуществлению заветной мечты: учиться. На V съезде РКСМ ему устроили горячие проводы, избрали почетным комсомольцем и направили на учебу. Но вскоре решением Политбюро ЦК РКП(б) Л. Шацкий вновь был направлен на международную работу — руководителем делегации комсомола в Исполкоме КИМа. Тут он был в родной стихии: шла подготовка к III конгрессу КИМа, проходившего в условиях резкого обострения международной обстановки (декабрь 1922 г.). В ответ на пожелание В. И. Ленина «деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и учебы» Шацкий вместе с делегатами юношеского форума дал уже тяжело больному вождю клятву, которой остался верен всю жизнь: «Борясь, мы будем учиться, и учась, мы будем бороться!» И он действительно учился в Коммунистической Академии, учебном заведении типа теперешних университетов марксизма-ленинизма.

А потом настал, наверное, самый счастливый год в его жизни. В июне 1925 года решением Оргбюро ЦК РКП(б) он в числе 11 выпускников Комакадемии был зачислен на учебу в Институт Красной профессуры, давший советской науке целую плеяду выдающихся ученых-обществоведов. Началась напряженная студенческая жизнь, о которой он мечтал многие годы.

Известно, что во время учебы в ИКП Шацкий вел активнейшую общественную работу. Он руководил школой 2-й ступени на заводе АМО, по-прежнему участвовал в разработке всех крупных мероприятий по линии ЦК комсомола и КИМа, регулярно выступал в печати по различным вопросам юношеского движения. Постановлением учебного Совета ИКП от 17 июня 1926 года Л. Шацкий был переведен на второй курс, но еще в марте того же года он решением Политбюро ЦК ВКП(б) вновь был отозван на работу в Исполком КИМа — с правом обратного поступления на второй курс. Увы, этим правом Л. Шацкий воспользоваться не довелось. Несмотря на всю сложность работы в КИМе, он стремительно перерастал ее, и ему все чаще поручались дела, связанные с Коминтерном. Представление о Л. Шацком как крупном теоретике международного рабочего и коммунистического движения может дать его выступление на XV съезде ВКП(б), делегатом которого он был. Он вступил в спор с ведущими теоретиками партии (Бухариным, Лозовским, Мануильским и др.) по сложнейшей в те годы проблеме, касающейся степени

проникновения государственного капитализма в экономическую систему развитых капиталистических стран. Выступление Л. Шацкого было столь глубоким и содержательным, что ему продлили регламент выступления, а это делалось нечасто. На этом же съезде Л. Шацкий был избран членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б), а вскоре — членом редколлегии газеты «Правда». Пришла пора расставания — теперь уже окончательно — с работой в комсомоле, в КИМе. На VIII съезде ВЛКСМ Л. Шацкому были устроены торжественные проводы с комсомольской работы. В знак особых заслуг перед комсомолом Лазарь Шацкий второй раз был избран пожизненным почетным комсомольцем. Перед 26-летним молодым человеком открывалась широкая дорога партийно-политической деятельности...

Все рухнуло в один день. 18 июня 1929 года в № 137 «Комсомольской правды» появилась статья Л. Шацкого «Долой партийного обывателя». Статья, как и все статьи Шацкого, умная, полемически заостренная, с дискуссионными элементами «забойной» статьи, ставила своей целью открыть широкий разговор на поднятую тему.

О чем же писал Л. Шацкий? Если коротко: об угрожающих симптомах превращения значительной части членов партии в «молчаливое большинство», готовое проголосовать, не задумываясь, за любую директиву, спущенную «сверху». Если еще короче: о разрастании в нижних этажах партии слоя хорошо унавоженной почвы, благоприятной для всхожести диктатуры отдельной личности. Одним словом, статья Шацкого была направлена против складывающейся обстановки культа личности Сталина, и это, как видно, очень хорошо было понято теми, кого статья касалась в первую очередь. Иначе чем объяснить тот масштаб ярости и озлобления, который обрушился на статью и на ее автора со страниц буквально всех печатных органов?

Шацкий, сделавший первые шаги на политическом поприще в окружении ленинской когорты партийцев-интеллектуалов и под воздействием самого В. И. Ленина, не мог, видно, равнодушно взирать, как со второй половины 20-х годов — сначала исподтишка, а потом все более открыто — стала сворачиваться ленинская новая экономическая политика и внедряться старая политика «военного коммунизма» с ее жесткой централизацией экономики и власти, с методами грубого попора интересов целого класса — крестьянства. Он не мог не видеть, как на смену ленинским принципам коллегиальности и демократизма в партии и в управлении страной стремительно вторгаются аппаратно-бюрократические «методы» окрика, нажима и выворачивания рук, как приемы насилия берут верх над методами воспитания и убеждения. Судя по содержанию статьи, Л. Шацкий в тогдашней ситуации больше всего возмущала позиция рядовой партийной массы, которая все видит, но покорно молчит. Он апеллировал именно к этой «массе», но, оказалось: момент упущен, и было уже поздно. Напомним, шел 1929 год, и фактически все нити власти уже были в одних руках.

Расплата последовала незамедли-

тельно. Шацкий в спешном порядке перебрасывают в Саратов на «укрепление» агитпропотдела Нижневолжского крайкома ВКП(б). По партийной традиции тех лет он был прикреплен на партучет к партячейке № 17 Саратовского трамвайного парка, в которой и состоялась первая «проработка». К тому времени в «Комсомольской правде» (8 августа), в «Правде» (9 августа) и в других партийных газетах уже было опубликовано постановление бюро ЦК ВЛКСМ с резким осуждением «грубых политических ошибок тов. Шацкого». Шацкий 17 августа написал письмо в адрес ЦК ВКП(б), в котором выразил несогласие с «приписанием ему ошибок». 21 августа 1929 года бюро ЦК ВЛКСМ приняло резолюцию, еще более резко осудившую Шацкого теперь якобы за «подмену лозунга борьбы против правого уклона борьбой против делячества». 18 августа 1929 года саратовская «Поволжская правда» опубликовала постановление объединенного бюро Нижневолжского крайкома ВКП(б) и президиума краевой Контрольной Комиссии, в котором извещалось, что объединенное бюро крайкома и президиум КК «целиком присоединяются к постановлению бюро ЦК ВЛКСМ» и «осуждают такие «левые» взгляды, которые могут вести прямо к троцкизму», «призывают все партийные и комсомольские организации Нижневолжского края повести с такими взглядами решительную идеологическую борьбу». Одним из моментов «решительной борьбы» — заметим, не только идеологической, но и организационной — и стала «проработка» Л. Шацкого в саратовском трамвайном парке. «Как и все члены партии, дисциплину признаю,— сказал выступивший первым Л. Шацкий.— Если ЦК партии осудил мою статью, я подчиняюсь и в защиту своей статьи не выступаю, партии лгать не буду... Со своей стороны ошибок не вижу, сейчас изучаю их, но никто не доказал неправоту моих взглядов». Ему был задан интересный вопрос: «Что, по-вашему, представляет собой партобыватель?» Не менее интересен ответ Л. Шацкого: «Говорю в порядке справки. Обывателем считаю беспринципного человека, который ради спокойствия и своего положения голосует механически».

...Вскоре после саратовской «проработки» Шацкий возвратился в Москву, и здесь его окончательно исключили из политической деятельности, хотя на XVI съезде партии (июнь—июль 1930 г.), в работе которого он участвовал с правом совещательного голоса, Лазарь был избран членом ЦК ВКП(б). В декабре месяце того же года его выводят из состава редколлегии «Правды», а затем и из членов ЦК ВКП(б).

С ноября 1930 года по ноябрь 1932 года Л. Шацкий работал в Центросоюзе, в группе по разработке экономических планов на 2-ю пятилетку. Затем следы Л. Шацкого теряются, сведения о его жизнедеятельности отрывочны и противоречивы. Известно лишь, что в 1935 году он был исключен из партии с формулировкой «за двурушничество, скрыв от партии свое участие в работе антипартийных и контрреволюционных группировок». В 1937 году он был арестован и расстрелян. Полностью реабилитирован в июне 1963 года и восстановлен в партии с мая 1917 года.

СУХИЕ ХОЛМЫ КИМ МЕРИМ

На редкость приятная работа — писать о том месте, которое знаешь и любишь много лет.

Между тем любовь эта — вовсе не с первого взгляда.

Двадцать лет назад, в середине шестидесятых, я впервые попал в Восточный Крым. Помню, как вышел из автобуса, забросил чемодан в сыроватую комнату дощатого домика, легко сориентировался и пошел, уже налегке, гуляющей походкой свободного человека. Куда пошел? Да к морю, куда же еще. Юг, море, зелень, горы, а впереди чуть не месяц без спешки и забот — разве не жизнь?

Я вышел на набережную, довольно узкую и короткую, метров, наверное, четыреста из конца в конец. Посмотрел налево и увидел невысокие холмы, где песчаные, где покрытые выцветшей, желтоватой травой. Посмотрел направо — там виднелись такие же холмы, разве что повыше, ну, может, маленькие горы, негусто покрытые кустарником. Посмотрел вперед и увидел заливчик, отделенный от простора вот этими, справа и слева, холмами. Обернулся назад — за разномастными домишками поселка Планерское виднелась холмистая выгоревшая степь.

До сих пор помню охватившее меня чувство острого разочарования. И это — юг, и это — море, а эти лысые наросты — горы? Да куда они годятся? После Алтая и даже Карпат, после пройденных мною пешком пяти хребтов Большого Кавказа...

К тому времени я уже не раз бывал на юге и хорошо знал Кавказское побережье с выходящими чуть не к самой воде буино-зелеными горами, сахарными снежниками на горизонте, знал веселую Ялту, ярусами поднимающуюся по склону горы.

У меня было абсолютно четкое представление о том, какими обязан быть настоящие юг. А тут... Обманули, бог ты мой, как же меня обманули. Заманили чуть не на целый месяц, не пропадать же путевке.

Даже старинное название поселка — «Коктебель» — показалось мне не приятным, а нервным.

Вот таким, именно таким было мое первое впечатление от Восточного Крыма.

Теперь мне надо понять самому и объяснить читателю, почему этот неброский и небогатый кусок земли, столь заметно уступающий в роскошестве соседним районам, стал частью моей жизни, почему то, что поначалу обескуражило, вот уже два десятка лет радует глаз и лечит измотанную светом душу. Какой тайной владеют эти сухие холмы?

Я никогда не был в Японии и только по описаниям, фильмам и фотографиям знаю, что такое «сад камней». Но сама идея этой мудрой игрушки не может не восхитить. В Японии тесно: поля плоскостны, дома крохотны, комнатки с вагонное купе. Где найти простор для ландшафтного парка?

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Черноморский пейзаж.

Здесь жил
Максимилиан ВолошинМузей в честь автора
«Бегущий по волнам»Ивану Айвазовскому
от благодарных жителей
Феодосии.Изящны и строги
стены Генуэзской крепости
в Судаке.

Японцы отыскивали выход, придумали «сад камней».

Он крохотен, по его тропинкам не побегаешь. Этот сад не для ног, он для души. Сотворенный руками человеческими, он как бы символ природы, образ природы многоликий, неожиданный и загадочный, как она. Вглядываться в него можно до бесконечности: чем дальше глядишь, тем больше открываешь.

Сад камней учит не просто наблюдательности — он учит глубине.

На мой взгляд, Восточный Крым — наш сад камней.

Эта степь, эти холмы голые, эти длинные каменистые пляжи с нечастыми песчаными пятнами не приглашают нас к восторгам — они зовут вглядеться и задуматься. О природе, о себе, о жизни, о том, что произошло, и о том, что не произойдет никогда.

Наверное, ничто так не развивает

фантазию, как однообразная степная дорога — идешь по ней час два, четыре, а впереди все та же дорога и все та же степь. Реалисту нужна пища для глаза, романтику — отрешенность и покой для воображения.

Впрочем, все это достаточно условно, жизнь сложнее.

Но вот факт: Восточный Крым дал русской культуре трех знаменитых романтиков, трех очень разных, но одинаково странных больших художников — живописца Ивана Айвазовского, прозаика Александра Грина и поэта Максимилиана Волошина. В какой ряд поставить любого из них? Где предшественники, где последователи, где соратники? Так и стоит особняком, озадачивая ученых людей своей непохожестью на прочих классиков, не укладывающаяся ни в какие рамки, не подходи ни под какие мерки. Да и друг с другом их не объединяет почти ничего, разве что

вот эта непохожесть да живой ручей юных паломников в кроссовках и кедах, ежегодно в каникулярное время обтекающих три могилы в Восточном Крыму.

К Айвазовскому, Грину и Волошину можно относиться по-разному — и относиться по-разному. Любить их вовсе не обязательно. Но из нашей духовной жизни их не убережешь — образуются ничем не залопнимый провал. До чего же яркие были личности! Три человека, три художника, три легенды.

Но, пожалуй, сперва о другом. Воображение в этих местах будит не одни лишь ландшафты.

Я — москвич, житель города не только великого, но и древнего и очень горжусь, что моей Москве восемьсот с лишним лет. Но даже Москва — подросток рядом с Феодосией, Керчью или Судаком, которым по двадцать пять веков! Вот это воз-

раст! Еще не родились предки Юрия Долгорукого в пятидесятом колоне, а жители греческих колоний в Восточном Крыму уже строили дома, причалы, дороги, успешно вели прибрежную и дальнюю торговлю.

Города располагаются не только в пространстве, но и во времени. В этом измерении поселения Восточного Крыма славны, могущественны и обширны. Многочисленные племена и народы кочают, воюют, торгуют, плавают, строят и рушат на страницах исторических хроник. Древнейшие тавры, охотники и рыболовы, античные греки, загадочные аланы, византийцы, хазары (те самые, которым мстил «вещий Олег»), скифы, половцы, генуэзцы, татары, турки — кто только не оставил свою строчку в этой летописи, свою тропинку меж здешних холмов, свою могилу на местном кладбище. Восточный Крым — Киммерия — драгоценный материал для историка, счастливый шанс для археолога. Да что там археологи — обычные курортники, ныряя, достают со дна здешних бухточек обломки древних амфоров.

Три человека, три художника, три легенды.

Наверное, самый знаменитый житель Феодосии за все двадцать пять веков — живописец Иван Константинович Айвазовский. После купцов оставались деньги, после завоевателей — кладбища, после тиранов — тюрьмы. А после художника остались картины — десятки полотен в музеях мира. Люди толпятся, смотрят, хвалят за мастерство, ругают за холодность, кого-то противопоставляют художнику, кому-то противостоят ему — и повторяют, повторяют, повторяют его фамилию. Даже поговорка сложилась, бытовая и чуть насмешливая: «Достоин кисти Айвазовского!»

А кого еще из живописцев приплывала поздравлять с юбилеем целая эскадра? С Айвазовским же случилось именно так: на празднование всего лишь десятилетия его творческой деятельности пришли из Севастополя шесть военных кораблей под флагом самого адмирала Корнилова!

Живопись Айвазовского можно оспаривать: однообразен, дескать, поверхностно-романтичен, чего только о нем не говорят! — а вот славы не оспоришь. Факт.

Живописец был очень необычный. Почти всю жизнь он прожил у моря, шум прибоя долетал сквозь открытые форточки, гул штормов — сквозь задвинутые шторы. Подойди к окну феодосийской мастерской — и вот оно, море.

Изо дня в день, из года в год Айвазовский писал море.

Повернувшись к нему спиной. В сине-черной, в зелено-белой, в шуршащей, шумящей, бушующей натуре Иван Константинович не нуждался. Утверждал, что пишет по памяти. Этой версии придерживаются и лояльные к нему искусствоведы.

Но можно ли помнить то, чего нет? Кто, где, когда видел моря, изображенные на картинах Айвазовского? Эти прекрасные волны, прекрасные штормы, прекрасно гибнущие прекрасные парусники и плоты?

Я не искусствовед, но все же рискну предположить, что прославленный феодосиец всю жизнь переносил на плотно море, рокотавшее в нем самом. Он не писал бурю с натуры, потому что сам был слишком бурной натурой — реальной стихии Айвазовскому не хватало. Он бросался на холст, как тигр на теленка, — на огромное полотно порой уходило три-четыре дня.

Драматурга Лопе де Вега современники называли восьмым чудом света — и заслуженно: испанский гений написал около тысячи пьес. Иван Константинович столь высоких похвал не удостоился, а после него осталось шесть тысяч полотен! Впрочем, Айвазовский в вос-

торженных словах не слишком и нуждался — в своем призвании он не сомневался и вообще комплексами не страдал. Здоровья судьба ему отсыпала щедро: рослый, сильный, он прожил восемьдесят три года и умер, что называется, с кистью в руке. Живопись Айвазовского и при жизни пользовалась большой популярностью, художник был богатый человек.

Тем не менее, как всякий труженик, цену деньгам он знал и тратил их с умом. Самые большие вложения делал в людскую память. Так, построил на набережной большую красивую галерею и подарил городу вместе с коллекцией своих картин. Сделал и еще подарок согражданам, не столь творческий, но очень полезный: городской водопровод с фигурными фонтанами.

Феодосийцы отвечали добром на добро: художника любили при жизни и чтут после смерти. Ближняя к Феодосии железнодорожная станция называется Айвазовская. Рядом с картинной галереей стоит памятник Ивану Константиновичу: бронзовый художник смотрит на море, которое при жизни столько раз писал, не глядя на него.

Полная, счастливая, целиком удавшаяся жизнь...

Прозаик Александр Грин тоже жил в Феодосии, но городу ничего не подарил. Не от скудости — этому романтику просто дать было нечего. Жил в бедности, умер в нищете. Это произошло уже не в Феодосии, а в Старом Крыму.

Впрочем, место последнего вздоха большого значения не имеет: если Феодосию с полным правом можно назвать городом Айвазовского, то Старый Крым городом Грина не назовешь. У Александра Степановича Гриневского вообще не было своих городов, никакого имущества к его рукам не прилипло.

Вглядитесь в фотографию: впалые щеки, спутанные волосы, сумрачные глаза. Типичное лицо неудачника! Он и был неудачником — на наше счастье, как ни горько это признать.

Кто в детстве не мечтал о путешествиях, приключениях, неожиданных встречах, внезапных опасностях и чудесных спасениях? Все мечтали, но потом становились взрослыми.

Грин не остался ребенком — он тоже повзрослел и даже постарел. Просто его мечта была нашей не чета.

Молодой человек из провинциальной Вятки, не имевший ни здоровья, ни состояния, как мог, боролся с судьбой. Побеждала судьба: единственное заграничное путешествие матросом на корабле кончилось худо — болезнью. Даже к Крыму в конце жизни Грина накрепко привязала, увя, не столько романтика, сколько чахотка.

Мечтал о морских просторах, о джунглях вдоль великих рек, о бесконечно сменяющихся городах, а умер в бедном домике, в комнатке тесней корабельной каюты. Хорошо, что могила его в Старом Крыму не затерялась. Герои Грина оказались удачливой автота: он своих алых парусов так и не дождался.

Но — парадокс профессии: что плохо для человека, то хорошо для писателя. Жизнь, о которой мечталось, Грин не прожил и, может, именно поэтому с такой силой и проникновенностью ее написал. Судьба закрыла перед ним дальние страны — он придумал свою дальнюю страну. Кто-то из коллег остроумно и броско назвал ее «Гринландией».

Название прижилось, и на долгие годы «Гринландия» стала как бы символом беспочвенной романтики, фантазии, начисто оторванной от реальной жизни. Грина не издавали — предполагалось, что молодежь должна мечтать на научной основе и байки про героев с иностранными именами ей ни к чему...

Я прекрасно помню время — самое начало шестидесятых, когда Гринлан-

дия вдруг ожила, населилась и буквально на глазах стала территориально и численно расти, превращаясь в невоинственную великую державу. Это была славная пора первых молодежных строек, пора ошибок и подвигов, честных иллюзий и корыстного обмана, пора, когда книжная мечта вдруг слилась и сплывалась с реальной работой. Эшелоны шли на восток, старелись первые палатки, в дощатом бараке отрывали молодежное кафе и называли его «Алые паруса». Только так. В крайнем случае «Ассоль» или «Бегущая по волнам».

Символом этой гриновской эпохи, длившейся лет пятнадцать, не меньше, для меня остался Руслан Галимов — строитель КамАЗа, бывший детдомовец, татарин, писавший талантливые стихи по-русски, черноволосый и черноглазый крепкий в зеленой штормовке с надписью поперек спины «Зурбаган».

Постепенно мода схлынула, но что-то осталось, а именно: спокойная и устойчивая любовь к невезучему романтику из Вятки, с такой силой и болью написавшему о Несбывшемся (это не я, это он поставил в начале слова прописную букву).

Над могилой Грина в Старом Крыму ныне установлен памятник — нечто металлическое, романтическое, блестящее. Честно говоря, я этот памятник не люблю. Во всяком случае, место ему не здесь. Ведь гриновские корабли, с алыми парусами и без, благополучно продолжают свой бег по волнам времени, будоража воображение современных подростков. И судьбы романтических героев складываются удачно: Ассоль и Грей находят друг друга, Фрези Грант помогает морским скитальцам, любящие люди живут долго и умирают в один и тот же день.

Нет, гриновским персонажам место среди живых. А здесь, на маленьком кладбище маленького городка, лежит человек, сполна оплативший наши сладкие минуты над книгой горькими часами своей жизни. И очень не хочется, чтобы те же волны времени поглотили навек память о худой руке, водившей пером по бумаге, о впалых щеках, спутанных волосах и сумрачном взгляде.

Читайте Грина, развивайте фантазию, набирайтесь благородства у героев с непривычными именами, но хоть изредка вглядывайтесь в изможденное лицо на фотографии...

Александр Грин придумал одну жизнь, а прожил другую. Максимилиан Волошин оказался последовательней: он не только придумал жизнь, сильно отличавшуюся от окружающей, но и довольно долго этой придуманной жизнью жил.

В его фотографии тоже стоит вглядеться попристальной.

Вот одна, в рост. Невысокий полный мужчина лет тридцати с добродушным бородатым лицом. Но что-то вроде античной туники, что-то вроде античных сандалий и венка из полевых цветов на голове. Маскарадный костюм фавна? Ничего подобного, ежесдневный костюм поэта Волошина. Во всяком случае, именно такое одеяние внедрялось в сознание гостей в качестве обиходного.

Однако, повторяю, вглядеться стоит попристальной, иначе можно упустить нечто важное и прежде всего — спокойные, умные глаза. Туника туникой, венок венком, а мысль уже тогда шла в глубину.

Как и у Грина, у Волошина были слабые легкие. Но в отличие от Грина имелося некоторых наследственное состояние, которого матери будущего поэта хватило, чтобы купить участок земли близ маленькой деревушки у моря, построить дом и увезти мальчика в Крым от северных холодов и промозглости.

Молодой Волошин был либерален,

участвовал в студенческих беспорядках, за что его в конце концов и изгнали из Московского университета. Прервав таким образом учение, он путешествовал, писал статьи о зарубежном искусстве и холодноватую, в основном созерцательно-пейзажную лирику. Молодая филологиня, пишущая нынче диссертацию о раннем творчестве Волошина, особо выделяет тему драгоценных и полудрагоценных камней, с которыми молодой поэт сравнивал море, небо и прочие недргоценные вещи.

Словом, вполне можно было предположить, что жизнь Волошина пройдет без громких побед, но и без тяжелых печалей за спиной Бальмонта, Брюсова, Анненского и Блока, в скромной шеренге второстепенных поэтов начала века.

Ну кто бы тогда подумал, что спустя полвека после смерти слава Волошина будет расти и расти, что дом его в поселке Планерское станет местом почитательного паломничества, чем-то вроде крымской Ясной Поляны, а к его могиле на вершине довольно высокого холма тысячи ног пробьют такую широкую тропу, что, пожалуй, уместнее будет назвать ее узкой дорогой.

Максимилиан Александрович Волошин был человеком творческим в самом широком смысле слова. Творчество в широком смысле слова и обеспечило ему вполне заслуженную признательность потомков.

У Грина не было своих городов. Айвазовский увеличил красоту и славу своего города. Волошин в каком-то смысле сделал еще больше: он создал свой город.

Ну, город — это громко сказано. Планерское и сейчас-то поселок, а в начале века была просто деревня со старинным названием Коктебель, что, впрочем, переводится красиво: согласно путеводителям, «Страна голубых вершин», если верить местным жителям, «Долина голубых скал». Но маленький Коктебель по влиянию на отечественную культуру стоит, может быть, десятка иных городов.

Кстати, этот поселок, вытянувшийся километра на два вдоль залива, старше Москвы на добрых пятьсот лет: уже в VII веке здесь было поселение тавров. Один из нормальных парадоксов Восточного Крыма...

Вернувшись в Коктебель из Парижа, где он прожил довольно долго, Волошин начал строить новую дачу — недалеко от дома матери, почти на самом берегу. Дача получилась большой, красивой и оригинальной, с просторной мастерской, высокими лестницами и площадкой на крыше, похожей на капитанский мостик, — хозяин из лирического поэта вышел неожиданно хороший. Даче было дано обязывающее, достаточно претенциозное название «Дом поэта».

О чем думал Волошин, осваивая кусок земли на песчаном побережье, столь бедном лесом и пресной водой? Уж, наверное, не о климатических и лечебных прелестях будущего курорта.

Спокойные, умные глаза Волошина смотрели на жизнь внимательно и видели многое. Например, то, что русское общество живет скучно и в общем-то плохо. Даже интеллигенция следует в быту чиновничьей регламентации: заранее известно, куда что надеть, к кому пойти в гости, какими словами поздравить именинника и как подписаться в конце письма. Сохранились снимки русских пляжей на рубеже века: на ровном песочке лежат молодые люди в черных брюках, жилетках и лакированных туфлях.

Пожалуй, на таком фоне туника и венок имели некоторый смысл, как десятилетиями позже желтая кофта молодого Маяковского.

Не имея возможности существенно повлиять на жизнь страны в целом, Волошин, человек деятельный, решил преобразовать ее хотя бы в пределах окоема, сделать творческой, свободной, человеческой.

Волошин всегда был гостеприимен, его дом был открыт, а стол накрыт и для случайных странников, и для известных деятелей культуры, и для самоуверенных молодых людей, которым еще только предстояло стать известными деятелями культуры. В опасные годы гражданской войны и в голодные годы после ее окончания гостеприимство Максимилиана Александровича приобрело форму более строгой и обаяющей: он устроил в своем доме своеобразную коммуны для творческих людей. В печати цитировалось его письмо А. И. Полканову, замечательному крымскому краеведу:

«Рекомендую привезти мешок для сена и обеденный прибор с тарелкой... Прислуги нет. Воду носить самим. Совсем не курорт. Свободное дружеское сожитие, где каждый, кто пришелся «ко двору», становится полноправным членом. Для этого же требуется: радостное принятие жизни, любовь к людям и внесение своей доли интеллектуальной жизни».

Как видим, несмотря на тунику, Волошин вовсе не был оторванным от жизни мечтателем: высокая духовность прекрасно сочеталась в нем с вполне конкретной практичностью. Романтическая идея воплотилась в жизнь с редкой фундаментальностью: гостями волошинской дачи в разное время были М. Цветаева, И. Эренбург, М. Булгаков, К. Чуковский, А. Толстой, А. Спендиаров, К. Петров-Водкин, А. Ферсман, К. Богаевский... На стенах дачи, выложенных из ноздреватого крымского камня, не вешают мемориальных досок и правильно делают: стен бы не хватило. Дача, авось названная «Домом поэта», действительно стала Домом поэта, и теперь это имя звучит не претенциозно, а точно.

Пожалуй, именно благодаря Волошину в маленьком поселке у моря возникло и утвердилось то неуловимое и драгоценное, что до сих пор называют «духом Коктебеля». Барды, поющие на набережной, импровизированный концерт скрипача или флейтистки на склоне холма, бесчисленные выставки молодых художников — листы, разложенные по скамейкам, — все это, может, странно смотрелось бы в ином месте, а здесь привычно и как бы даже необходимо.

Эпоха революционных потрясений повернула судьбу многих художников, но круче всех, наверное, судьбу Волошина. Холодноватый, мастеровитый лирик стал глубоким, предельно искренним, безоговорочно большим поэтом. На поздних фотографиях отчетливо видно: личность определилась, лицо оформилось, приобрело выразительность, законченность и мощь. Нужда в венке отпала. Да и глаза теперь умными не назовешь, слабовато определение: у позднего Волошина глаза мудреца и провидца.

Поэт не успел стать стариком — он умер пятидесяти пяти лет, все-таки от болезни легких. Холм, на вершине которого он похоронен, носит старинное название Кучук-Енишар, но оно почти забыто: все называют этот холм горой Волошина.

Город, построенный Максимилианом Александровичем, чем-то похож на гриновский: его население так же текуче и юно. Но в отличие от Зурбагана и Лисса у него есть совершенно определенное место на земле: «Дом поэта» и вся его большая округа, исхоженная, изъезженная, исплаванная Волошиным, легко узнаваема в его стихах и картинах, точно привязанная к множеству вполне достоверных легенд, живущая, конечно же, по своим сегодняшним законам, но в чем-то важном — и по романтической, человеческой, благородной традиции Волошина.

Случайный, но такой справедливый подарок природы: там, где скалы Карадага обрываются к морю, обрыв этот, если смотреть от «Дома поэта», имеет волошинский профиль...

Три больших художника, прославивших работами своими и своими могилами этот край, учат нас смотреть на него внимательно и вдумчиво, своими глазами.

Восточный Крым — наш сад камней: если взглядишься в него, открывается многое.

Самое замечательное место на побережье, наверное, все-таки Карадаг. Что это такое? Кто говорит — горная система, кто — горный массив. А велики ли горы? Неловко сказать, 580 метров самая высокая. Полтора часа неспешным шагом — и вершина под твоими подметками, а вся «система», весь «массив» — как на блюдечке.

Но природа не бельевая ткань, чтобы мерить ее на метры.

Невысокий и необширный Карадаг — целый мир со своей историей, культурой, жизненной философией. Это университет для представителей множества профессий — геологов, биологов, историков, археологов, художников, это книга, которую читать и читать. Карадаг можно изучать бесконечно и радостно, не как грамматику и арифметику, а как лицо любимого человека — и он, опять-таки как лицо любимого человека, никогда не приестся и, до мелочей знакомый, все равно не откроется целиком.

Карадаг — самый древний вулкан Европы. Феодосии и Керчи по двадцать пять веков — и представить трудно! Но почтенный этот возраст — пылинки у ног Карадага, которому полтора миллиона лет!

Вулкан давно потух. Но если силы подземные прочно уюмонились, то силы надземные — ветра, ливни, хоть и нестойкие, но все же снега — продолжали делать свое дело, придав в конце концов скалам Карадага их сегодняшней облик. Не знаю, есть ли на свете кусок земли разнообразней и выразительней, чем этот безмолвный каменный театр.

Природа — скульптор талантливый и уж, во всяком случае, трудолюбивый. Некоторые огрехи стиля легко исправляет наше воображение. Скалы Карадага не только своеобразны, но только памятны, у десятков из них — свои названия.

Вот Разбойник — мрачный, в высокой шапке. Вот Лев, расположившийся у воды. Вот две Лягушки. Вот целое шествие: Король, Королева и свита. Вот высоченная Шапка Мономаха. Вот Маяк...

Среди каменных скульптур Карадага особо известны, а точнее, знамениты, две. Обе, к сожалению, связаны именами с нечистой силой. Это громадная черная скала «Чертов палец» и крымский уникум — выступающие из моря «Чертовы ворота». Впрочем, нынешние обитатели здешних мест предпочитают называть прославленные скалы более respectfully: «Чертов палец» — Сфинксом, а «Чертовы ворота» — Золотыми воротами.

И морские бухточки, лежащие под обрывом Карадага, все выделены человеческим глазом, все названы: Лягушья, Сердоликовая, Львиная, Разбойничья, Барахта...

Не знаю, насколько хороши имена. Но как же хорош сам факт именованности, выделенности, а значит, внимательности и любви! Из уст в уста, из поколения в поколение переходят эти названия, невольно заставляя новичка вглядываться в камень, узнавать, запоминать...

А еще есть подводный Карадаг: скальные лабиринты, гроты, туннели, скрытые сине-зеленой водой и лишь изредка высывающиеся из-под волны обкатанные морем, поросшие водорослями макушки.

Все, что могут дать человеку горы, может дать скромный по размерам Карадаг: радость и усталость подъема, широту обзора, разнообразие, знобкое чувство своей малости в мире и краткости жизни, загадку, опасность. Увы,

и опасность: с головы скал Карадага сорвалось немало неопытных или невезучих поклонников высоты...

Невеликость Карадага и близость к модным курортам обернулись для горы немалой опасностью: сломает каждый турист по ветке, соберет по букетику, унесет по корзинке кизила, по горсти камешков (а камни здесь редкие и красивые) — много ли останется от чуда природы через десяток-другой лет? В 1979 году Карадаг объявили заповедником, сейчас им можно любоваться только со стороны. Со временем предполагается вместо множества тропинок проложить одну, чтобы ходили по ней аккуратно, как по музею. Резон в этом есть: нас много, еще новые подрастают и рождаются — Карадаг один. Один на всех, на нас и на правнуков...

Генуэзская крепость в Судаке так красива, что из отдаления кажется маленькой. Слово из детских кубиков сложены изящные зубцы ее стен, гармоничные башни. Кому и когда вздумалось так причудливо украсить скалу на окраине города?

Никому и никогда. О красоте тут не думали — думали о пользе, о безопасности, о спасении от внезапного врага. Стены для защиты, зубцы и башни для обороны, прорези в каменной кладке для прицельной стрельбы. Все разумно, все к делу, все строго функционально. И все красиво, ибо разумность и строгость не нуждаются в архитектурной бижутерии.

Когда заходишь внутрь, видишь, что крепость огромна. Она соизмерима с Ярославским, Ростовским, Новгородским и даже Московским Кремлем — тридцать гектаров, два десятка башен. А по высоте уж не знаю, какая крепость в нашей стране с ней сравнится: когда от Главных ворот смотришь на верхнюю, венчающую скалу Дозорную башню, люди рядом с ней кажутся совсем миниатюрными.

Крепость строили в XIV веке, неприступную на неприступной скале. Тогдашним завоевателям с их луками и арбалетами подобные стены были не по зубам. До сих пор впечатляет хорошо сохранившаяся мощная каменная кладка. Согласно преданию крепость ставилась на яичном желтке, хотя сколько же кур было надобно, чтобы обслужить такую громадину!

Величественные руины охраняются государством. В былые века не охранялись никем. И тем не менее крепостные стены стоят вот уже шесть веков — надежнее всех охранных грамот их оберегает высочайшее мастерство средневековых строителей. Конечно, мы сегодня строим быстрее, и методы наши прогрессивней, и механизация — не сравнить, и наука высчитывает наперед все, что надо, но простоят ли нынешние строения шестьсот лет? Это я к тому, что не надо слишком уж задирать нос перед непросвещенными предками, не имевшими подъемных кранов, сварочных агрегатов и научных обоснований.

Даже неприступные крепости рано или поздно берут приступом. Появилось огнестрельное оружие, новые осадные механизмы. В конце пятнадцатого века генуэзский Судак (тогда он назывался Сугдей) захватили турки. Крепость пала, но каменная кладка выстояла. Уже в наши дни на ней оставляют отпечатки пальцев тщеславные туристы: Витя из Тюмени, Маша и Жанна из Воронежа, Гога из Туалсе. Остается надеяться, что краска, которой написаны их имена, не столь долговечна, как стены великой средневековой крепости...

Дозорную башню еще называют Девичьей. Сохранилось сразу несколько легенд о прекрасных девушках, которые бросились с башни на скалы во имя несчастной любви. Не знаю, стоит ли за этими легендами какая-нибудь реальность: смущает, что во многих городах есть башни с аналогичными на-

званиями и аналогичными легендами. Но интересно, что люди, у которых нередко выпадают из памяти штурмы, бои и осады, эти легенды исправно передают из поколения в поколение: видимо, для простого народа во все времена любовь была выше войны.

Счастливая строчка жизни — дорога из Планерского в Старый Крым. Двадцать километров, и что ни километр, то открытие.

Вышли рано, еще до солнца — только на востоке, на гребне горы Волошина, обозначилось красноватое отсветом место, отсюда оно собиралось взойти. Ладно, пусть светит, лишь бы не слишком грело.

Сперва — спиной к морю и — вперед, вперед. Что впереди, не видно за холмиками, а справа — ровная, как стол, длинная гора Узун-Сырт. Гора тоже историческая, хотя славно ее истории не столь уж много лет. Здесь в двадцатые и тридцатые годы состязались и экспериментировали молодые планеристы со скромными, ничего не говорящими именами: Сергей Ильюшин, Олег Антонов, Сергей Королев.

Но вот ушли за холмы, взяли левее — и открылась взгляду длинная пустынная равнина. Это Библийская долина — говорят, так окрестил ее сам Волошин. Идти по ней часа два. Но вот долина уперлась в невысокие лесистые горы — новое открытие. Тропа, ровная каменная тропа.

Впрочем, она для нас тропа. А для генуэзцев, вымостивших камнем путь через лес и горы, это была не тропа, а дорога. Чего только не везли по ней из глубинного Крыма или в глубинный Крым! Зерно, вино, масло, кожи, мед, воск, соль, оружие, предметы роскоши, ибо и в ту суровую эпоху средневековья была своя суровая средневековая роскошь...

Каждый поворот генуэзской тропы — новое открытие, ибо открывается новый вид. Например, море. А море издавна и сверху — совсем иное море. И, наконец, перевал, подарок путнику, место, начиная с которого дорога скатывается вниз, и тяжесть собственного тела становится не врагом, а союзником...

А почему, кстати, люди селились не у теплого, ласкового моря, а вот тут, за сухой долиной, за горами, за лесом?

Была причина. По морю, большой дороге тех времен, ходили не только добрые. Всякие попадались, в том числе и такие, что были вовсе не прочь пограбить богатый город. И половецкие ханы, знавшие толк и в богатстве, и в грабеже, разбивали ставку близ теперешнего Старого Крыма, где и пастбища получше, и от приключений подальше.

Тропа дает время подумать — спасибо ей за это!

На картах эту местность называют Восточным или Юго-Восточным Крымом. Вот и я ее так стал называть.

А зачем? Я же не картограф.

У каждого края, как правило, есть свое традиционное название. Оно, как фамилия человека, длинным корнем уходит в прошлое, в нем и память, и гордость, и вина, и беда. Это нитка, которую лучше не рвать, она сшивает эпохи.

У местности, о которой идет речь, есть свое имя — Киммерия. Так называли ее в старину.

Разве плохое слово? Не такое уж длинное, но за каждой буквой — три столетия. Само звучание напоминает о временах, когда Керчь была Пантикапеем, а Судак — Сугдеей. В стране с таким названием вполне могли действовать герои Грина, именно он скорее всего омывает моря Айвазовского, а в стихах Волошина она названа именно так.

Вот и я хотел бы оставить это название за бухтами Судака и Нового Света, за лесами Старого Крыма, за скалами Карадага, за сухим, каменным, прекрасным куском нашей земли.

Рустем КУТУЙ

ТАУФИК И РЕЗЕДА

— Корову бы завести,— мечтал Тауфик, поглаживая лоб.— Утром в Лядской сад вывел, привязал к дереву — и хоть что делай. Садовник цветы нюхает, корову обижать ему ни к чему. Зато молоком залейся.

— Ну и додумался! Кто же тебе разрешит: в городе — корова! Ну и голова у тебя! — оборачивалась от корыта мать. К стене прислонялась занемевшей спиной.— Теперь не война, макароны выделяют. Без каши и масла не живешь. Сахар во рту тает. Проголодался, что ли?

— Без коровы плохо,— сказал Тауфик.— Не хуже лошади.

— Лошадь телегу возит. Городской, а языком за коровой ходишь. Далась она тебе, ненаглядная. Руки, ноги с ней потеряешь, молоку не возрадуешься. По камням колеса бегают, не копыта.

Тауфик съездил на саях в деревню, вот и заговорил о корове. В базарный день нагрянули родственники — развязали платки, почаявничали, обсуждая новости, и увезли его на побывку в деревню Марясово. Только полозья завизжали по морозному снегу. А там — корова Резеда паром дышит, сосульки вокруг нее слезами текут. В заглубевшем глазу влага не остывает, на костистой голове солнце пляшет. Было морозно, а тут вдруг весна снежным комом с крыши упала. В животе коровы теленок толкается. Навоз в углу преет. Тауфик прижался ухом к вздымающемуся боку коровы, услышал, как погуливает, томится там, в потемках, в тесной замкнутости, неизвестная жизнь, и будто стукнулся своим сердцем о ее сердце, крупно призывающее из мрака, живое, теплое, непременное. Отзывалось оно громкими толчками, всплывавая, уплывавая, могучее, как колокол, звучащий над тишиной поля,— коровье сердце, без усталости разрывающее кровь по необъятному телу. И тогда удивился Тауфик, приняв слухом наружный гомон деревни, пронзило его блестящей иглой бесконечное течение нескудеющей жизни на земле — белизна снега за воротами, кудрявый дым над крышами, одинокое дерево у колодца. Жизнь выходила шумным потоком из ноздрей коровы, из нутра ее, жуткого и тайного, присоединяясь к звукам мира теплым и запахом. И каждый день — утро ли, вечер — гладил Тауфик корову Резеду по голове, угощая корочками хлеба. Корова была покорная, терпеливая, задумчивая.

С тем теплом и вернулся в город, и словно корова Резеда пришла за ним на веревочке по весенним бульжникам. И куда больше не захотела уходить.

Вроде безделица, как сон навязчивый, а прижилась корова в его непрояснившейся душе, продышала через глубокий снег окошко...

Бегал Тауфик в школу, наискосок пересекая улицу, шалел на ветру враслашку, а корова Резеда вела за ним зеркальными глазами — жила и жила всегда поблизости, дожидаясь травы, а свету уже было много, лучи ударялись о всякое стеклышко, отскакивали к лицу, обжигаясь, а сугробы оседали, подмокали помаленьку, открывая камни.

И обычно произносил он вечером, когда спал бестолковый шум дня и двор за окнами притихал, готовясь к ночи:

— Сарай есть, корова могла бы поместиться. Травы сколько хочешь в парке, накосил бы на зиму. Завались травы.

— Ты косу-то не видел.

— Габдулхай показывал, да снег был, а то бы и покосили. Выучусь, не бойся. Стыдно мне, что ли?

Братишка спал, разбросавшись. Печка излучала мягкий жар старинными, потресканными изразцами. Тауфик всю войну согревался о сияющие, не до конца постаревшие камни с завитками и птицами на гладкой поверхности. Любил печку, обхватывал ее руками. А теперь вот полюбил корову Резеду и запах помнил солевшего сарая — запах широкого тела коровы, соломы в лыдинках и сырой ременной кожи по стенам.

Мать сливала воду, развешивала белье, а он не слышал — утонул в траве, а то взбегал на облысевший пригорок и разворачивал кнут над головой. Свист настилался понизу лощины, как испугавшийся зверь, обдираясь о кусты орешника... Тауфик встряхивался и присоединялся к братишке.

Так из ночи в ночь и перетекало время белой молочной стружкой.

Утром стучал ладошкой по окну дружок Азат, вспотевшая челочка вылезала из-под малахая.

— Эй, засони! — Крупные зубы, как белые фасолы, лезли наружу. Язык облизывал стекло. Рот Азата распахивался розовым сундукком.— Открывай! Сам спишь, а я, может, мерзну...

Садилась на кухню. Намазывали хлеб маслом и пили чай.

— Вкуснее твоего кипятка на свете нет,— похваливал Азат.— Сахар голубой, кусай не откусишь, пока сам не согласишься растаять. Про масло язык не может говорить, все время наслаждается.

— Мать из буфета приносит. Буфет у них на аэродроме. Летчикам и шоколад полагается. Может, плитка целая или две. А разве съешь столько-то? Куда-а... Я тебя угощу, погоди, устанешь жевать.

— Не устану,— зажглась Азат и видел себя перемазанным в шоколаде: «До чего красиво!» — У меня не задержится.

— Без масла тоже никак нельзя, зрение портится,— поучал Тауфик.— Полетай-ка! В небе все подругому: молния ударит — хвост отрубит. За ней уследить надо.

— Птица без шоколада все видит, где ей масла взять,— начинал сомневаться Азат.— Ласточка вон какая быстрая.

— Много ты понимаешь! А мы с тобой кем станем?

— Я петь буду,— сразу отвечал Азат.

— Значит, и тебе без масла нельзя. Голос смазывать полезно, по утрам хотя бы. Не охрипнешь тогда, пой без остановки. Если бы у меня была корова Резеда, я из тебя, знаешь, какого певца сделал! Соловья почище. Лопал бы и лопал масло.

— Но коровы нет,— улыбался Азат.

— А я про нее все знаю, как будто она в сарае живет.

— Большущая,— подсказывал Азат.— В ушах моих мычит.

— Болтай, да не заговаривайся,— как старший, приказывал Тауфик.— Бычка и то в глаза не видел. Испугаешься.

— Ты сам мне про корову заливаешь, я и привык. Азат помладше, а потому и сговорчивей. Улыбок у него полные щеки. Да ненамного Тауфик старше — всего на кончик коровьего хвоста, на два месяца каких-то, и то в которых по волоску не хватает: февраль-март.

— Ну-ка, давай мускулы померим,— говорил после чая Тауфик.

Они сгибали локти друг против дружки, щупали вспухшие яблоки мышц, давили пальцами по очереди.

— У тебя крепче,— соглашался Азат.— Я не обижаюсь.

— Зато ты ах, какой красивый! Девушки любить будут.

— Ска-ажешь,— покрывался испариной Азат.

— Учительница пеня на тебя засматривается. Девушка!

— Дурацкие разговоры у тебя,— отворачивался Азат. В карманах начинал рыться.— Платок дома забыл. Налей еще чаю.

— Куда тебе, вспотел. Молока попей, а я братишку разбужу. Заспался, бессонница у него — снов не видит...

На катке как-то вздумали их побить ребятишки с Подлужной, кружили, кружили вокруг, задевая исподволь. Пристали к Азату.

— Ты почему это щеки свеклой мажешь?

Тауфик тотчас понял, на что ухмыляющийся «заводила» палец слюнявит, а исподтишка коньком за конек цепляет. Примеривается. Слегка отодвинул его плечом Тауфик, примкнул спиной к спине Азата и кулаки выставил. Азат тоже напряжился, сообразил ошалевшей головой что к чему. Получилась маленькая крепость, со всех сторон защищенная: не подступишь!

Бились до «первой кровянки». Потом утирались снегом, посмеивались.

— Погрелись малость.

— Больше не полезут.

— Кровь из носа маленько вытекла.

Обидчики рядом охлаждали пыл, тоже красный снег откидывали в сторону, разогнавшееся сердце успокаивали. Петушки и только.

И разъехались по разным концам ледового поля. Больше их не задирали.

А после того, как съездил Тауфик в деревню на саях и послушал, как бьется сердце коровы Резеды, он уговорил Азата прогуляться до Подлужной: весной там в каждом дворе замечательно пахло коровой. Теплым казался воздух от этого запаха.

До самой речки Казанки дошли.

— Чуешь, как пахнет? — спрашивал Тауфик.— Ты без шума вдыхай, будто чай пьешь с блюдечка.

— Вроде бы деревней пахнет,— отзывался Азат.

— Вот-вот, сладостью, Резедой коровой. Опять я как в Марясово побывал. Там плетни из сугробов лезут.

И стояли как зачарованные, просветляясь от весенней благодати. Скиннули шапки ненадолго, чтоб ветерком обдуло голову.

А на восходе горы ребятишки поджидали у ворот, старые знакомые: откуда и проведали. Целый табун оббразовался.

— Батюшки, кого к нам занесло? Куда путь держите?

— Не дрейфы! — шепнул Тауфик. И громко добавил: — Здорово!

— Здрате, здрасте!

— Наше вам...

Заулюлюкали ребятишки, снежки приготовили.

— Приятель что же не здороваешься?

Тауфик дернул за рукав Азата.

— Привет! — заорал тот.

— То-то... Вежливые!

И прошли, не сбиваясь с шага. Пряменько прошли, не поскользнулись. В гостях побывали, блинов поели. А снежки все же достали, безобидные, хрупкие, мелькнули и пропали.

— Дру-узья! — донеслось издали.— Как приклеенные...

— Боксу обучимся! — говорил Тауфик на ходу.— Силенок накопим. Не больно война живот стягивает, обучимся. Кашу пшенку есть будем. Овса и гречки обещали из деревни. Когда тебя девушки соберутся любить...

— Хватит издеваться! — бурчал Азат.

— Голова! Их же защищать надо, а не только под ручку держать. Учительница пеня вон какая худая...

Вечно он, Тауфик, про учительницу пеня разговор заводит. Азат, конечно, догадывается. Догадывается

Азат, что голосок ее захлебывающийся нравится Тауфику. Тот сам признался однажды: «Слова из нее, как колокольчики, вылетают. Песня! Заслушаешься... Мария Ромуальдовна — имечко!» А что она Азата хвалит, это не в счет: он всякую ноту возьмет, не поперхнется. «Соловей-соловушка ты у нас,— восторгается Мария Ромуальдовна.— Жалко, не до этого сейчас, хоть и война кончилась. Вот залечимся окончательно, не так запоешь. Шуточное ли дело, голос иметь...» А про «девушек» подначивает Тауфик, точно это поговорка такая, прибаутка, со взрослых слов аукается, из книжек про любовь и другие таинства...

Попивал Азат молоко, улыбаясь близким, промелькнувшим событиям, нет-нет да и оборачивался на голос Тауфика.

— Вставай без промедления! Снова скажешь, ничего не снилось? Сам кино бесплатное глядел. Носки раскидал. К умывальнику в трусах иди, не простудишься, полотенцем растирайся. Раздул сопелки. И живо, а то дохляк дохляком! Поторавливайся, не мух ловишь. Я из тебя Степана Разина сделаю! Ну-ка, ударь меня, не жалей! Во! Мужичок, хоть и с ноготок. Давай, давай. И губа висит, слюни подбери. О-от, подарочек! День набирал силу.

Дом Тауфика был большой, звонкий, и звуки по нему метались, как мячи, от стены к стене. Два кресла и стол из темного дерева, низкая кровать не мешали перелетать звукам. Здесь было хорошо петь, кричать и смеяться. Другую комнату занимали книги, там стояла кабинетная полутыма. Мать пристраивалась на ночь в одиночестве, шелестела, вздыхала. Кабинет стал ее спальней. Плотная штора скрадывала свет. Вечерами колпак настольной лампы был похож на седую голову, прикрытую ладонями. Сюда дети заходили тихими, ничего не нарушая. Сидели на гладкий

диван и глядели на серьезный портрет отца. Белая фарфоровая пепельница с фигуркой сидящей собаки была необыкновенной сияющей чистоты. Тауфик прикасался к ней, как к живой, задерживал руку, ощущая приятный холодок.

Но в гостиной всегда было шумно. Никаких тебе соседей.

А тут еще привалила удача: появились боксерские перчатки. Тауфик их выцганил у Хорунжия, старшего вожатого. Тот страдал фурункулами, показывал, наклонив голову, изрытую воронками шею, и бедные руки показывал, произнося одно и то же: «Вулканы одолели, выть хочется...» Тауфик спроворился притащить ему топленого молока. Хорунжий моментом освободил кувшин, выглотал за милую душу и вытер подбородок. Неделию он пил без передышки по утрам топленое молоко, как приговоренный. Можно было подумать, что Тауфик и вправду обзавелся коровой Резедой. А попросту это была дневная норма братишки — худенького Атиллы. Тауфик и Атилла договорились: коричневая пенка остается в чашке. Близорукый Атилла снимал очки и ел пенку, присыпая сверху сахаром, а Тауфик мчался через дорогу — там находилась школа — потчевать Хорунжия, спасти бледного, рыжего человека от вездливых фурункулов. Хорунжий успевал еще и студентом числиться в университете, собирался стать судьей или даже прокурором. Как от такого напряжения не заболеешь... И боксерские перчатки сами собой перекочевали из школы в дом. На лето. Не держать же их в бесполезности под замком в шкафу. Но до этого Хорунжий приобрел вроде бы румянец, паленый волос на голове серебристо заблестел. Нет-нет да вспыхнет. Рецепт Тауфика подоспел вовремя: получилось, что он доктор, а не «хиляк с мозгами набекрень», как обозвал его однажды Хорунжий.

Взгляд Тауфика черный, сверляющий, грустный. Он мог безмятежно стоять и глядеть, а человек принимался почесываться, суетиться и вздрагивать. Не по себе становилось человеку, беспокойство охватывало его — и руку прикладывал к сердцу, и карманы ощупывал. И когда Хорунжий припадал к кувшину, Тауфик неподвижно следил за его кадыком, точно бы считал крупные, сочные глотки, и видел, как молоко прокатывалось по горлу, и падало вниз под мощную, краснотелую пряжку ремня Хорунжия, пока тот не утирался веснушчатой рукой и не передыхал жадно, сбрасывая напряжение. Хорунжий расслаблялся и отдыхал несколько минут, помалкивая. Весь как бы

уходил в глубь себя, где перетекали молочные реки. Но неделя кончилась, и Тауфик пришел без кувшина. Сказал:

— Корова ждет теленка.
— И ладно! — согласился Хорунжий. — Я, кажется, наладился. А ты чистый знахарь, татарские твои глаза. Приколдовываешь помаленьку. Каникулы! А? Каникулы!
— Объединим солнцем, — сказал Тауфик.
— Где же ты корову держишь?
— В сарае, делов-то. Сам дою, не бодается. Резеда...

— Чего?
— Да звать ее так.
— Чудно, не корова словно. А пасешь за городом, что ли? Ей же травка нужна. Не напасешься так-то.
— В саду. Там по раннему свету никого нет. В Лядском саду. С четырех до шести гуляет, жует и хоть бы хны. А я книжку читаю на лавочке, приглядываю. Уроки все же.
— Какой смысленый, поспей-ка всюду.
— Поспеваю. Пока другие спят, я воздуху нахлебуюсь, жареных котлет не надо. Еще на новенькую дачу вожу мимо трампарка. Резеда у меня гладкая корова, травы хватает.

— Ну, ты даешь! Хозяин, как управляешься только. То-то, я чую, запах идет от тебя сытный. От чего бы, думаю, а ты коровой пахнешь, с ума сойти. И меня подлечил.

Тауфик потрогал пальцами стекло — за ним, в глубине, притаились боксерские перчатки. Долго он к ним подбирался.

— Дай, Валя, на лето!
— Отчество мое забыл? Предупреждал, Петрович я. Как звучит-то: Валентин Петрович Хорунжий!
— Ладно, Петрович, все равно пьются, дай! Целенькими верну. Ежели с коровой управляюсь, с пер-

чатками вреда не будет. Хочется, руки даже чешутся. Ты пьесы пишешь, знаю.

— Откуда же? — просиял Хорунжий. — И при чем тут пьесы?

— Знаменитым станешь, — помечтал Тауфик.

— Ловко ты распорядился.

— Пришел как-то, в щелочку посмотрел, а ты руками машешь — туда-сюда. Потом записываешь... Я, ей-богу, никому! У тебя — пьесы, у меня — корова Резеда, разве я не понимаю... Пришел, глянул только: театр изображает. Уборщице ведро помог тащить на другой день. Она пол мыла, а я листок прочитал. Пьеса... Фамилия... «Звезды не гаснут» называется. Вечные, значит.

— И что же?

— Твоя. Пи-исатель...

— Какой к чертам писатель! Из головы брось и рэзотри... Но предложил, предложил. Изучают, — приободрился Хорунжий. — Комиссия...

— Я сразу билет куплю.

— Разбежался, скорый ты, однако.

Хорунжий стало завлекательно-светло принимать на лицо прохладный воздух из окна. Он подошел к Тауфику и взял его за плечи.

— Это, братец мой, голубая мечта, а я-то — рыжий, — развеселился вдруг. — Рыжие всегда с секретом. Понимай!

Достал из пистончика бренок маленький ключ и распахнул шкаф.

— Забирай да гляди, чтобы не рассохлись, вазелином смазывай.

Подышал на перчатки Тауфик, щекой потерся о теплую кожу. Просторную сетку выволок из-под ремешка, как запасливый мужичок.

— Поберегу, поберегу, — зашептал. — В школе теперь пусто. Писать тебе можно, пока голова не заболит.

— Так и быть! — сказал Хорунжий. — Мяч заведи баскетбольный. Сам накачаешь. Осенью команду соберем. Отдыхай от коровы, пускай телята рожают. С толковым человеком и поговорить приятно.

«И надо же! — удивился Тауфик. — И судьей хочешь стать, и писателем! Измучается смертельно, не сто рук-ног...»

Ходил Хорунжий в гимнастерке, где и раздобыл. Для школы поверх низкого ворота красный галстук повязывал. Значок цеплял на грудь штук пять: он и парашютист, и ворошиловский стрелок, и еще бог знает кто. Видочек прямо-таки головокружительного гражданина, поспевающего за весенним ветерком. У него на самом деле кружилась голова: страдал малокровием. Бледнел по пустякам, горячась и постанывая, стучал кулаком по столу, как по барабану, бегал из угла в угол. Должно, уставал от бесконечной занятости, недосыпал, жиров-углеводов не добирал. К тому же театром заболел и на пьесу грудью ложился, сминая листы. Разобраться, был он беден — двух сестер и горестную, подслеповатую мать обеспечивал жизнью. Неспроста и засыпал, привалясь к столу, просыпая рыжие волосы на бумагу. Но спохватывался моментально: снимал горн со шкафа, кусал губы и чистый, оскальзывающийся в воздухе звук достигал сторожа на нижнем этаже. У того звякала ложка в кружке, сахарный песок просыпался с хлеба. «Ну, Валентин! Истинно артист!» — всегда одинаково восхищался старик.

Мать Тауфика Сююмбике исчезала из дома, как ранняя птица, а возвращалась к намечающимся сиять звездам. Молодая, сильная, она не тяготилась жизнью, не жаловалась, — успевала. Тело томилось без ласки. Муж пропал без вести, потерялся на большой земле. Ее вызвал какой-то начальник, мрачный, с желваками на скулах, показал испугавшейся женщине помеченные печатями бумаги. Она поняла одно: муж ее Абдрахман нигде не значится, сгинул и следа не оставил. Начальник сказал, что это не редкость, но всегда предполагается сомнение, как правило, со временем себя оправдывающее. Он выразился очень туманно; слова его точно замерзали на лету. Да и сам он поживался, растирал посиневшую кожу на руках, хотя по кабинету ходило волнами тепло и табачный дым улетучивался в форточку. Сююмбике ловила каждый звук, как в беспмятстве, гулко и пусто было под сердцем, жалкие обрывки мыслей постреливали в голову, точно разорванные пружинки, ударяя то в виски, то в затылок, и ничего не могла она понять своим бабьим опрометчивым умом, сжимала и разжимала кулачки, бестолково суетясь.

«Может, и объявится где?» — метнул взгляд начальник.

«Помоги ему, господи», — сказала жена потерявшегося человека.

«Из огня заново не слепишь. Свидетели отыщутся. Ладно бы сгорел! — страшно улыбнулся начальник. — Человек не солома...»

«Куда же деться-то ему?»

«Дорог много. Живи да оглядывайся. А вдруг зайвится тишком?»

«Он? О, аллах! Свет не мил без него».

«Он бо-ольшой специалист был, а не углядели, — сказал начальник. — Тебе не знать. Где работаешь?»

«Буфетчицей на аэродроме».

«Переведись, так будет лучше. Другое место сохраннее».

«Уговаривают в зоопарк».

«Вот-вот, подальше от машин. Понимать должна...»

Потом вызывали по жилью: «Квартира большая!»

Женщина Сююмбике в три дня заострилась лицом, потемнела глазами. Черная мысль завязалась узлом в голове: «С корня сорвут!» Но вскоре о ней будто забыли — и ладно, и ладно, затолкали, может, бумажки в угол, а то и вовсе потеряли: тут человек пропал на войне, а бумага, что же, вечная разве, ее и ветер унесет, и вода зальет...

Летом она уже обмахивалась веточкой в зоопарке. Не хуже, не лучше работа. А страх перед неведомой силой, способной сокрушить гнездо, не истребился. Царапал сердце. Чудилось среди ночи, что кто-то легонько притрагивается к окну, зовет — душа холодела и падала. Как птица, кружила над спящими детьми, а по окнам свет набирал силу, и двор не казался глубокой ямой. Сююмбике улыбалась сама себе, видя отчего-то давнее лицо старухи, изъеденное оспой: «А ты vezучая, чертовка! С виду пришибленная, а кровь в тебе густая, как мед...» Откуда и взялась эта старуха, ни имени, ни рода, вошла в память и нашептала. По тревоге явился ее образ.

А тут еще Тауфик пугал ее по вечерам коровой, подкрадываясь к душе с непонятной тоской своей. Корова... Здесь человека, в которого она готова кровь до капли перелить, сыскать не могут, а сынок его о корове Резеде поет песни, словно умом повредился.

Кричать Сююмбике не умела, слезы высыхали под веками.

— Изнуряешь ты меня скотиной, — сказала, не вытерпев. — На что и думать. Тянешь и тянешь, без коровы а то не проживешь. Самых могут выселить.

— Кто? — подобрался Тауфик.

— Полно людей начальственных, не отобьются. Домоуправ опять же, хоть плешивый — Абросим. Красную звезду не снимает, чтоб видели: боец. Я же не подношу ему стаканчик. При деле он, при деле. Люди не попорченные, люди хорошие. Да у всякой дороги поворот есть, то овраг, а то пень случайный. Абросим сам как ошпаренный.

Подошел к матери Тауфик, прислонился головой.

— Еще маленько подрасту. С коровой не пропала бы. Я ж так про нее, вроде сказочки. Белая с черными пятнами. Как географическая карта, живая — острова на боках, моря-океаны.

— Помечтай, помечтай, — просветлела мать. — О другом пока знать тебе рано. Я тоже училась, а вышло вот — буфетчица. С отцом о себе не помнила. Да перетерпим, ты у меня помощник.

— В техникум пойду. Как отец, самолеты строить.

— Жалко, не увидит он тебя.

— Ты к волкам близко не подходи, они железо перегрызут запросто, они ж хитрые, а злоба в горле скопилась. Животина от них шарахается. Габдулхай говорил, у коровы Резеды молоко перегорелым стало, как волки повадились шастать. Воют, а леса, считают, не видно. Им обязательно мясо живое подавай. В зоопарке мослы, наверно, не разживешься больно-то.

— Ты как крестьянин говоришь. От деда, что ли, в тебе. Два лета пожили в деревне, а кровь задумалась. Чудеса! Ученые не забрасывай. Осенью и Атилла соберется в школу. И его поднимать надо.

Мягкобровая Сююмбике не ожесточилась против жизни, устойчивым добром согревалась душа еще не до конца погибшей надеждой, что вернется ее Абдрахман бесшумной ночью — в ночь ушел, из ночи и выйдет, не погрешенный, не рассеянный по ветру пеплом, — и терпеливая печаль настигала ее в одиночестве.

Домоуправа Абросима Тауфик остановил у ворот.

— Здравствуйте! — сказал, но тут же сбился. — На мать руками нечего махать! — Напрягся голосом. — Не ворона.

— Ишь взбеленился! — достал платок и вытер красную шею Абросим. — Милиция по таким сучает.

— Гляди, дяденька! — сказал Тауфик.

— Цыц! — потемнел домоуправ. — Женилка не выросла, а грозишься. Танков не боялся с крестами.

— Мать не трожь. Вырасту — ответишь.

— Дурак! — сказал Абросим с сожалением. — Слыханное ли дело, пацанчик на рожон лезет, как вражина какая. Мать твоя смертью отца заговоренная. Не лезь куда не следует.

— А на мать все равно не замахивайся. Мельница, что ли...

— Шпаной нехорошо быть...

И поковылял домоуправ, оберегая хроющую ногу.

«На что привязался к инвалиду, — укорил себя Тауфик. — Из окопа чуть живой вылез, перекошило», — пожалел Абросима.

Дни сшибались друг с дружкой, как резвые козлята. До стадиона «Трудовые резервы» рукой подать, ворота всегда открыты. Бегали, прыгали, мяч гоняли. Атилла в траве кузнечиков ловил для обещанной

рыбалки. Кружили с Азатом по дорожкам стадиона, дыхание обгоняли. Планка звенела алюминиевая на малой высоте, поднималась помаленьку выше, карабкалась, — коленки посбивали об нее, так старались: на глазок прикинуть — метр тридцать одолели. Отряхивали песок с волос. Потом купались на Казанке до полудня — саженками, сажженками, жаль, речка неширокая, шибкой волной не поднимет, но зато в песне про нее поется: «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке сизый селезень плывет...» Лежали на подогрешем берегу лицом к небесам, не заслоняясь от солнца, звон стоял в голове, словно множество птиц билось клювами о стекло. Атилла тянулся за ними, бестрашно входя в воду.

Обедали то у Тауфика, то у Азата — где глянется: не густо, но и не пусто. Спали, как богатыри. Дневной сон — в силу.

И снова бежали без оглядки уже к новенькой даче, местечку при городском парке, к поляне лютиковой. Боксерские перчатки болтались в сетке. Спешили жить взахлеб. Азат был левша, Тауфик работал правой — на каждого по перчатке. Бились без пощады и до крови, пока не выдыхались вконец. Со стороны поглядеть, изводили почем зря силешку. Но это — «со стороны», а руки будто удлиннились, грудь расширилась, сердце билось с нарастающим гулом. И горячо было, и замечательно — огромно от прибывающей ярости. Густым светом текла по жилам кровь, так казалось в темноте, когда ночь обволакивала мир, а сон не шел, одна картина сменяла другую, и прожитый день озарялся короткими яркими вспышками.

И баскетбольный мяч приручили.

Удалось лето на славу. Точно негрятая, сидели они рядком перед Сююмбике, она и горевать отвыкла, освещенная их глазами.

Мелькал в саду ли, в парке ли Хорунжий с тонкой девушкой. Однажды и поговорить успели в тенечке. Девушка Соня мороженое ела.

— Как поживает корова Резеда? — весело спросил Хорунжий.

— Три доски копытами вышибла, прямо бешеная.

— Ну?

— Телятка-то роди попробуй, — хлопал себя по животу Тауфик. — Чернышки народился, а голова белая. Хоть на выставку вези.

— Вот, Соня, какие пионеры у меня. Не кроликов, а крупно-рогатый скот выращивают в городских условиях.

— Не может быть! — чуть не роняла мороженое Соня. — Это он тебя молочком поил, как младенца?

— Он, конечно. Кувшинами таскал. И вылил ведь! Повторим сеанс осенью, чтобы покончить раз и навсегда с болезнями?

— Поглядим, — уклонился Тауфик. — Теленок бы подрос.

— Они быстрые, ты мать отгородил оглоблями, что ли. Перемучается, когда рядышком, теперь ей отдых требуется, — поучал Хорунжий.

— Да уж позабочусь, не чужая.

— В комсомол тебя примем, некоторые пораньше вступили. Почему не поторопился? Да там у тебя что-то с родителями, — вспомнил Хорунжий. — С отцом, кажется.

— Что? — спросил Тауфик.

— Не помню. После войны полно историй.

— Истории... — повторил Тауфик.

— К корове не больно привязывайся. Корова — частная собственность все-таки. С ней в комсомол не войдешь. Ну вот скажи, к примеру, взять и провести пионерский сбор на тему «Пионер и его корова»? Прикинь, какие страсти начнутся...

— А молоко любишь, — сказал Тауфик. — Молоко тебе каждый день подавай. Хлеб с маслом, сметану.

— Ладно, ладно. Здоровенький стал, жилистый.

— Я же творю по два килограмма съедаю, маслом натираюсь. Что-то афиши не вижу, жду, — сделал пируэт Тауфик.

— Секрет не разглашай, — нахохлился Хорунжий.

— Кто его не знает, твой секрет, — сказала девушка Соня.

— Ах, ах! — засмеялся Тауфик.

— Перчатки не потеряй, — сказал на прощание Хорунжий и взял девушку под руку, чтобы продолжить приятную прогулку.

Дома при свете настольной лампы Тауфик осторожно подсел к матери. Портрет отца переместил поближе.

— Про отца мне расскажи.

— Нет его, что же...

— Расскажи.

— На земле больше он не появится. Бумагу прислали вчера: пал смертью храбрых. По-геройски, так понимать надо.

— А раньше?

— Раньше без вести пропал. У кого сомнение было, у кого — надежда. Теперь все. Смертью храбрых, и точка. Не сомневайся, не надейся, к шороху за дверь не прислушивайся. Пособие нам будет, сынок, честь по чести. И с квартирой в покое оставят. Не обездоленные.

— У каждого своя доля. И у нас с тобой есть, и у Атиллы. На земле живем, стало быть, и доля есть.

— Корова Резеда...— начал было Тауфик и улыбнулся, вспомнив Хорунжия. Продолжил:— Один человек только мне поверил, что у меня есть корова Резеда.

— Смешной ты, и не надоело?

— Она отелилась,— сказал Тауфик.

— Кто?— округлила мать глаза.

— Теленок весь черный, а голова белая,— спокойно сказал Тауфик. Улыбался, как взрослый, проживший предостаточно человек.

— Сказочка опять,— вздохнула мать.— Спать давай ложись, пастух, Атиллу везде таскаешь. Он вроде покрепче стал. Косточки у него затвердели, не выхлещется. Бычок!

С тем и укладывались, поторапливая другой день.

Август постукал несильно дождями и затих в безоблачной купели. Подсушенная солнцем и мягким ветром, земля приготовилась ловить листья. Березняк отпускал их бесшумными стайками. И воздух словно вызолочивался. Дни стояли светлые, слегка приглушенные сухостью и безветрием. И было непонятно, каким сумасбродным движением сносит с берез листья, а они вспархивали неожиданным потоком, кружили недолго, обтекая прохожих, и ложились под ноги спокойным огнем.

Тауфик поджидал на углу Азата. Задумался глубоко, следя за пролетающими вспышками листьев, и тут на удивление ему перелез через ограду Лядского сада всегда дисциплинированный Хорунжий, точно и его, как ненужную кожуру, откинула береза. Потому ли, что позади желтели ветви, он показался Тауфику особенно рыжим, беспокойным, со всех сторон окруженным воссламенившимися деревьями.

— Ты-то мне, братец, и нужен позарез. Привет!

— Привет!

— Редко видимся, а по одной дороге ходим. Соседи вроде. Скрытно живешь, и коровы твоей не слышно.

— Я ей мешок на шею привязываю, жуёт траву и помалкивает,— засмеялся Тауфик. Уж очень день был замечательный.

— Ждешь кого?

— Жду.

— Секреты хранить умеешь?

— Давай попробуем.

— И ни одной душе?

— Ладно, валяй.

— Это, если хочешь, пионерско-комсомольское поручение. И так можно сказать. Так: я тебе даю адресок, ты туда являешься — и наше вам почтеннее. Вручаешь записку — секрет, значит. Все понял? Уточню, чтобы никаких неясностей. Разворачиваешься, уходишь. Слов лишних не надо, ответов-приветов. Простенькая задача, для тебя раз плюнуть без задумчивости.

— Рыжие всегда с секретом, сам сказал,— усмехнулся Тауфик. «Рано началась осень».— подумал, как вздохнул.— Кому вручать?

— Соне, ты же видел ее, небось, не спутаешь.

— Пиши адрес.

Хорунжий извлек из нагрудного кармана гимнастерки прибереженную бумагу. Покопался и нашарил карандаш с мизинец. Мелко-мелко на лоскутке вывел адресок, оттопырив губу, как прилежный ученик.

— Получай. Здесь неподалеку.

— Что же не сам?

— Ситуация,— сказал Хорунжий.— Выполнишь?

— Как в аптеке. Была бы дома.

— А ты вечером, она любит на скамейке сидеть. Корову подоишь и отправляйся, какой труд.

— Ясно.

— Заглянешь потом в школу, доложишь. Я допозд-на там, скоро сбор заиграем. А ты подрос! Как за уши тебя вытянули. И глядишь по-другому, попристальнее, что ли.

— Забот прибавилось с теленком,— сказал Тауфик.— Да и к зиме пора готовиться, сарай утеплять.

— Ну, трудись, трудись.

«А я и вправду подрос».— светло подумал Тауфик и посмотрел вдаль и выше за деревья. Хорунжий удалялся, засыпаемый листьями. Они чиркали по его спине.— «И липы желтеют. Мелкий лист скорее сгорает. Веткам, поди, не больно, новые народятся... Подрос, а! — пощупал грудь Тауфик.— Сам не заметил. Хорунжий теперь не сможет глядеть сверху вниз. Он-то как будто приуменьшается, а? И Абросим утречком глазами взбежал, как по ступенькам...» И так хорошо сделалось Тауфику, ощутил он свою крепость, твердость напряженных мускулов, ремешок стянутый ощутил, свежесть в горле и свет, проливающийся по коже оголенных рук,— ощутил ясность, пробежавшую под рубашкой внезапным холодком, и сердце вздрогнуло, приблизившись к руке, задержалось точно на краткий миг, прослышавшая шорохи и всплески наружного мира, и вдруг ударило полно, широко, разгоняя гул по телу. И еще, и еще через обмирающие паузы вдоха. Это было ни с чем не сравнимое, небывалое ощущение собственного роста, упругости выпрямленного стебля,

острого взгляда ястреба, спружиненной мощи тигра и свободного слуха летящей птицы одновременно. Вот какая невероятная сила просияла в нем желанием жизни. Его будто подбросило от земли — он не успел напрячься, сорвало словно. Замелькали мимо деревья, вспорхи листьев, прутки ограды,— он и глазом не приметил, как миновал проулок до перекрестка на одном вдохе и выдохе, полоснул по нему, как сам легонький листок, и, развернувшись, принял на лицо солнце, оббежало об него, но не зажмурился — и опять оказался на прежнем месте, точно и не отрывался со старого следа.

— И-их ты! За кем гнался? — подоспел сзади Азат.— Я гляжу, мчишься, как паровоз, что это с тобой?

— Сам не знаю, будто поджег меня кто. Порох вот здесь вспыхнул.

Тауфик расправил ладонь на груди.

— А на спине крыло вытянулось. Потрогай.

Взялся Азат крыло выискивать и защекотал по ребрышкам ошалевшего дружка. Заливаются оба, не удержав.

— У меня секрет есть,— сказал Тауфик.

— Вот ты и разогнался.

— Не мой секрет.

— Чей же тогда?

— Хорунжия.

— Он давно засекреченный, пожар на голове.

— Вечером передадим,— сказал Тауфик.— Не станет секрета. И больше не спрашивай, придержи любопытство.

— Как хочешь,— хотел обидеться Азат, но полные щеки его лопнули, и на свет появилась еще одна улыбка.— Конечно, я секреты люблю. Кто их не любит. Хорошо свой секрет иметь, а не чужой. На что мне...

Душистый табак окружал Соно робкими стеблями. Белые головки цветов приподымались к ночи, как будто радовались наступившей тишине. Они скорее были похожи на маленькие граммофончики, так бы определила Соня, если бы ее кто-то спросил о цветах. Последнее время она засиживалась на лавочке, совсем как старушка, ослабев руками. Набрасывала платок от сырости.

Вечерний полив был обильным, и земля влажно чернела, потому запах никуда не уходил, а стоял в воздухе низким облачком, клубясь холодным паром. Облачко постоянно насыщалось, струилось душистым запахом, и сама Соня, надышавшись, пахла этой легкой вечерней свежестью. Точно так же, как невидимые струи, восходили и мысли Сони из глубины ее озябшего существа. Она перестала пугаться темноты, вслушиваясь в нечто большее, чем своя привычная жизнь.

Кто-то встал за калиткой, отогнув нависший куст шиповника. Соня подождала немного и спросила:

— Кого-нибудь ищите?

— Тут вам записка. Велено передать.

— Вот как!

Они узнали друг друга.

Засветив фонарик, Соня вычертила лучом фигуру мальчика.

— Это, кажется, у тебя корова Резеда?

— У меня. Берите записку, и я пойду.

— Погоди. Присядь ненадолго. Может, и ответ потребуется.

— Не потребуется,— сказал Тауфик.— Передать только.

Но прошел к скамейке и послушно сел.

Она читала, прислонившись к пучку света. Он видел освещенную белую руку, подрагивающую бумагу. Фонарик погас.

— Отказывается,— сказала Соня.— Не надо ему.— Опустилась рядом.— Посиди,— остановила движение мальчика.— Все душа живая поблизости.— И вздох прошелестел.— Без нужды что же случается? Без нужды и жизни другой нет. Как же иначе. Под сердцем она трепыхается, дышит. И как цветы пахнут, слышит, а что они такое, не ведает.

— Про кого это вы?

— Про ребеночка,— просто сказала Соня.— Как не понять. Отказываться разве можно? От другой жизни. Взять и выдрать цветы с клумбы, что будет? Одна земля. Пои тогда ее, пустую, лей почем зря воду.

Отчего-то всплыла из мрака через кусты юющая корова Резеда, встала перед Тауфиком — и он услышал ее большое бьющееся сердце. Слова Габдулхая прозвучали заново: «Теленком задумывается, пар сытный идет...» И глаз коровы Резеды, как луна, поглядел с неба.

— А я его молоком отпаивал,— сказал Тауфик.

— Хорошая у тебя корова. И кто ей имя такое дал — Резеда,— задумчиво сказала девушка Соня.

...Они сидели на ступеньках крыльца школы. Сидели молча, поделив боксерские перчатки: Тауфик зашнуровывал правую, Азат — левую. Ждали Валентина Хорунжия. Ждали, когда погаснет свет в окне верхнего этажа. Горн не заливался.

ГУДОК

От Немана до горного Урала и от Урала дальше на восток страна без шапок пять минут стояла и не дышала — слушала гудок.

Гудок спускался в самые низины на наши спины — черные горбы... Стояли нараспашку магазины, на произвол оставлены судьбы.

Гудело горе — что уж там таиться! Страна застыла, все перенесла, на улице, на дворике больницы, с последними карманниками вся.

Кто так стоял, кто молча в чем-то клялся... Меня гудок песчинкою в траве застал, ученика восьмого класса, на Самотечной площади в Москве.

Плескались буквы: «Умер наш учитель!» — его лицо в военном и в простом... Я ничего подобного не видел, казалось, дом обрушится на дом.

Я помню все — помятые от ветра знамена красные и красноту у глаз, и тишину пугающую века, стоявшую за спинами у нас.

Исчез тот день, как исчезали люди, рукою чьей-то стерт в календаре как мелкий факт, как гривенник на блюде... А может, вовсе не был на дворе?

Но как же так — на замершем вокзале, на крышах школ, в прогалине окна свидетели, свидетели стояли... Восстановить возможно имена!

Гудок, как трос, внезапно оборвался... Шагнули все, неведомо куда. И первый креп на флаге оторвался.

Я не забуду это никогда.

И детство было. И учила школа. А после школы я из всей гурьбы бежал скорее к штангам для футбола, а ими были во дворе дубы.

Я помню — мчалась ног неразбериха, и в гуцу их летела голова... Судьба пришла, и сразу стало тихо, в руках осталась жесткая трава.

Но и теперь я, как живого, вижу лежащего мальчишку на штрафной, как плачу я на землю и не слышу, что мать давно зовет меня домой.

Тем вратарям не посвящались книги, их не снимали крупно для кино, но, зубы стиснув, и в дворовой лиге они с земли вставали все равно.

Те вратари и спали во вратарском, в фуфайке той и даже в келке той... И детство было у меня прекрасным, не обделен я этой порой.

Мария БОРОДИНА

ОЖИВШИИ

В дни весенних школьных каникул в стране пройдет традиционная Неделя «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов».

На учредительной конференции Советского детского фонда имени Ленина приводился грустный факт: в 1986 году в вузы Российской Федерации поступили лишь 50 воспитанников детских домов. 50 — на всю республику. Есть над чем задуматься не только педагогам.

С созданием фонда двери детских домов и школ-интернатов для сирот, будем надеяться, шире откроются для воспитателей-общественников, чья гражданская и человеческая инициатива преследует цель благородную — помочь детям. И помощь эта может и должна быть не только материальной. Тут требуется и душевное участие. И кому, как не творческой молодежи — художникам, артистам, музыкантам, литераторам, кинематографистам, студенчеству, проявить здесь свой почин, показать пример!

Вести детей в мир литературы, живописи, музыки, помочь раскрыться юным дарованиям, а они есть в детских домах, — труд, конечно, немалый. Одной Недели тут маловато. Но усилия эти непременно окупятся. Сердечным откликом и привязанностью. Пробуждением в ребенке творческой личности. Личности, которая так нужна нашему обновляющемуся обществу...

то было как в сказке: на стенах игровых комнат, еще неделю назад таких пустых и казенных, выросли фантастические сплетения цветов и листв.

Словно по мановению волшебной палочки, возникали разноцветные дома чудесного города, на спине огромного кита, расположившегося в столовой, рядом с теремами расцветали сады, а на одной из стен, внимательно приглядевшись, можно было увидеть Дюймовочку. Возвращаясь с прогулки, малыши всякий раз радовались все новым и новым диковинным росписям.

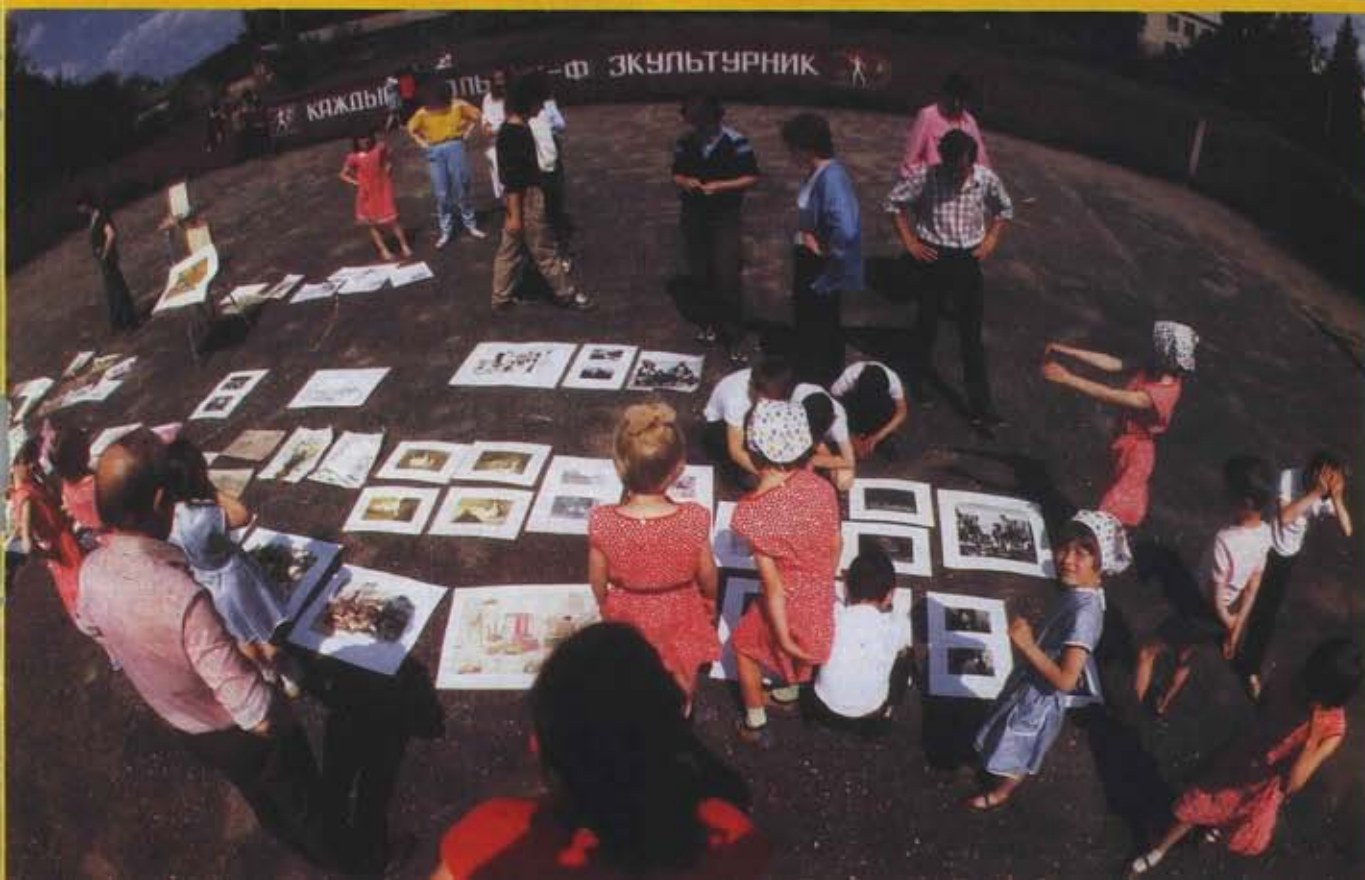
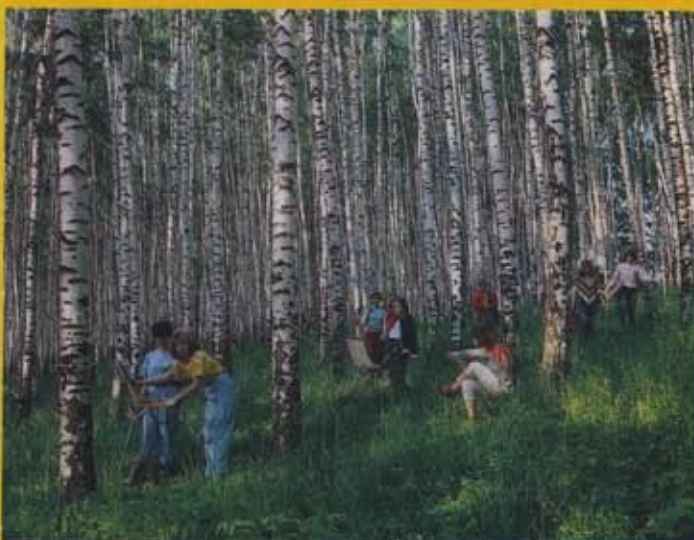
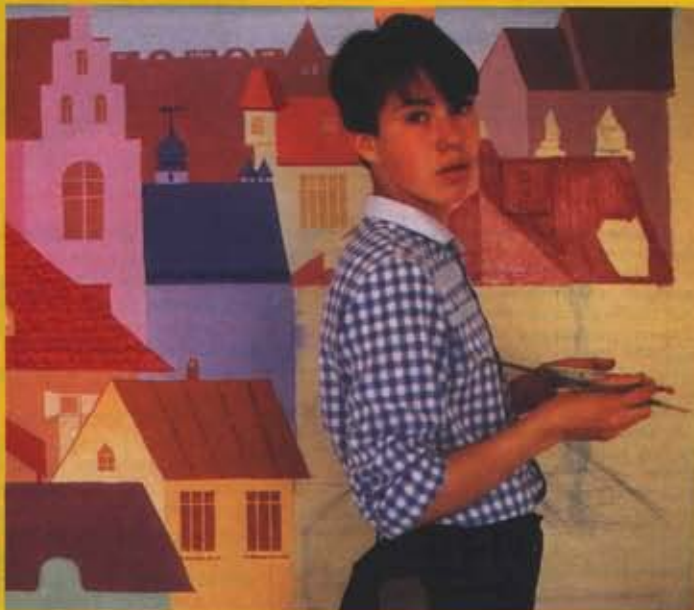
А появились они благодаря юным кудесникам из детской художественной школы Краснопресненского района столицы. Вместе с педагогом Любовью Александровной Альгиной ребята в свои зимние и летние каникулы выезжают в детские дома, чтобы сделать их уютнее. Великий Устюг, Балахна, подмосковное Быково, Молдавия и Эстония — вот география только некоторых поездок. И последний адрес: Смоленская область, Сафоновская школа-интернат для детей-сирот, дошкольное отделение.

...Элла Степко вместе с Леной Сидоренко «ткут» роскошный ковер из листьев папоротника, росянки, земляники. На подоконнике, у стены, которую они расписывают, охапка полевых цветов и трав — фантазия фантазией, но и о натуре забывать не стоит.

Е С Т Е Н Ы

Фото Альберта ЛЕХМУСА

— Мы видим, что детям наши фрески приносят радость.— Элла наносит на стену точный мазок.— И потом: каждый из нас сам выбирает сюжет и стиль росписи.

— А мне нравится сам масштаб: большое пространство, которое можно заполнить чем хочешь.— В Ире Круташовой просыпается монументалист.

Их десять, разных по характеру и одаренности подростков. Но схожих своим трудолюбием, своей увлеченностью. Надо видеть, сколь придиричиво подбирают они нужный колер, как дотошно выписывают детали. (К поездкам, в которые студийцы отправляются по командировкам ЦК комсомола, они готовятся заранее: определяется площадь будущих росписей, делаются эскизы.) Как же разительно контрастирует эта настенная живопись с унылым, но, увы, привычным оформлением — никому не нужными плакатами и призывами.

— Впервые у нас работают настоящие художники,— директор интерната Леонид Пентелевич Столяров очень рад гостям и не скупится на комплименты.— Приглашать оформителей за плату мы не имеем возможности, а безвозмездно поработать у нас до приезда москвичей никто не вызвался. Вот если бы педагогические вузы обязали посылать студентов художественно-графического факультета на практику в детские дома и интернаты для их оформления, как ожили бы наши здания, сколько радости было бы у ребятшек, да и будущие учителя приобрели бы полезный опыт...

Но пока педагогические вузы с недоверием смотрят даже на самую возможность такой практики. Вместе с нынешними студийцами в Сафоновский интернат приехали несколько бывших выпускников художественной школы, а среди них — студентка Московского государственного педагогического института имени Ленина. Поработать ей удалось лишь неделю: все попытки уговорить декана заменить практику в институтской канцелярии практикой в детском доме результата не дали, хотя, казалось бы, очевидно, что будущему учителю гораздо полезнее общаться с детьми, нежели перебирать бумаги.

На протяжении семи лет юные живописцы помогают детским домам стать действительно добрыми, красивыми и уютными. И проявляют при этом столько мастерства, добросовестности и любви, что и взрослым не грех бы поучиться у них щедрости и бескорыстию.

Очень жаль, что опыт Любови Александровны Альгиной и ее учеников мало кем поддержан. Если полагаться лишь на энтузиазм, а не на продуманную и четкую организацию дела, вряд ли можно рассчитывать, что помощь молодых художников детским домам станет профессионально престижным делом. Художественно-графические факультеты педвузов, художественные училища и школы могут и должны наладить сотрудничество с детскими домами. Конечно, в этой работе нужны и профессиональные навыки, и опыт настенной росписи, и понимание мира детей. Вот тут и может пригодиться опыт детской художественной школы из Москвы.

Леонид МИЛОШ

Операцию под кодовым названием «Захват» назначили ровно на шесть утра. Силы были задействованы немалые — почти весь личный состав Управления уголовного розыска Ленинграда. Возглавил операцию заместитель начальника Управления А. Д. Шавгулидзе.

Адреса, по которым отправились оперативники, стояли по порядку: проспект Луначарского, улица Наличная... В такой же последовательности группа и привозила преступников А. Балашова, С. Тарасова, Л. Кульбаку... За сутки на Литейный проспект, 4, в Главное Управление внутренних дел Ленинграда, доставили около двухсот человек, следователи не успевали допрашивать задержанных. Единственным, кого не потревожили в ту ночь, был Сергей Васильев — главная фигура во всей этой истории.

Об арестах своих ближайших помощников Васильев узнал на следующее утро. Резкий и требовательный звонок телефона заставил его подняться с постели.

- Сережа, это я.
- Чего так рано?
- Беда, всех повязали...

Секунду, не больше, Васильев молчал, думал, потом быстро сказал: «Стрелка, девять часов» и, не дожидаясь ответа, положил трубку. Этот человек не терялся ни при каких обстоятельствах, всегда действовал быстро и решительно. Вот и сейчас, несмотря на сногшибательную новость, неторопливо выпил стакан чая, спустился вниз, сел в свой роскошный «Форд» и поехал на встречу. По дороге голову сверлила только одна мысль: неужели милиция все-таки решилась объявить ему войну? Ведь доказательств нет! Ну что ж, посмотрим, кто кого.

Следствие шло полным ходом, а Васильева так никто и не вызывал, словно забыли о нем. Но и он времени даром не терял, вел свое «следствие». С Литейного все свидетели сразу же шли к нему на Озерную улицу и рассказывали, кто что узнал. Хозяин квартиры тщательно записывал их «показания», иногда говорил: — Это мне не нравится, иди обратно, скажешь вот так.

И свидетель спешил обратно на Литейный, 4, отказывался от прежних показаний, давал новые.

О втором «следствии» в милиции знали, это обстоятельство решили использовать по-своему. С теми, кто находился в изоляции, говорили о роли Васильева, а тем, кто был на свободе, фамилию Васильева старались не называть. Поэтому вскоре «протоколы допроса», которые вел Васильев, стали расходиться с милицейскими...

Кто же такой этот Васильев?

Их было трое братьев — Александр, Сергей и Борис. Родились и выросли в Вырице, там же все трое стали заниматься боксом. Кроме спорта, ничем не увлекались. Но постепенно бокс стал отходить на второй план, понимали, что чемпионами не станут. Из трех братьев особенно выделялся средний — Сергей. Кроме крепких кулаков, он обладал изворотливым умом и необычайной хитростью. Среди братьев он уже давно стал лидером.

В двадцать лет Сергея судили за изнасилование. Освободившись, вернулся в Ленинград, познакомился с тогда еще мелким валютчиком Михаилом Дахьей. Они были абсолютно разными людьми, но обоими владела неукротимая страсть «делать деньги». Дахья помог Васильеву встать на ноги, сколотить небольшой капитал. Сергей знал нескольких «центровых» мальчишек, которые скупали у иностранцев вещи, при возможности брали и валюту. Эту валюту они несли Васильеву, а тот Дахье. Постепенно круг «центровых» у Сергея расширился, увеличились и спекулятивные сделки. Дахья ворочал уже шестизначными суммами, его авторитет в мире дельцов рос с каждым днем. А Васильев по-прежнему оставался все тем же незаметным мальчишкой, по мелочевке скупающим иностранные дензнаки. Исчезнет завтра Дахья, исчезнут доходы и у него. Это он хорошо понимал, поэтому решил организовать свое «дело», где главный куш будет доставаться только ему, Васильеву.

Спортом Сергей уже давно не занимался, но своих друзей по клубу не забывал. Часто собирались вместе в баре «Роза ветров». В основном это были те, кто не пробился в большой спорт и заглушал свои обманутые надежды спиртным. Единственный человек, который в этой компании не пил, был Васильев. Про него так и говорили: «Сережа никогда с рельс не сходит».

Да, с рельсов он не сходил, и это невольно подкупало его друзей. Постепенно Васильев объединил вокруг себя бывших боксеров, самбистов, каратистов, бывших мастеров и чемпионов. Этим ребят он подкармливал и подпаивал в ресторанах, оплачивая их счета, иногда давал в долг небольшие суммы денег. Понимал, что долг не вернут, но все равно давал — рано или поздно получит с процентами.

...Игру «в наперстки» Васильев приметил давно. Играли на «барахолке» в Ульяновке, у автомагазинов на Энергетиков и Салова.

— Если отдаешь, под каким наперстком шарик, а тебе 50 рублей плачу, если не отдаешь — ты мне 25, — объявлял условия игры «крутильщик» и прямо на глазах накрывал одним из трех наперстков маленький шарик и начинал в определенной последовательности их двигать. Глаз Сергея вместе с играющими неотрывно следил за наперстком с шариком. Иногда он отгадывал, иногда нет. Вскоре он понял секрет этой нехитрой, но азартной игры. Но прежде он обнаружил закономерность — на всех толкучках играют преимущественно лица кавказских национальностей и угадывают шарик одни и те же люди, все остальные — проигрывают. Сергей догадался, что выигрывают свои, вызывая ажиотаж у толпы зевак. Правда, иногда «крутильщик» проигрывал сотню-другую постороннему, чтобы затем выиграть у незнакомого «счастливчика» две-три тысячи. Весь секрет заключался в том, что «крутильщик» умел незаметно во время игры переместить шарик в другой наперсток или оставить его под тем, под которым видела его толпа зевак. Все зависело от партнера. Одним словом, игра шла в одни ворота и на один карман.

Сергей не сомневался, что за всем этим стоял кто-то один, остальные получали только свою долю. Вскоре он узнал «хозяина» наперсточной игры — некто Симон. Часто вместе с «центро-

выми» бывает в ресторанах, покупает у них импортные тряпки, пользуется услугами проституток. Теперь Васильев владел всей необходимой информацией, чтобы заняться перераспределением «сфер влияния». Но для этого ему нужно было раз и навсегда вытеснить Симона.

В один из воскресных дней к толкучке на Ульянке подъехало трое «Жигулей». Не вылезая из машины, Васильев показал своим «боевикам» на «крутильщиков». Драка длилась недолго, бывшие спортсмены быстро взяли верх и вмиг разогнали всех игроков. В тот же вечер Васильев позвонил Симону.

— Слушай, Симон, твои люди мне мешают: или плати бабки, или убирайся! В трубке послышалось недовольное ворчание.

— Хорошо, тогда завтра даю бой! — спокойно ответил Васильев и положил трубку.

На следующее утро пять машин стремительно подкатили к автомагазину на проспекте Энергетиков, пронзительно взвизгнув тормозами, замерли как вкопанные. «Команда» Симона уже ждала гостей. Кавказцев было человек десять: Зураб Хоперия, как всегда, крутил наперстки, остальные находились поблизости.

— Давай! — скомандовал Васильев. «Боевики» ринулись вперед, в руке у одного был жигулевский коленвал, у другого — металлический прут. На этот раз произошло не драка, а настоящая бойня. Кто-то из «боевиков» первым же ударом выбил зубы Зурабу Хоперии, кому-то сломали руку.

После этого Симону стало ясно, что пора сворачиваться, с Васильевым шутики плохи. Рано или поздно в каком-нибудь темном переулке прижмут и его, Симона, а всех его игроков разместят по больничным койкам.

Так Васильев стал полноправным хозяином «наперсточной игры» в Ленинграде. Наперстки крутили все те же жулики, только теперь они крутили их на карман Васильева. А что им оставалось делать? Как известно, сила силу ломит. После очередной встречи в «Розе ветров» Васильев мог за полчаса в любое время дня и ночи собрать «команду» в 50 «бойцов». Заявить в милицию? Но от одного этого слова жуликам становилось не по себе. Лучшее уж согласиться на кабальные условия Васильева, зато будет гарантия, что тебе не выбьют челюсть и к концу «рабочего» дня ты получишь свою долю.

После наперстков Васильев решил заняться автомобилями. На автомобильном рынке тоже господствовали кавказцы, только другие, не наперсточные. Подъезжает новенькая машина, а к ее владельцу уже спешит грузный мужчина и с характерным акцентом говорит: — Продай, дорогой, любые деньги сверху заплачу.

Сверху — значит дороже госценны или магазинной оценочной стоимости. Разумеется, владелец хочет получить за свой автомобиль максимальную цену независимо от оценки в комиссионном магазине. Как правило, эту разницу, «верхушку», продавец получает наличными в момент оформления купли-продажи, и составля-

ет она внушительную сумму — от тысячи до десяти. Все зависит от модели и года выпуска. За иностранные машины могут заплатить и больше. Кто-то считает это спекуляцией, кто-то нетрудовыми доходами. Но обратимся к Уголовному Кодексу РСФСР. Статья 154 (спекуляция) трактуется как скупка и перепродажа с целью наживы. Человек, который покупал машину десять — двадцать лет назад, вряд ли думал о перепродаже и тем более о наживе. Другое дело, если он приобрел машину и сразу же поехал продавать ее. Поэтому у комиссионного автомагазина встречаются разные люди — и отъявленные спекулянты, и неискушенные владельцы резко подорожавших за последнее время «Волг».

Вот из-за этого несовершенства автомобильных цен и появились так называемые «кидалышки». Обещают продавцу любую сумму сверху, а когда уже оформляют машину, «кидают» продавца, то есть обманным путем не платят обещанную сумму. Обманывают по-разному — от ловкого мошенничества до откровенного насилия. В этом деле Васильев тоже решил навести порядок.

На этот раз все обошлось меньшими жертвами. После монополизации игры в наперсток авторитет Васильева в деловом мире резко возрос. Сергей позвонил одному из заправил автомобильного бизнеса, велел убираться с рынка. Перепуганный делец попытался вступить в переговоры, но Васильев положил трубку. В услугах того он теперь не нуждался, своих людей хватало. На следующий день на проспект Энергетиков прикатили пять «Жигулей». При виде этих машин кавказские «кидалышки» сразу же ретировались, обзаводиться вставными челюстями никому не хотелось. Вскоре большинство из них уехало из города, остальные занялись другим бизнесом. Так Васильев монополизировал и автомобильный рынок.

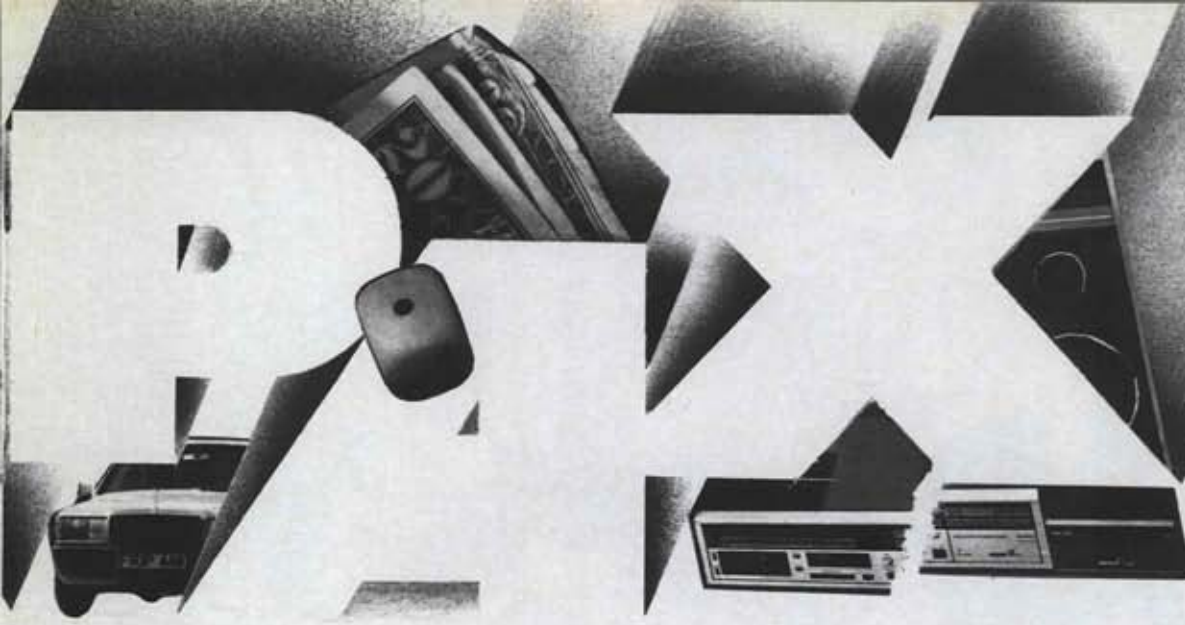
Процесс покупки и перепродажи машины «фирма» Васильева проводила по четкому отработанному плану. Одни ловили «лохов» (так они называли доверчивых, неискушенных людей, продающих что-либо дефицитное и дорогое), вторые договаривались с ними о цене, третьи «кидали».

Каждый месяц жулики покупали и перепродавали по несколько машин. Некоторые брали лично для себя и своих знакомых. Для Васильева подыскивали иномарки: он предпочитал только фирменные «тачки». Сначала ездил на новенькой «Тойоте», затем на «Форде»; «Мерседес» обкатать не успел, арестовали.

Теперь со всей откровенностью и прямой проанализируем деятельность преступной группы Васильева. Из мелких валютчиков и спекулянтов эти молодые люди постепенно превратились в хорошо отлаженную организацию по террору и вымогательству у других преступников денег. Каждому тут была отведена своя роль — одни бьют, другие вымогают деньги и следят за регулярностью их поступления, третьи ищут «лохов», четвертые «кидают», пятые перепродают кулленные обманным путем машины. И все эти группы и подгруппы работают на одного человека — Васильева. Как назвать эту преступную организацию? «Фирмой»? Мафией?

Васильев постоянно искал новые сферы влияния и новые прибыли. Он не остановился на захвате автомобиль-

ного рынка и игры в наперсток, следующим его шагом стала борьба за «галерку». Васильев решил обложить всех «центровых» спекулянтов налогом, а кустарей-цеховиков, большими партиями штампуемых «импортные» тряпки, заставить работать на себя.

Но сделать это было не так просто, не каждый спекулянт согласится делиться своей «чистой» прибылью. И снова в ход пошли кулаки и угрозы. В те дни среди спекулянтов можно было услышать такой диалог:

— Знаешь, что вчера с Виткой сделали? Отвезли за город и закопали в землю.

— Не может быть!

— Может. Правда, закопали по шею, как в кино,— одна голова торчит. Он сразу же сломался. А Петьке сегодня с утра всю машину покорежили. В общем, ты как хочешь, а я буду с Васильевым работать, не хочу, чтобы меня тоже, как Витку...

От таких разговоров у любого мурашки забегут по коже. Через две недели Васильев полностью взял под свой контроль «галерку». Вышел он и на подпольные «цеховики» (до Закона об индивидуальной трудовой деятельности еще было далеко). Цеховики с большей охотой, нежели спекулянты «галерки», согласились сотрудничать с Васильевым. Он им давал солидные заказы, обеспечивал всем необходимым сырьем, гарантировал твердую оплату после реализации товара. Тем, кому не нравились условия, приходилось поспешно покинуть город или уйти в подполье.

Теперь Васильев уже сам никуда не ездил, руководил по телефону.

— Стрелка, 12 часов.— Это означало, что в 12 часов дня только в известное ему одному место привезут налог игроки в наперсток.

— Стрелка, два часа.— В два «кинут» очередную машину, а вечером к нему завезут «оброк» спекулянты «галерки» и доставят новую партию товара цеховики. Единственное, что он делал сам,— принимал деньги и передавал товар, это никому не доверял, все остальное делали «капитаны» и «сержанты» его «фирмы». Учет и контроль у Васильева были на первом месте.

Свободного времени у него никогда не было, стрелка его деятельности ни на минуту не останавливала свой бешеный темп. Жил скромно: старая обшарпанная мебель, сломанная кровать, в холодильнике консервы, килька, вареная колбаса — никаких деликатесов. Только новенький видеомонитор «Панасоник» и цветной японский телевизор той же фирмы с пультом управления никак не вписывались в эту убогую обстановку запущенной и грязной квартиры. Впрочем, этот «спартанский» образ жизни объяснялся патологической жадностью Васильева. Он щедро вкладывал деньги только туда, где можно было получить прибыль (при обыске у Васильева нашли записку, в которой он подсчитывал свои затраты по индлошину на период летней кампании 1987 года. Закупленные им ткани, «молнии» и фурнитура составили внуши-

тельную сумму — 110 тысяч рублей). Не гнушался при этом и обманывать своих приближенных.

Одевался Васильев тоже с претензией на оригинальность. На Невский запросто мог выйти в потрепанной «самопальной» куртке и... резиновых по колено сапогах. На допросы в милицию приезжал в простеньких старых брюках и в шестирублевой клетчатой рубашке. Зато внизу этого «простого» парня поджидал блестящий никелем «Форд».

Васильева не арестовывали целых два месяца, в то время как все его ближайшие «сподвижники» уже давно привыкли к тюремному режиму. Брать «босса» было рано, не хватало улик, а улики складывались из показаний свидетелей. Привозят в Управление уголовного розыска уже знакомому нам Зураба Хоперия. «Что можете сказать о Васильеве?» Шамкал беззубым ртом, Хоперия на все лады расхваливает Сергея — отличный парень, отличные ребята! Стычка у Энергетиков? Да, приезжали какие-то хулиганы, но Сережа то здесь при чем?! Спекулянты с «галерки» и другие «центровые» дельцы при упоминании фамилии Васильева делают удивленное лицо. Нет, такого они не знают, впервые слышат. Ах, арестованные сами говорят про них? Да, что-то припоминают, но показания против Васильева давать не будут. Единственное, что волнует всю эту разношерстную публику, — как бы самих не арестовали. Правда, есть такие, кто открывничает о «подвигах» Васильева, например, Дахья. Он многое знает, многое помнит и прекрасно понимает, что события пятилетней давности к делу не пришьешь — доказательства не хватит. Но Дахья терять нечего, получил уже свои 15 лет за валютные операции. Есть и другие, кто может поведать о «ракете» и о «галерке», об автомобильном рынке и о картежниках, называя десятки фамилий, которых «рихтовали» «боевики», у кого корежили машины и кого закапывали в землю. Для протокола? Боже упаси, для протокола они ничего говорить не будут. Ворон ворону глаз не выклюет.

Не напрасно на всех судебных заседаниях «дежурили» оставшиеся на свободе приятели Васильева. Они умели обрабатывать свидетеля, если к тому же, как говорится, у того рыльце в пушку. Все это сотрудники милиции предвидели. Васильев грабил таких же, как сам, только более слабых и менее организованных преступников. А в мире дельцов у милиции обычно защиты не просят и по судам не ходят. Подпольные цеха по индлошину — дело тоже малоперспективное (уже намечалось принятие Закона об индивидуальной трудовой деятельности). Оставались автомобили. Спекуляция и мошенничество здесь были налицо. Поэтому к суду компанию Васильева привлекли как обычных спекулянтов и мошенников, не больше.

По-разному вели себя во время следствия преступники. Васильев, все еще не веря, что его ждет печальная участь, балагурил:

— Мужики, сколько вы в своей милиции получаете? Вы же все нищие! Хотите я вас на работу устрою, хоть по тыщонке иметь будете.

Этот денежный мешок все мерил только деньгами. Этот плохой. Почему? Потому что денег нет и машина плохая, советская. А этот хороший — денег много, и «тачка» фирменная. У самого же Васильева образование на уровне пятого класса. О театрах он никогда не слышал, газеты и книги не читал, некогда было. Любимая тема разговора —

деньги и только деньги. Все советское он ругал, западное хвалил. Когда сотрудник уголовного розыска спросил, что именно советское ему не нравится, услышал неожиданное: — Все! Все плохо, и все сволочи!

Откровенный цинизм Васильева поражал, явные факты мошенничества он признавал и тут же недовольно добавлял:

— Но я же у спекулянтов машины брал, я жуликов наказывал. Как это ни смешно, но он претендовал на роль санитара общества, излечивающего социальные болезни кулаком и «жигулевским» колбасом. Но у Васильева всегда была одна-единственная вера — деньги, только им он поклонялся, только им верил, все остальное — словесная ширма.

Много времени и сил в борьбе с компанией Васильева пришлось потратить сотрудникам Ленинградского уголовного розыска и следствия, работало, что называется, на пределе, по 12—14 часов в сутки. Большое гражданское мужество потребовалось и председателю нарсууда Красногвардейского района Н. Г. Власову, чтобы взяться за это дело. Ведь некоторые юристы считают подобные преступления, с точки зрения доказательств, малоперспективными. Свидетели изменят показания, адвокаты пойдут в наступление железной фалангой, и дело развалится. Его отправят на исследование, потом виновных оправдают за недоказанность — сколько раз такое было. В итоге виноваты правоохранительные органы, опять «фабрикуют липу»!

Но в данном случае справедливое возмездие настигло всех преступников, их приговорили к различным срокам наказания с конфискацией имущества (С. Васильева к 6 годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии строгого режима). Суд кончился, но многие неразрешенные вопросы остались. И прежде всего такой: а смог бы Васильев и его компания делать свой «бизнес», если бы не несовершенство отдельных сторон нашей жизни? Возьмем тот же автомагазин. Золотые изделия, купленные тридцать лет назад, человек несет в комиссионный магазин, сдает по новой цене, и никто не обвиняет его в спекуляции и нетрудовых доходах. Цены растут, ничего не подделаешь. А вот с оценкой автомашин до сих пор происходит какая-то неразбериха. «Волга» ГАЗ-21 ничуть не хуже «Москвича» 2140. Но владелец «Москвича» за свою машину официально может получить около восьми тысяч рублей, владелец же «Волги» не получит и половины. Кому выгодна подобная система продажи? В первую очередь спекулянтам, жуликам и взяточникам из комиссионных автомагазинов. Но ведь и государство на этом теряет большие деньги (нетрудно подсчитать, сколько составляют семь процентов с четырех или, например, с десяти тысяч). Почти все обманутые автолюбители с удовольствием поставили бы свои машины на обезличенную продажу и сами назначили им цену (как делают владельцы «Жигулей»). Если цена высокая, через каждые 15 дней происхо-

дит уценка, как и во всех комиссионных автомагазинах страны. По этому поводу суд и направил частное определение в адрес Министерства торговли РСФСР и Автотехобслуживания Ленинграда.

Теперь о наперстках. До сих пор нет твердого мнения, что это — азартная игра, фокус или мошенничество? Тот, кто крутит наперстки, может точно сказать — мошенничество, не сомневаются в этом и работники милиции. Но личное мнение и официальное законодательство — разные понятия. Задержали однажды нигде не работающего игрока в наперстки, изъяли у него 4 тысячи рублей. Затем наложили штраф 50 рублей, а тысячи вернули — поступили по закону. Вот и получается, что порой наше законодательство «защищает» ловких мошенников вместе с их доходами.

Спекулянты с «галерки» и подпольные «цеховики». Теперь-то им раздолье — Закон об индивидуальной трудовой деятельности надежно оградил их от милиции. Подпольные цеховики давно легализовались, открыли кооперативы и купили патенты, только о своих доходах они по-прежнему умалчивают. Мало кого интересует, и где они берут заводское оборудование, которое не продается? (А ведь его можно только или украсть на государственных предприятиях, или получить за взятку.) А какие материалы они используют при изготовлении фурнитуры? Все те же, заводские. Спекулянтам прятаться тоже особенно не приходится. Один изготовляет, второй реализует, «кооперативное» разделение труда. Правда, в члены кооператива «реализатор» не вступает, но если надо — бумажку принесет.

Против картежников тоже единственная санкция — штраф 50 рублей. Но такими «строгими» мерами их вряд ли испугаешь. Они обыгрывают любителей острых ощущений, в карманах которых завалились отнюдь не трудовые копейки. Приемов для этого у шулеров-картежников предостаточно.

Вот и получается, что есть, оказывается, пока еще и у нас та почва, на которой взращиваются васильевы и их с ним преступные элементы.

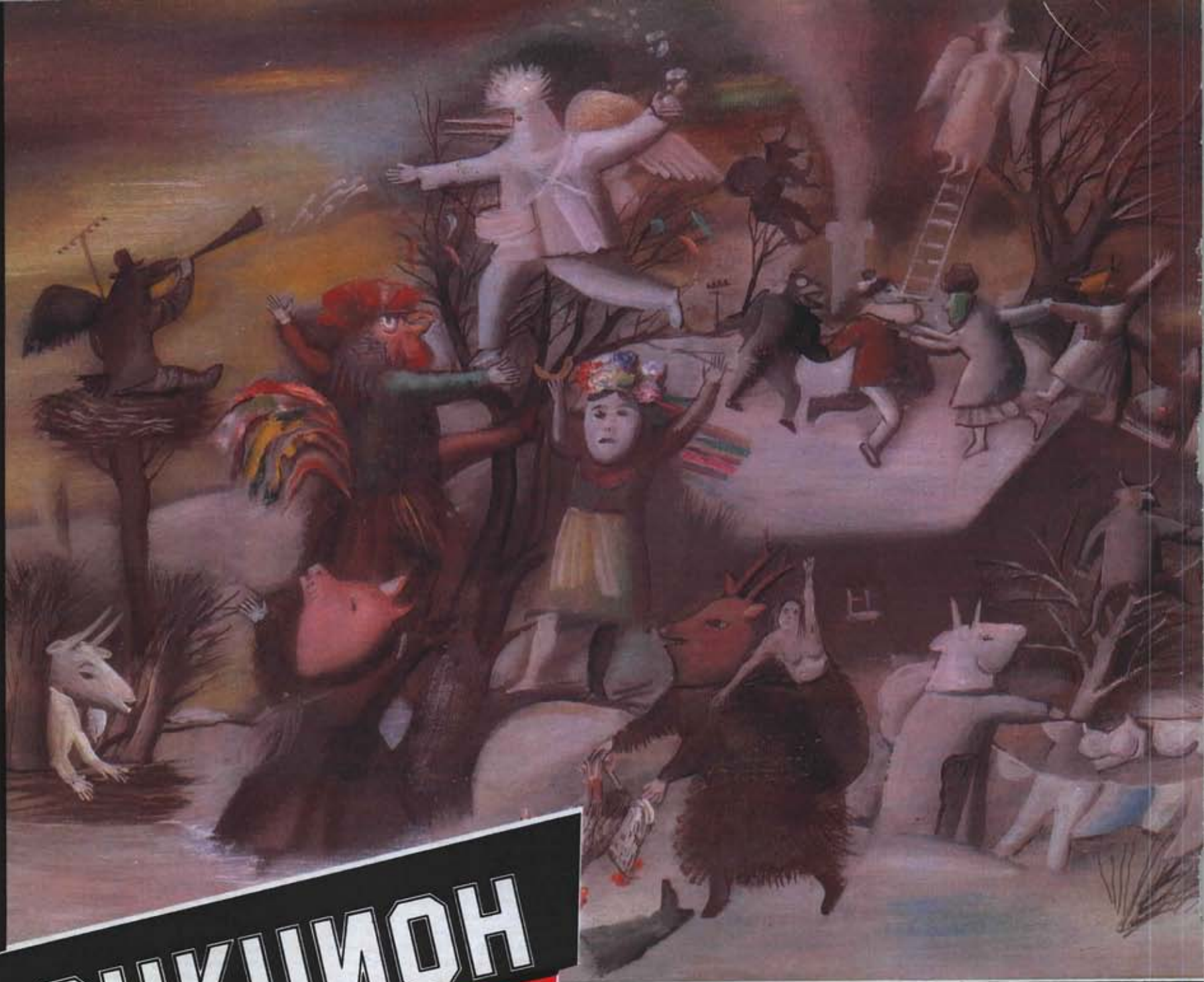
— В настоящее время органы внутренних дел не могут вести достаточной эффективной борьбы с подобной группой преступников, — говорит заместитель начальника ГУВД Леноблгорисполкома генерал-майор милиции Михаил Иванович Михайлов. — Причин тому много. В современных условиях правотворчество отстает от реальной жизни. Сейчас увеличивается разрыв в оценке общественной опасности отдельных действий со стороны населения и закона. Существуют явные противоречия между правовыми нормами и оценкой отрицательных явлений с позиций нравственности, социальной справедливости.

Простой пример: множественность цен на один и тот же вид дефицитных товаров позволяет махинаторам извлекать солидные барыши, не нарушая ни одной из статей УК РСФСР. А новые виды жульничества, азартные игры в карты, в наперстки? Закон по этим вопросам четкого и однозначного ответа пока не дает.

В этих условиях, считаем мы, необходима правовая норма, направленная против незаконного извлечения нетрудовых доходов в любой форме, так как существующая ответственность за хищения, мошенничество, вымогательства, спекуляцию и другие корыстные преступления не охватывает в современных условиях все многообразие форм извлечения нетрудовых доходов. А ведь подобная неясность правовых норм ведет к тому, что некоторые прокуроры заняли перестраховочную позицию, боясь санкционировать арест явных преступников. Гадают: осудит их суд или нет? И, конечно, все это мешает делу и наведению должного правопорядка.

Итак, Васильев и его сообщники потерпели крах.

«Должность» главного «мафиози» Ленинграда вакантна, но надолго ли? Как известно, вакуум должен заполняться, если для этого есть необходимые условия. А условия эти есть, пока существуют пробелы в нашем законодательстве по поводу мошенничества. Чем быстрее эти пробелы будут устранены, тем быстрее мы сможем покончить с этим старым, как мир, но все еще маяющим к себе некоторых уродливым явлением.

АУКЦИОН

Иван ПОДШИВАЛОВ

— Сто пятьдесят рублей, лот номер пятьдесят, раз!

— Сто пятьдесят рублей... два!!

— Ст... Сто шестьдесят пять рублей! Лот номер три!!

Александр Ширвиндт с явным удовольствием вел второй аукцион картин молодых художников объединения «Центр», который проходил 28 ноября минувшего года в московском выставочном зале Советского фонда культуры.

— Пятьсот тридцать рублей... три!! Продано! Поздравляю вас. Прошу оформить покупку. Следующий номер: картина Дмитрия Канторова «Бюрократический альянс». Начальная цена — тысяча двести пятьдесят рублей...

В зале жарко. Горят лампы. Снимает наше телевидение, английское, суетятся фоторепортеры, присутствуют «Гардиан», «Рейтер», атташе посольств по культуре... Крупные советские коллекционеры, деятели искусства, представители государственных и частных галереи Франции, Италии, Польши, Финляндии,

Японии. Крупные зарубежные фирмы тоже интересуются картинами — ведь это вложение денег, и неплохое: картины не дешевеют.

Для того чтобы понять, почему аукционы — это «новая форма общения зрителя с искусством», надо знать, какова же традиционная форма...

Союз художников или художественный фонд, покупая у художника картину, выплачивает ему вознаграждение. Затем произведение ставят в запасник или продают по безналичному расчету какой-нибудь организации. Частенько организации и вовсе не нужна картина, но деньги на «это дело» есть. И вот в запасниках, на складах, в домах культуры и залах заседаний картины висят, высыхают, мокнут, погибают. Картины первоначально не имеют цены, определенной и зафиксированной в паспорте, который есть даже у пылесоса. Художник-то свои деньги получает, но вот дальше... дальше картина не живет, не переходит от одного хозяина к другому. При таком способе продажи картин государству

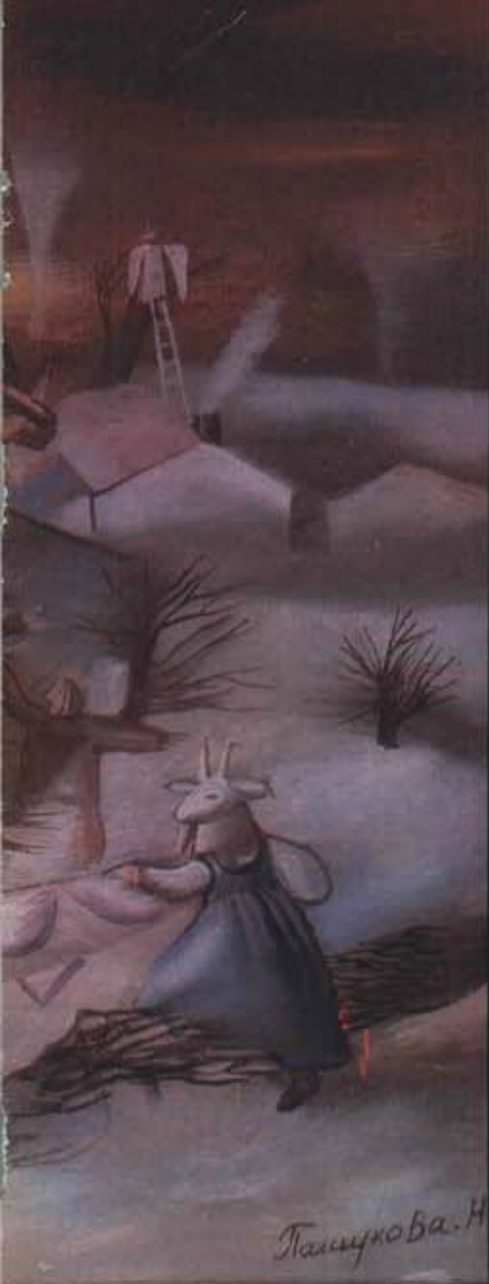

(оплата гарантирована всегда!) Союзу художников незачем иметь дело с конкретным любителем искусства. Ведь любителю заранее купленный «шедевр» может и не понравиться. Сотни тысяч, миллионы рублей уходят на оплату картин, которые никто не заказывал и мало кто увидит. Но вернемся в зал на улице Карла Маркса, где идет аукцион...

— ...диптих Михаила Иофина «Горожане». Триста рублей. Кто больше?

— ...восемьсот двадцать пять рублей, три! Продано!!!

Цены по законам аукциона выросли в несколько раз. Были заявле-

Павлова Т.Н.

зря сейчас думают об увеличении количества частных коллекций в СССР. Возможно, придет время, и картины начнут собирать с такой же страстью, как и книги. И наша страна станет не только «самой читающей», но и «самой смотрящей и понимающей». А для этого нужно вначале хорошо наладить связь художник — зритель.

— Для начала неплохо. — сказал присутствовавший на аукционе Дж. Флойд, председатель лондонского международного аукциона «Кристи», одного из самых известных в мире. — но прежде чем продавать работы не слишком известных художников, надо познакомиться с ними публике, организовать рекламу. Хотя у нас аукционы проходят менее живо, но организационная сторона дела всегда поставлена должным образом...

— ...офорт Леонида Задонского. Тридцать пять рублей! Кто больше? — Александр Ширвиндт улыбается и стучит молоточком с самым невозмутимым видом, словно всю жизнь только и делал, что продавал картины.

Будем надеяться: впереди следующие аукционы, крупные и маленькие, всесоюзные и районные. У любителей живописи, оказывается, есть интерес.

Фото Льва Мелихова

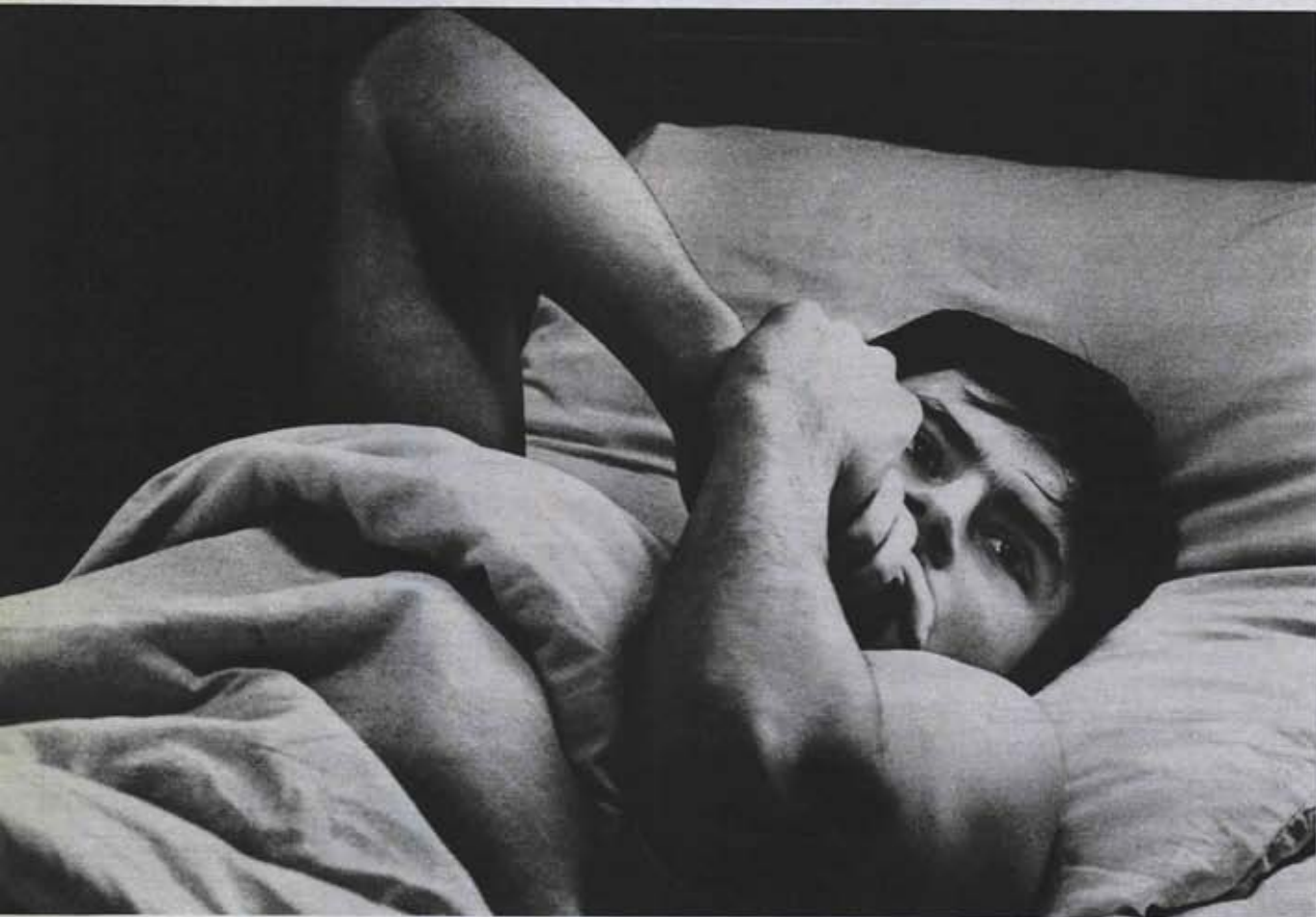
ны 192 работы тридцати трех мастеров из Шяуляя, Переславля-Залесского, Москвы, Тулы, Ленинграда, Минска. Почти у каждого купили одну или несколько работ.

— Какое ощущение, когда публично продают вашу картину? — спрашиваю у председателя объединения «Центр» Александра Захарова (у него, кстати, было куплено пять из шести выставленных работ).

— Если не покупают, то, конечно, мерзкое ощущение. Ведь каждый художник, что бы он там ни говорил про свою элитарность, мечтает о понимании, хотя бы о единичном...

Большую часть работ купили иностранцы. Но это — хоть и признание таланта молодых художников — не особенно радует. Ребята специально в несколько раз снижали начальные цены, чтобы их работы могли купить наши любители живописи. И то, что лучшие картины прямо из мастерских увозятся «туда» и даже неизвестен адрес (по правилам аукциона покупатель может остаться неизвестным), не может не огорчать художников. Каждый из них мечтает о признании в родном Отечестве, что бы там ни говорили про персональные выставки в Париже. И, наверное, не

Евгений СТЕЦКО

Фото автора

В Роттердаме в последний день чемпионата мира по гимнастике после своего выступления он еле добрался до гостиницы. Лучший день закончился тем, что его рвало в ванной номера отеля «Централь».

Сказалось сильнейшее переутомление. Кто знал это, кроме своих? Да и из своих — все ли?

Дмитрий Билозерчев вернулся в гимнастику, в большой спорт, в сборную, на пьедестал, вернул себе высший титул, вновь явился на глаза болельщиков, два года не видевших «гения гимнастики» и «человека без нервов». (Как хорошо, как безмятежно о нем писали раньше! Мама клеила вырезки уже в третий альбом...) Но правда требует иных слов.

«В Роттердам приехали за девять дней от открытия чемпионата, и к его началу уже устали. Знал, что чемпионом становятся раз в жизни, для меня этот случай единственный, в другой раз уже не поднимусь. Потом пусть будет проигрыш — сейчас нельзя. Голова гудела. Но там — только одно место мое. Остальные для других. Жил, как в склепе. Заканчивался день — от усталости валился с ног...»

После чемпионата были показательные в Италии, показательные в Москве, и сразу же вылет в Австралию.

В микроскопический просвет между Роттердамом и этими поездками мы встретились с Дмитрием в кофейне, чтобы поговорить. До этого я только снимал его.

НЕ УПУСТИТЬ СВО

13 октября 1985 года абсолютный чемпион мира по гимнастике Дмитрий Билозерчев разбился на «Ниве» на Ленинградском шоссе. (Ленинградское шоссе — это путь до озера Круглое, на спортивно-тренировочную базу сборной.) До чемпионата мира в Монреале оставалось меньше месяца.

Через двадцать минут после аварии «скорая» увезла Билозерчева в ближайшую больницу, где ему наскоро поштопали левую ногу, на которую пришелся самый тяжелый удар, — машина врезалась в столб левым боком. Потом его срочно доставили в ЦИТО прямо на операционный стол. (Позже следственный эксперимент показал, что скорость машины в момент аварии на семь километров превышала допустимую на том участке, а медицинский анализ обнаружил алкоголь в крови спортсмена.)

Через месяц Юрий Королев, в 83-м проигравший Билозерчеву, стал абсолютным чемпионом мира.

Восемьдесят пятый год был самым удачным для Билозерчева. Сплошные победы: победа на Кубке Союза, на чемпионате Европы, на Универсиаде. Оставался чемпионат мира: предстояло лишь подтвердить свое право занимать место на вершине. Ему нравилось побеждать. Он любил работать в отрыве, опережая следовавшего за ним порой на целых полбалла... Он выходил и выигрывал, чувствуя, как мешает хоть тому же Королеву. Дружбы между ними такой, какую рисуют, рассказывая о друзьях-соперниках, не было. Много сил отнимала борьба. Оба давно знали, какого класса их работа, и ни один не желал зла другому.

И вот, наконец, Королев выиграл. За

кого еще было болеть, как не за Короля, за своего, за настоящего мужика, которого он уважал всегда, два года подряд выигрывая у него, а теперь особенно уважая за то, что Король вернулся после перерыва в чемпионат!

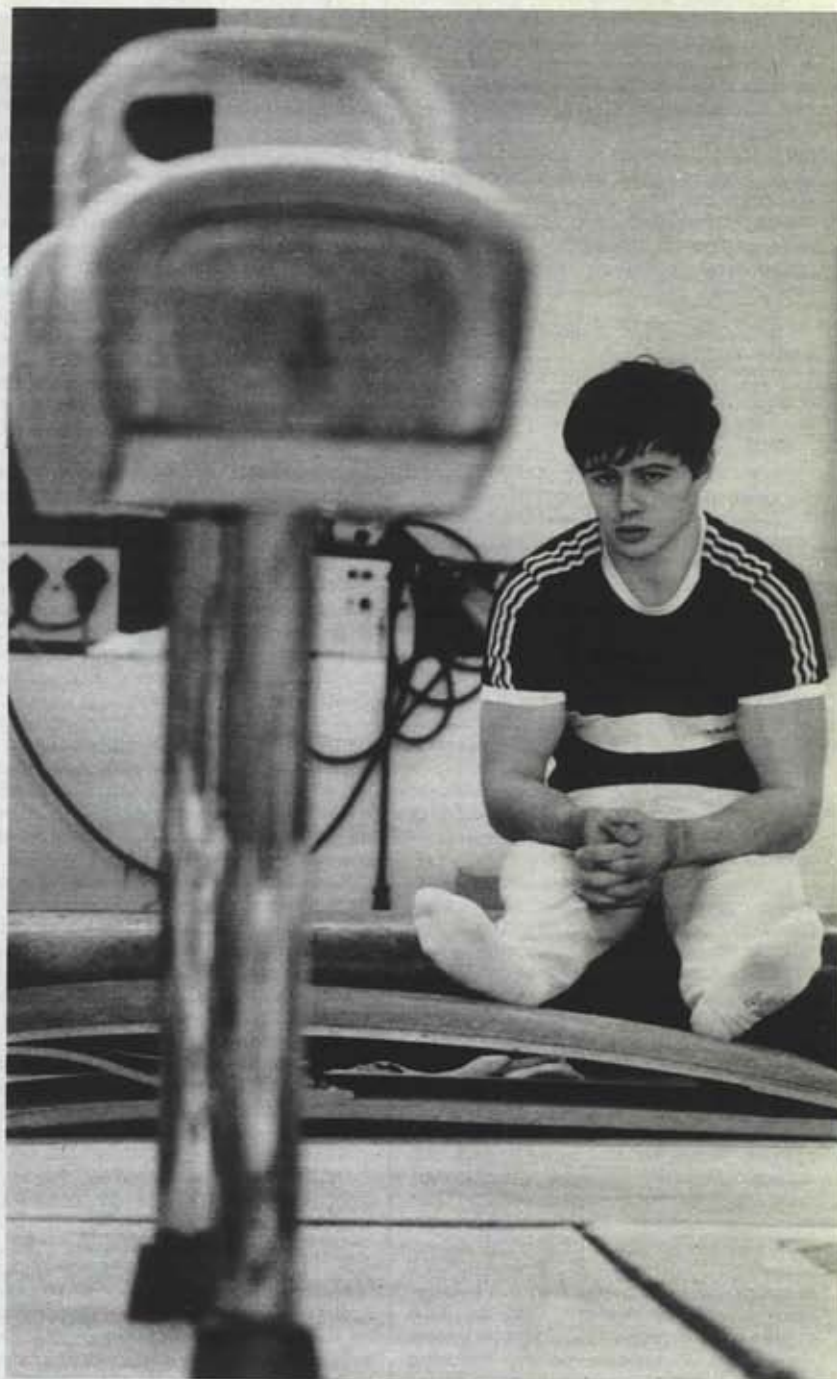
...В ЦИТО я пришел, когда он уже отлежал на вытяжке. Миронов сказал, что к Билозерчеву просились иностранные корреспонденты, но их не пустили: плох. Я спросил: вернется? Миронов ответил: «Мы сделаем из него полноценного человека, а останется ли он в спорте, зависит от него».

Сергей Павлович Миронов, хирург, спасатель, известный всем спортсменам, даже тем, кто ни разу не ломался серьезно, заведующий отделением ЦИТО, строгий до суровости и солидный, воплощение надежды и надежности... Он, конечно, знал драму спорта: слова «полноценный человек» неприменимы к тому, кто судьбой от спорта отлучен.

Я пошел к Диме в палату. Мне сказали: он очень стойко перенес вытяжку. Увидел гипс на всей ноге. Попросил разрешения снимать. Он кивнул. Я сказал: последний кадр съемки будет, когда ты снова станешь чемпионом. (Верил ли в это я, или хоть кто-нибудь в мире?) Он улыбнулся грустно. Потом оживился, встал, допрыгал до умывальника. Подтянувшись на спинках кроватей, выполнил «угол».

А на следующее утро Миронов ставил Диме аппарат типа илизаровского. По сути — операция.

Я налепачал несколько карточек и принес в ЦИТО, сомневаясь, надо ли показывать врачам ту, где он в стойке на руках.

ДИШАНС

— А я так ему и говорю: не можешь на ногах, ходи на руках! — сказала лечащий врач Евгения Васильевна Богущкая.

Шли дни, недели. Он начал качать руки, стал ходить на костылях.

Вдруг узнаю: он уже на Круглом. Приехал и издалека увидел человека на костылях. Тренироваться сам Дима еще не мог.

Ко мне подошел старший тренер сборной Аркаев.

— Вы читали сегодня статью в «Советской России»? Нет?

— Ну почитайте, может, больше не придется ездить...

В статье тренер сборной Аркаев обвинялся, в частности, в том, что вызвал на тренировочные сборы спортсмена, исключенного из сборной и на год отстраненного от участия в соревнованиях. Этим спортсменом был Билозерчев, который через год после аварии мог и не начать ходить и для которого озеро Круглое было спасением, но кто это, кроме него и Аркаева, знал? Кроме него, Аркаева и тренера Александрова, впервые увидевшего Диму Билозерчева семилетним пацаном.

— Ничего, я не пропаду, — говорил иногда Александров, воспитавший, как обычно пишут, чемпиона. — Я себе опять малышей наберу.

А сам только хорохорился. И они не могли уже различиться, как не могли и жизни представить без зала, его воздуха. А воздух Круглого был самым оздоровительным.

Через год после автокатастрофы новое ЧП.

— Дима в больнице, — сказала мне

по телефону его мать. — Предстоит операция.

— Господи, — вырвалось у меня. — Что еще?

— Ничего, не так страшно, — сказала мать, — он порвал связки на здоровой, на правой ноге.

Та операция отняла немного времени. Но от спорта, от тренировок было отнято полгода. Дима как-то сказал мне, что выступит только тогда, когда сможет стать первым. Весной 87-го в Москве прошел чемпионат Европы. Без него.

Ближе к прошлогоднему чемпионату Союза начались первые прикидки. На самой первой он выступал только на коне, брусках и перекладине. Результаты показывал невысокие — с соскоком было еще плохо. На следующих прикидках он был пятым, третьим, вторым... Когда же всю сборную распустили на короткие каникулы, отдохнуть перед стартом, он остался на Круглом.

Прилетев в Ростов-на-Дону, где проходил чемпионат страны, я посмотрел списки. После обязательной он шел вторым, проигрывая Артемову. «Пока все хорошо», — сказал мне Александров.

— Все хорошо, — сказал я Диме.

Он буркнул что-то нечленораздельное. Я решил: нервничает. Но он был действительно недоволен. В командном зачете лидировали гимнасты ЦСКА. Наутро началось личное первенство. В вольных он немного проиграл Артемову, опорный прыгнул, кажется, ровно, на коне отыгрался, на кольцах получил 9.95 и, наконец, оторвался от соперников.

касметке, в сапогах со шпорами смотрит на вас прямо, жестко, непреклонно. Я говорю Нине Георгиевне, что она не похожа здесь на себя — ни на нынешнюю, ни на ту, что на снимках тех лет. Она женственна, мягка, даже, пожалуй, беззащитна и слегка кокетлива. Она отвечает, что право автора — художницы Надежды Пешковой, невестки А. М. Горького, — было видеть ее такой, как тотчас после скачки. Того, может быть, памятного конникам рекордного стипль-чеза, где единственная женщина победила лучших стиплеров-мужчин.

Мое писательское право тоже видеть героев по-своему — не выдумывая и не додумывая (впрочем, и не идеализируя), но догадываясь о недосказанном и недовспомненном. Опираясь, конечно, на документы — но все ли они достоверны? Вот один — заметка из английской газеты «Стар» за 1946 год. Называется — «Девушка среди расшитых киверов». Речь о том, что на заседаниях военно-штабного комитета Совета Безопасности ООН среди чиновных орденосных мужчин присутствует единственная — опять единственная! — юная мисс. «Она носила униформу с погонами русского лейтенанта, и, когда входила впервые в Черч-хаус (Вестминстерское аббатство), где проходят заседания, часовые королевских военно-морских сил, озадаченные ее одеянием, потребовали пропуск, она же, не зная английского, ничего не могла рассказать о себе. Лейтенант Нина Байскова, когда фашисты пришли в ее страну, убежала из школы под Москвой, стала снайпером, проявила в боях храбрость и дважды была награждена. Продолжая служить в пехоте, она видела сражения на многих фронтах, а в последний год войны стала опытным экспертом по стратегии и коммуникациям».

Неведомый репортер все сочинил. Кроме того, пожалуй, что Черч-хаус охраняли королевские морские пехотинцы, да на русской девушке были лейтенантские погоны. Английским она владела отлично, будучи никаким не экспертом по неведомым коммуникациям, а переводчицей советской военной делегации. Снайпером не была, хоть и рвалась на фронт. Однако руководству института иностранных языков, его начальнику, всемосковски тогда известному покровителю искусств и спорта, блестяще образованному генералу Н. Н. Биязи, а затем и Генштабу угодно было иначе распорядиться судьбой недоучившейся из-за войны студентки МАИ, несостоявшейся актрисы и спортсменки.

Не совсем уж замкнуто-монашеский образ жизни царил в Вестминстерском аббатстве. Однажды мисс лейтенант отправилась в магазин, но купила не платье, не туфли — щегольские кавалерийские бриджи, истратив месячное жалованье. А затем изъявила желание отыскать в Лондоне прокатную конную школу, поскольку, как выяснилось, с детства она — дочь военного — пристрастилась к седлу. Приданный ей в сопровождении офицер попросил хозяина предоставить новоявленной кавалерист-девице (во избежание возможных неприятностей) самую тихонравную, ветхую клячу. Пожилой джентльмен подседлал лошадь и себе, и, едучи обок с русской, отметил правильность ее посадки, владение поводом и шенкелем. Поперек дороги спиленное дерево. «Прыгнете?» Лейтенант смело посылает лошадь. «Ю ар казачка?» — британский конник правильно выговаривает экзотическое слово. Сибирячка не отмечает лестную версию.

Но оставим на время Нину Байскову. Пусть, возвратясь в Москву, она помаяется, ища себе спортивную пристанище, и из Краснознаменной высшей офицерской кавалерийской школы, славы КВОКШ, куда ее устроят «по знакомству», ее велит гнать в три шеи — «баб нам здесь не хватало!» — пышноусый маршал.

Вернемся к Громову.

Его в четырехлетнем возрасте посадил на лошадей дед, к семи годам он освоил все аллюры. Делясь родившимся в нем чувством, Михаил Михайлович позже воскликнет: «Люди, не любящие животных, производят на меня отталкивающее впечатление не поднявшись до уровня совершенства Вселенной!» Правда, поэтично сказано? У Громова вообще превосходное перо — в неопубликованных записках он о выступлении в Риме нашего первого олимпийского чемпиона Сергея Филатова рассказывает так: «Филатов сидел на вороном жеребце Абсенте. В лошади чувствовался огонь, но огонь укрощенный... Голову лошадь несла, как на золотом блюде, ноздри ее раздувались, хвост — на отлете...» (кстати, красноречивое «на золотом блюде», как говорил мой знакомый конник, звучит высокопрофессионально, отражая особую тонкость техники выезда). И еще немного о чувстве слова. Рассказывая в тех же записках о своем рысаче Новом Петушке, Михаил Михайлович мельком упоминает его конюха: «Словарный запас старика был весьма ограничен, но выразительности он достигал изумительной. Возвратясь после трота (тихой рыси), на мой вопрос о самочувствии лошади он ответил с глубочай-

Рисунок Виталия Федорова

шей серьезностью: «Вожжист». Это означало, что лошадь сильно тянет и полна энергии».

В войну, командуя 1-й воздушной армией, Громов держал лошадь и в штаб фронта ездил только верхом, предпочитая такой способ тряскому «виллису» — ногами это вдобавок предохраняло от вражеских самолетов с их однозначной реакцией на свет фар в чужой прифронтовой полосе.

А после войны — вот что значит страсть! — генерал-полковник, Герой Советского Союза увлекся бегами. Нет, не в том смысле. Не как игрок — как спортсмен-наездник. Учитывая свой рост и вес (впрочем, он специально сбросил 5 килограммов, доведя его до 78), сконструировал особую качалку. Остался верен принципу, который исповедовал в любом деле: «Если я брался за решение какой-либо проблемы, то прежде всего старался изучить ее как можно глубже, рассмотрев во всех возможных аспектах». В 1925 году во время рекордного по дальности агитперелета СССР — Монголия — Китай — Япония Громов обратил внимание на рикш: шуплые, вроде хилые, они легко перевозили увесистых пассажиров. Присмотревшись к экипажам, разгадал секрет. В 1946 же году, конструируя себе спортивный экипаж — «американку», — использовал ту же идею, при которой вес седока не отягощает, но помогает лошади, как бы толкая ее вперед.

«Гаити (помните на фотографии — «безминутное чудо»: специфическое определение старых конников, означавшее, что возможности лошади неограниченны. — С. Т.) — кобыла серой масти — была добра, приветлива и полна обаяния. Крупные глаза с длинными ресницами дополняли необыкновенную женственность. Во время бега она была на высоком элегантном ходу. Движения удивительно развязны, широки, свободны... Передние ноги, казалось, вытягивались от самой холки, а не от плеча, а задние во время отхлеста образовывали совершенно прямую линию... Помню, как выиграл на Гаити в призу с самыми резвыми лошадьми того времени. Николай Романович Семичев, один из ведущих, талантливейших наездников, ехал тогда на Згидном, который через некоторое время выиграл в Москве дерби — самый фешенебельный приз. В последнем повороте Гаити шла рядом со Згидным. Мы с Семичевым «сидели в спину» двум отличным конкурентам. В конце поворота меня начал обходить еще один соперник, и я принужден был взять вправо, чтобы не «попасть в коробочку». Я ждал момента последнего броска. Со стороны трибуны казалось, что Гаити безнадежно проигрывает, так как она шла полем, а конкурент впереди взял еще несколько на себя, поэтому Згидный получил возможность обойти всех. Но я помнил, что резвость в броске — непревзойденное свойство Гаити. Казалось, сколько вы у нее «попросите», столько она и отдаст своих сил... Достаточно мне было чмокнуть, как моя красавица сразу поравнялась с впереди идущими. Згидный и Гаити обошли соперников, и когда я подкрикнул «Хоу-дай-дай!», она в последний момент вырвала победу у Згидного. Одно могу сказать: ездить на Гаити было наслаждение».

В рысистых испытаниях генерал участвовал под псевдонимом Михайлов. И в том заезде не поставившие на Михайлова и Гаити тототники, по выражению Михаила Михайловича, «рвали на себе волосы».

Далее... не будь конного спорта и двоих, ему приверженных, не случилось бы и всего последующего. Не познакомились бы генерал Громов и лейтенант Байскова на Ленинградском шоссе — еще не проспекте, в спорткомплексе общества «Пищевик». Тогда Михаил Михайлович сделался любителем чистокровных скакунов, купил выбракованную рослую кобылу Диду и договорился держать ее на конюшне «Пищевика», Нина же обрела, наконец, там себе пристанище, получила в распоряжение коня Фиделио и добилась первых успехов в конкуре и троеборье.

Вступают мотивы романтические и романтические. Генерал подвозил на своей машине девушку домой, потом они гуляли, Нина Георгиевна помнит, что то было в березовой роще, что он читал ей стихи: в самые светлые минуты — Пушкина. Что именно, не помнит, многое читал, я волен лишь предполагать, исходя из того, как она характеризует его натуру. Мирощущение его было, если можно так выразиться, не солнечным, скорей мгlistым, ожидание будущего окрашивалось в суровые тона. Впрочем, не потому ли, не предвидя ли возможность скорей бед, нежели удач, он и летал так долго и удачливо? «Летчику должно быть чуждо состояние покоя и уверенности в том, что он сделал все, что мог». «Беседуя с курсантами, я предлагал им задумываться о причинах несчастий и искать их прежде всего в себе». Потому, полагаю, близок ему был Рахманинов, глубокий и мятежный, потому мне чудится, что он читал Нине Георгиевне «Элегию»: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Впрочем, порой по утрам, придя на работу, она слышала в телефонной трубке его пылко: «Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног».

Они поженились, Нина Байскова стала Громовой. Однако ж в институте, где преподавала она англий-

ский, разве что в отделе кадров знали, что ее муж — тот самый, знаменитый. В ее характере тоже предпечение собственных сил любой влиятельной поддержке. В спорте, разумеется, знали — муж сам тренировал Нину и готовил ее лошадь к стипль-чезам, о чем речь впереди.

Пока же сошлись линии жеребца Нины Громовой Фиделио и кобылы Михаила Громова Диды — двух чистокровных лошадей, от которых с надеждой ожидалось чистокровное же потомство. Подчеркиваю это обстоятельство, чтобы пояснить, что за шедевр такой четвероногий взлеял веками туманный Альбион. То, что Джонатан Свифт, повествуя о приключениях Гулливера, изобразил существ челоуеческой породы мерзкими йеху, говорит о великой мизантропии великого писателя, но что их антиподы, благородные гуингмы, — лошади, свидетельствует, что Свифт — британец. Аристократия мира людей, ветвистые родословные древа со множеством титулованных предков, занесенных в европейский «Готский альманах» (или старинную российскую «Бархатную книгу»), давали, как известно, и выродков, и отъявленных мерзавцев. Не вдаваясь в особенности экстерьера и иных физических свойств чистокровной лошади, в коих я профан, подчеркну лишь ее моральное качество. Для этого сошлюсь на известного специалиста по английской литературе и заядлого конника Дмитрия Урнова, утверждающего, что если англичанин употребляет выражение «По словам лошади», это значит — без вранья. Представители других пород могут, в общем, схитрить, пожалеть себя, полентяйничать на дистанции соревнований, чистокровная никогда не «врет» — в скачке предельно честна и добросовестна, отдается борьбе так, что сердце может разорваться. Громов в своих записках восклицает: «Чистокровная лошадь — совершеннейшее творение человека в живой природе».

Надо сказать еще, что английские коннозаводчики, тщательно оберегая чистоту женской линии своих скакунов, обогащали мужскую ввозом из Аравии и Средней Азии. Прапрадеды темно-гнедого Фиделио — арабские жеребцы, отсюда его доброта и привязчивость: у бедуинов жеребята росли в семьях, в шатрах, как и дети, тем же питались, знали любовь и ласку. Светло-гнедая в золотистых яблоках Дида числилась в далеких предках ахалтекинцев, в них была горда, памятлива на малейшую обиду (Нина Георгиевна вспоминает, что терпению Дида ее научила). Фиделио был сорвиголова, брал препятствия лихо, но небрежно, и при невероятной прыгучести мог и сшибить жердь. Дида же работала, что называется, ювелирно, прыжки ее были настильны. От жеребенка Фиделио-II, подомашнему Федьки, Громов был вправе ждать уникального сплава дарований, его воспитание и оказалось тем экспериментом, который многое сулил, но повлек драму.

Выше я привел фразу из книги Михаила Михайловича — о принципе всестороннего подхода к решению им любой задачи. Далее там сказано: «Я убедился, что ни одна отдельная отрасль науки никогда в жизненной практике не решает до конца той или иной проблемы. Только комплекс соприкасающихся между собой наук дает должный, исчерпывающий эффект». В неопубликованном: «Тренировка лошадей заставила меня задуматься над научным обоснованием этой деятельности... Изучил современную физиологию, биохимические процессы, происшедшие в организме спортсмена...» Полагаю, Громов был столь же выдающимся тренером, сколь и авиатором.

Федька растет, а тем временем Нина Георгиевна начинает выступать на Диде. Не вдаваясь в тонкости методики Михаила Михайловича, расскажу лишь, как он работал над «резвыми» (выражение конников), то есть над тренировкой скорости и скоростной выносливости. Над отрезками, на которых скакун показывает максимум, на что способен.

Работа велась близ станции Сходня, где находился летний спортивный лагерь «Пищевика». Велась на песчаной обочине шоссе — с одной стороны асфальт, с другой — обрыв, кювет. Тренироваться надо было на рассвете, чтобы не было машин, которых Дида боялась. В три часа (утра, ночи — как сказать?) Михаил Михайлович будил жену, сам же принимался за свою беспощадную зарядку. И — в машину: он водил виртуозно. В половине пятого Нина Георгиевна седлала Диду, разминала ее. Тем временем генерал-полковник — в полной форме, поскольку отсюда предстояло ехать на службу — медленно проходил полутораклометровую дистанцию и убирал с земли малейший камешек, чтобы лошадь не повредила драгоценных ног. Становился на пригорок, цвел секундомером, и — в галоп. Лошадь финишировала, он ее охлопывал, успокаивал, нежно бася: «Умница, хорошая Дидулька». слушал, приложив ухо к боку, дышание, проверял пальцами сухожилия, не перегрелись ли. Когда его машина скрывалась, Дида облегченно вздыхала, да и всадника, пожалуй, тоже. Тренер был строг, хоть малословен, спорить с ним бесполезно, обыкновения взрывать он не имел: однажды лишь, помнит Нина Георгиевна, когда она заблудилась на

кроссовой дистанции, он в сердцах бросил: «Тебе бы кружева дома плести», — и уехал, ее не дождавшись...

Один старый конник посейчас кличет Нину Георгиевну необычным прозвищем — «Семь сорок семь» — в память того стипль-чеза на Московском ипподроме, той головоломной скачки на шесть километров с 18 сложными препятствиями, которая считалась привилегией мужчин, а соперники «Пищевика» — армейцы — заявили уже, что идут на побитие рекорда, державшегося 12 лет. План Громова был таков — сначала приотстать, потом приблизиться к лидеру, за 600 метров — поравняться. Три лошади шли голова в голову. На выходе из последнего поворота соперники взялись за хлысты, но Нина Громовая лишь причмокнула, и Дида тотчас ушла от всех. 7 минут 47 и 7 десятых секунды — рекорд побит. Вот какая это была лошадь! Громов говорил, что и сам при весе под девяносто ощущал себя в ее седле «песчинкой во власти стихии».

Время идет, и сын Диды, уже не жеребенок, а молодой конь, двухлеток, начинает спортивную карьеру. На состязаниях по преодолению препятствий побеждает знаменитый конник Елизар Левин на кобыле Вернись, но Михаил Михайлович предлагает перепрыжку, как бы персональную дуэль, и малыш Фиделио-II, выступавший под Татьяной Куликовской, самой легкой из всех всадниц, берет верх над Вернись и Левиным.

Далее — слово М. М. Громову.

«Это воспоминание вызывает чувство глубокого разочарования в некоторых людях. Недаром говорится: «Чем больше я изучаю людей, тем больше мне нравятся животные». Имею в виду конфликт, который произошел между мною и Василием Иосифовичем Сталиным, в то время командующим ВВС Московского округа, основателем команды ВВС и председателем конноспортивной секции СССР. Когда он услышал о моем успехе как тренера, то... немедленно был созван президиум секции, на который я был приглашен. Вася (так звали его между собой конники), в растегнутом кителе расхаживая по кабинету, обьявлял мне, что я занимаюсь истязанием малолетних животных... Я ему ответил, что считаю мой метод прогрессивным и правильным. Тогда он предложил высказаться всем членам президиума. Со всеми этими людьми я был в хороших отношениях, со многими немало было переговорено обо всем, что касалось лошадей, спорта. Что же я услышал? Меня буквально «поливали» такими красками, что я не верил своим ушам, не мог представить себе, что это те самые люди да еще с партийными билетами. Настолько беспринципно они повели себя. Что же говорил Вася? «Один вы идете в ногу, а все остальные не в ногу?!» Я твердо ответил: «Да, думаю, что так. И думаю, что призову на помощь науку». «Может быть, вы пойдете жаловаться моему отцу?» «Если будет нужно, то пойду».

Вынужден сделать отступление. Меня, свидетеля процесса пресловутого омоложения спорта, борющегося с бездумной его эскалацией, должен бы насторожить упрек в «истязании малолетних животных». Да боже мой, когда меня спрашивают, что я думаю о судьбе несчастной Лены Мухиной, я отвечаю: «Знаете ли вы, сколькими еще искалеченными детскими тельцами устлана дорога нынешней мировой женской гимнастики?» И не одной гимнастики — фигурного катания, прыжков в воду, даже штанги. Однако из записок М. М. Громова и рассказов Н. Г. Громовой я знаю, как проводился эксперимент. С первых месяцев Федька жил на природе, вместе с матерью вольно бегал по полям и лесам, в охотку вслед за ней скакал через канавы, поваленные деревья. Когда ему исполнилось полгода, тренер ставил для него небольшие препятствия, и он с удовольствием прыгал, получая в награду кусочек сахара или морковку. Это было игрой (помните: «Играя, ребенок познает мир?»), тем, что не дано детям во многих спортзалах. И к седлу он приучался, играя, и седока принял на себя с удовольствием. Потому и вырос на спортивной лошади с правильной техникой прыжка, наследственные же качества довершили успех. Короче, продуманные, в высшей степени гуманные методы Громова-тренера сделали Фиделио-II уникальным юным чемпионом.

Далее вовсе уж неожиданное: генерал-лейтенант Сталин приказал арестовать Диду и Фиделио-II. Адьютант в сопровождении солдат прибыл на конюшню «Пищевика», увел злосчастного Федьку, а вместо Диды (по незнанию) другую лошадь — Победу. Никто из конюхов не исправил ошибку, молчалим выразили они протест против самоуправства (а чем еще могли?) — полагаю, лаяли лишь, ярились вечные и верные приконюшенные дворняги. Вечером вернулись за Дидой, но тут уж Нина Георгиевна, заслужив собою денник, потребовала письменное распоряжение: военные ушли, а она, скоротав ночь на сене у ног Диды, на рассвете уехала на ней на дачу — спрятала.

Громов был в командировке. Вернувшись, кинулся к К. Е. Ворошилову. «Я доложил ему сущность дела, он нашел все мои действия правильными... Снимает трубку, звонит С. М. Буденному (главному коннику страны): «Что же это такое — сегодня лошадей, завтра детей, а потом жену уведут?! Вот что: лошадей

немедленно освободить, а с Васей я поговорю сам». Он было позвонил ему, но тот смог приехать только через часа два, так как нужно было «привести себя в порядок».

В ходе дальнейшего изложения Громов замечает: «Видимо, воспитание Василия Иосифовича было поручено отцом в неподходящие руки». Мы не знаем, что он имел в виду, но фраза заставляет задуматься и о фигуре этой, и о возможных причинах происшедшего.

Что известно о Василии Сталине нам, непосвященным? Во время военных парадов на Красной площади, когда еще в них участвовала авиация, мы слышали из репродукторов торжественное: «За штурвалом головной машины генерал Василий Сталин!» Известно, что он создал клуб ВВС — не только конную команду, но и футбольную, хоккейную, велосипедную, и — ох, до чего не любили в Москве спортсменов в желто-голубых майках! Помню, однажды в перерыве футбольного матча на стадионе «Динамо» проходили круг почета победители велогонки по Садовому кольцу, первым — в той полосатой рубашке — шел бывший спартаковец Алексей Логунюк, и я никогда не слышал с трибун подобного дружного, яростного, позорящего свиста. Аббревиатуру «ВВС» тогда расшифровывали — «Взяли Весь «Спартак», хотя грабежу подверглись и другие общества».

Переход — дело в спорте обычное. Но в данном случае москвичи считали, что «изменники» погнались за сытными пайками, длинным рублем, квартирами. Конечно, Василий Сталин располагал особыми возможностями, но не хотели мы тогда принимать во внимание, что отказ от перехода мог быть чреват — кто знает, чем?.. Среди моих нынешних собеседников есть и такие, которые добрым словом поминуют любовь Василия к спорту, щедрость высокопоставленного мецената: вот-де он и манеж конный построил — отобрал авиационный ангар. Построил было и хоккейный дворец — положили фундамент, возвели фермы. Но в этот миг его супруга, известная пловчиха, возжелала иметь бассейн для своих тренировок. Москвичи знают здание на территории комплекса ЦСКА — изукрашенное в пышно-алюповатом духе тогдашних станций метро, на него и ухлопали деньги, а фермы долго высились, пока не проржавели напрочь.

Похож ли был сын на отца? И если да, то чем? Как известно, в «Письме к съезду», своем политическом завещании, Ильич упомянул о таком качестве И. В. Сталина, как «капризность». Страна и партия в дальнейшем убедились, что если в руках «необъятная власть», то «капризность» оборачивается необъятной кровью. Властью сын обладал неизмеримо меньшей. Но то, чей он сын, делало «капризы» и опасными, и непресекаемыми.

Так, за две недели до Олимпиады в Хельсинки он внезапно посадил на гауптвахту конников сборной (а это были в основном спортсмены ВВС). Сорвал тренировки. Известный ныне журналист, а в ту пору комсорг делегации В. К. Хомуцкий рассказывал мне, что по указанию председателя Комитета по физкультуре и спорту Н. Н. Романова он апеллировал к С. М. Буденному, но маршал посоветовал обойтись как-нибудь без него — своими силами.

Михаил Михайлович саркастически обмолвился о «неподходящих руках». Чьих, бог ведает, однако — я от многих слышал — под настроение сын вождя, генерал-лейтенант авиации охотно, с мазохистским каким-то удовольствием рассказывал, что его воспитание осуществлялось главным образом с помощью отцовского ремня. Что значит «под настроение»? Да то же, что имел в виду Громов под выражением «привести себя в порядок»: Василий Сталин пил. И в пьяном виде был гораздо на многие художества. Дать, например, команде перед матчем нелепейшую тактическую установку и потребовать неуказанного ее исполнения. Мог вмиг снять тренера — как накануне отлета хоккеистов ВВС в Челябинск, когда после поражения усмотрел в невинной фразе Матвея Гольдина вражеские козни наставника против собственного коллектива и с хода назначил вместо него играющим тренером бывшего динамовца Бориса Бочарникова.

Почему торопились с тем отлетом? Погода была скверная, времени хватало на поезд. Рвение ли Бочарникова, защитника невероятной лихости и отваги (болельщики его прозвали «Чума»), тому виной? Вряд ли — ведь свой самолет с личным пилотом дал командой В. И. Сталин. Анатолий Тарасов, ушедший из команды ВВС, которую одно время тренировал, но не стерпел «капризов», рассказывал мне, что его младший брат, Юрий, словно предчувствуя трагедию, сетовал: «Для чего нас так рано гонят?» Вратарь Гарри Меллупс, вывезенный из Риги, узнал тогда, что у него родился ребенок, попросил, благо времени до матча в Челябинске, повторять, было вдоволь, разрешения съездить взглянуть на дитя и нагнать команду. Василий отказал. Меллупсу не было суждено увидеть новорожденного. Ночью 7 января 1950 года, в метель, при отсутствии видимости над Свердловским аэродромом — Челябинск не принимал, машина на малой высоте, с кончающимся горючим скапотировала и колом вошла в обледенелую землю. Погибли все. Но не

успел над братской могилой отзвучать оружейный салют, в Москве раздалось распоряжение командующего ВВС округа «хватать всех подряд», и тотчас новая команда отправилась гонять шайбу.

Для характеристики, думаю, достаточно. Конкретные же мотивы... Во-первых, был он, несомненно, в отца, злопаятен. За год до того Нину уговорили перейти в ВВС: жена-де авиатора, неудобно... Она согласилась. Но ей не понравилась обстановка в клубе. То, в частности, что, когда открывали манеж и были в честь этого назначены всемоосковские состязания по преодолению препятствий, «полосатые», подчиняясь приказу, ночью, тайком от конкурентов, репетировали прохождение трассы — получали незаконную, неспортивную фору. Нина вернулась в «Пищевик». Василий вряд ли это забыл, но это мотив частный. Общий же, убежден, — зависть. С одной стороны — летчик № 1 в ореоле всенародной славы и любви, крупный авиационный военачальник, умный и удачливый тренер, красавец и богатырь, с другой — летчик заурядный, командир — тоже, человек и внешне мелкий, неказистый, если какой славой овеванный, то лишь отцовской. Перед ним заскивают, лебезят, Громов же и по отношению к «самому» вел себя с гордым достоинством.

Несколько документов. Из письма М. Громова на имя военного министра: «Прошу Вашего решения не применять ко мне приказ № 108-39 и считать жеребенка Фиделио-II моим собственным... Мать его Дида приобретена мною не в воинской части, на довольствии не состояла. Жеребенок рожден не в воинской части. В жеребенка я вложил много личного труда с экспериментальной целью». (Как видите, лошадей пытались реквизируют уже на основании официального документа, и следовало доказать, что Дида и Федька ели не казенный овес).

Из заключения комиссии, назначенной по просьбе М. Громова (состав — профессор полковник Г. Домраков, профессор полковник И. Медведев, профессор И. Лакоза и др.): «Жеребец Фиделио-II гнедой масти, 1949 г. р. в данное время находится в работоспособном состоянии и в хороших тренировочных кондициях. Комиссия находит интересным опыт М. М. Громова по направленному подбору и воспитанию спортивной лошади в период ее формирования».

Не удовлетворясь этим, Громов пошел на прием к Т. Д. Лысенко, зная, каким влиянием тот пользуется «наверху». Потому ли поначалу «народный академик» его поддержал, что усмотрел аналогию между превращением Федьки в прыгуна и, скажем, ржи в пшеницу, или ему понадобился для иных каких-то своих целей авторитет Героя, — неизвестно, однако он попытался позвонить Г. М. Маленкову. Не дозволился, правда. Впрочем, тотчас отрекся от попыток — узнал, кто противится эксперименту. Вернувшись с приема, Михаил Михайлович (по словам жены) коротко и брезгливо бросил: «Дрянь человек».

И, наконец: «Товарищу Маленкову Г. М. Я вынужден отказаться от эксперимента... Отказаться потому, что вопрос не решается так, как его нужно решать, и мне теперь стало ясно, что его никто и не решит. Постановка вопроса в данном эксперименте имеет далеко не первостепенное, но все же государственное значение. Решить его судьбу могли Вы, как мне сказал Климент Ефремович. Он — единственный человек, который меня принял и выслушал после долгих страданий. Я обратился к Вам, в ЦК, считая, что член партии может и должен искать правды в партии и ее ЦК по любым принципиальным вопросам. Так я думал. Но я чувствую себя оставленным в пустыне».

Этими горькими, но словно свысока — с высоты своего гражданского горя — выговоренными секретарю ЦК словами можно бы и закончить повествование. Но вернусь к тому, с чего начал. «Ни перед кем не виновато время», — написал когда-то поэт Николай Тарасов. Время как философская категория и как общежитийская (секунды, дни, годы, века), разумеется, нейтрально. Иное дело оно как вместилище событий и решений. В этом случае мы увидим и ржавые пятна крови на жухлых календарных листках, и тень решетки. В моей истории никто не арестован, если не считать лошадей, не пострадал, если не считать душевных страданий...

Но можно ли их не считать? Пульс описанных событий трудно ощутить вне времени и пространства, живой жизни спорта в целом. О подвигах, о славе наших первых олимпийцев написано много и справедливо, о горестях — гораздо меньше. Вот, скажем, тот эпизод, в Хельсинки, когда на одном из этапов футбольного турнира наша сборная встречалась с югославской, вырвала ничью, и была назначена переигровка. И тут, как пишет в своей книге «Трудные дороги к Олимпу» Н. Н. Романов, «поступила телеграмма от И. В. Сталина с заданием ознакомиться с ее содержанием всех футболистов... К сожалению, на игроков она оказала слишком сильное психологическое воздействие и вместо уверенности породила нервозность».

История с телеграммой отчасти загадочна. Во всяком случае, сами футболисты той сборной (в частности, парторг команды Ю. Нырклов, В. Николаев, А. Ба-

шашкин, И. Нетто) отрицают этот факт. И все же есть веские основания утверждать, что документ существовал. Но дошел лишь до группы высокопоставленных функционеров, которые после этого создали вокруг команды атмосферу нездорового ажиотажа. Все они в той или иной мере делили ответственность за результат матча с соперником не обычным, но представлявшим страну, недавно союзную в борьбе против фашизма, а ныне с нелегкой сталинской руки ее руководство именовалось «кликой Тито—Ранковича»...

Наказание за проигрыш оказалось неправомерно тяжело. Старший тренер сборной Б. В. Аркадьев был снят с работы, лишен почетных званий, команда ЦДКА расформирована, разогнана, и никогда больше не восстановился в своем прежнем облике победоносный армейский клуб, так много давший отечественному футболу: потери от этого акта произвола, если вдуматься, очень и очень велики.

Но почему ЦДКА? Н. Н. Романов в своей книге мотивирует это тем, что армейцы составляли основу сборной. Это неправда — их в составе было всего четверо (А. Башашкин, Ю. Нырклов, А. Петров и В. Николаев). Неправда и в его утверждении, что Борис Аркадьев «не заметил (или не захотел взять на вооружение) то новое, главным образом в тактике игры, что показали наши соперники». Сегодня общепризнано — Аркадьев в теории и практике опередил целую эпоху, по его трудам учился футболная Европа. Вина его состояла лишь в том, что был он тренером ЦДКА.

Юный болельщик, я многого не знал. Сейчас же, когда спрашиваю о причинах случившегося компетентных в те годы лиц, они смотрят на меня как на младенца и называют некую закулисную в этом деле фигуру. Вот-де кто подбил «лучшего друга советских физкультурников» на карательные меры. Кстати, когда тех же лиц я спрашиваю, почему, за что в первые дни войны были арестованы и сосланы братья Старостины — Николай, Андрей, Александр, и, лишившись мозга и сердца, послевоенный «Спартак» долго не мог оправиться, называют ту же фигуру.

Домыслы, слухи? Похоже, что нет. В конце 60-х годов старый правдист, известный военный корреспондент Мартын Мержанов, отдавший последние годы жизни юношескому увлечению футболом, основавший еженедельник «Футбол» (еще не «Футбол — хоккей»), доверительно поведал мне, что давным-давно, в двадцатых, ему довелось судить матч двух любительских команд ВЧК — ОГПУ. В одной из них выступал хавбеком неплохой игрок, но очень грубый. Настолько, что в первом тайме Мержанов удалил его с поля. А в перерыве в судейскую пришли знающие люди и сказали: «Ты, паренек, зря так поступил, этот человек набирает большую силу, ты уж как-нибудь исправься». И в нарушение всех правил Мержанов вернул его на поле. После чего до лета 1953 года жил под дамкловым мечом.

Когда я вспоминаю Мержанова — кряжистого, даже коряжистого, с лбом, подобным бронеклопаку, и дальнобойным взглядом, с сучковатой палкой, то понимаю — страх может быть незаживающей раной.

Фамилия хавбека была — Берия. Мало кто знал о его меценатстве, не видели его на трибунах. И не вина московского «Динамо», команды Хомича, Карцева, Бескова и других замечательных спортсменов, что, пользуясь привычными мерами, он избавлял их от конкурентов.

Консвенным подтверждением догадок служит эпизод выступления на той Олимпиаде наших конников. Они опозорились вдрызг. Перед торжественным закрытием на главном поле все попадали с лошадей, те убежали, всадники их ловили под смех трибун и ироническое «О, казаки!» Гавриил Буденный (надо ж ему было оказаться однофамильцем на весь мир известного командира Первой Конной) из 24 препятствий сбил 21. Но там кар не последовало, поскольку и шефом конников ВВС, да и тем, кто, несмотря на всеобщие опасения, настоял на участии их в Олимпиаде, был Василий Иосифович.

Осталось несколько строк — о дальнейшей судьбе моих героев. Фиделио-II попал в другие руки, сломал ногу и, как суждено в этом случае лошадям, был пристрелен. Нина Георгиевна на Диде выступала еще долго (только М. М. Громов ее не тренировал — оставил конный спорт), потом лошадь отдала на конезавод, где она не пришлась ко двору, мыкалась в Москве, в Молдавии, опять в Москве, хозяйка об этом не знала и внезапно обнаружилась в прокатной группе — тощую, с опухшими ногами и обломанными копытами. «Никому не было дела до Диды моей. Она смотрела на меня долго-долго, не узнавая, и вдруг у нее вырвался протяжный вздох — словно вопрос: «Где же ты была столько времени?»

Нина Георгиевна не в силах продолжать — плачет. Диду увезли на дачу. Михаил Михайлович любил ее чистить. Она умерла в глубокой старости. Много-много лет спустя женщина-конюх отдала Нине Георгиевне последнюю уздечку былой рекордистки.

Михаил Громов на закате жизни посвятил себя отечественной тяжелой атлетике, был избран председателем Федерации и способствовал многим успехам наших штангистов.

3

Это мой кабинет. И в то же время не мой. Не знаю, что произошло. Не вижу ничего нового. Никто ничего не трогал. Может быть, кто-то стоит снаружи? Открываю дверь, она бесшумно ползет и оставляет пустой светящийся прямоугольник. Спокойно смотрю в него. По коридору удаляется один из них, не могу сказать точно кто. Я смотрю на них двадцать лет, с самого рождения, они выросли на моих глазах, и мне иногда кажется, что я их различаю, но не могу сказать с уверенностью. Только сумасшедший может быть уверенным в подобных вещах.

В кабинете никого нет, но ощущение чужого присутствия не покидает меня. Я снова оглядываюсь по сторонам, снова, ищу. Фотография Елены неподвижна и мертва, она молчит. И живая Елена молчит.

— Ты сумасшедший! — повторяет еще один голос. Я хорошо знаю этот голос. Поворачиваюсь — никого. Это голос того старика, тощего и упрямого.

— Ты сумасшедший! Только сумасшедший способен на такие убийства, способен обокрасть своего профессора, обмануть его и в конце концов убить. Будь ты проклят!

Я вижу его, он поднимает руки, вскидывает подбородок, обнажая тонкую шею и острый кадык. Скелет. Я закрываю глаза. Открываю. Его нет. Нет, он здесь, выходит из темного угла комнаты и надвигается на меня. Так он шел тогда к камере. И смотрел на меня такими же глазами, слегка воспаленными и опухшими от боли. До последней минуты он работал. До последней минуты что-то черкал на обрывках старых газет. Я так и не сумел разобраться в его каракулях. Но храню их в нижнем ящике своего стола. Храню долгие годы. Я удаляюсь к двери, хочу зажечь все лампы, но рука так и застывает.

— Не двигайся! — злобно шепчет Старик и все

ет мой взгляд. Долго смотрят друг на друга, потом снова на меня и молчат. Ждут объяснения. Пусть ждут. Мне нужно время, чтобы привести мысли в порядок. Но времени нет. У меня не получается. Смотрю на часы. Остается всего несколько минут до прихода Хензегга, это спасение, неверным голосом я диктую список литературы, необходимый для их исследований. И снова наступает молчание. А их глаза — это глаза того сумасшедшего.

Понимает ли Хензегг, что происходит у меня в душе, или равнодушно не замечает моего состояния, не знаю. Я выбираюсь из аудитории, как только что тонувший человек, глотаю воздух и бегу к доктору Андришу. Доктор Андриш знает меня давно. Еще со студенческих лет. Он все время хочет мне чем-нибудь помочь, но я и его боюсь. Когда-то, когда я изучал биологию и генетику и другие медицинские науки, я понял, насколько они отстают от технических. И все же именно с помощью медицины и генетики мы проделали величайший эксперимент. С их помощью мы убивали. По-разному: болезненно и ужасающе, спокойно и безболезненно, но всегда строго научно. Потом, когда миновало время смерти и нам стала нужна жизнь, мы опять с помощью этих наук ее создали. Такую, какая нам была необходима. Благодаря нам и нашим опытам человечество, не подозревая того, оказалось в новой эпохе.

Доктор Андриш в своей лаборатории. Упорно совершенствует человеческий мозг. Никому не рассказывает о своей работе. Он уже давно не ставит опытов на мышах и крысах. Периодически он поднимается наверх, вертолет отвозит его в какую-нибудь тюрьму, полную молодых преступников, и там на ком-нибудь из них он ставит свои опыты. Опять же во имя жизни.

— А ты спишь ночами?

— Конечно, Зибель. Сплю, очень хорошо сплю.

Весела ЛЮЦКАНОВА

КЛОНИНГИ

приближается, я чувствую его дыхание. — Теперь ты мой. Твоя очередь расплываться! И ты заплатишь мне за все!

Он совсем близко, почти касается меня рукой.

— Помогите! — кричу я.

Знаю, что это бессмысленно, но все же кричу. Что-то сковало мне руку, я не в силах пошевелить пальцами. А Старик медленно начинает расти и улыбается.

Я смотрю на портрет Елены. Ее спокойная улыбка возвращает смелость. Старик исчезает. Я один. Весь мокрый от пота. Уставший и напуганный до смерти, я плюхаюсь в кресло и продолжаю смотреть в этот угол. Самый обычный угол, где сходятся две белые стены и где никого нет, но я не смею закрыть глаза...

4

Я читаю лекции по специальной системе, о которой никому не рассказываю. Клонинги слушают меня внимательно, я всегда умел хорошо говорить. Еще студентом я отлично сдавал экзамены. Потом защитил диссертацию. Кризис наступил позже — после смерти детей. Прошли годы, прежде чем я более или менее пришел в себя.

Внимательные взгляды мальчиков подсказывают мне, что в чем-то я ошибся, но в чем, пока не могу понять. Я останавливаюсь. Взгляд скользит по лицам, останавливается на каждом из них, и я прихожу в ужас. Вероятно, они без слов понимают, что означа-

ет почему мне не спать? Я все это делаю не для себя, а ради людей. Ты ведь знаешь, что наука не обходится без жертв. Повторяй себе это по десять раз на дню, это помогает. Как Елена?

Состояние Елены ни для кого не тайна. Тайна в другом: не только состояние Елены причина моего беспокойства. Есть кое-что другое, что называется совестью. Иметь ее — большая роскошь, в наше время это может отравить жизнь.

— Ей осталось совсем немного, — говорю я.

— Когда придет время, ты должен позаботиться, чтобы она не страдала от боли. Я здесь кое-что приготовил. Это создает иллюзию легкости, вселяет надежду, тебе кажется, что ты выздоравливаешь, и засыпаешь с улыбкой. А прежде чем уснуть навсегда, у тебя есть два часа, в течение которых мысль проясняется.

— Дай мне это! — Я протягиваю руку.

Он с сочувствием смотрит на мою протянутую руку, потом открывает шкафчик, достает пузырек и, улыбаясь, передает его мне.

— Спасибо тебе, Андриш!

Теперь я могу жить спокойно. Но что это? Я снова слышу шаги. Кто-то идет за мной следом. На этот раз действительно идет, хотя мне всегда так кажется. Я поворачиваюсь и вижу одного из клонингов. Значит, мне не показало. Останавливаюсь перед кабинетом. И он останавливается. У него на глазах я нажимаю на кнопку в полу, дверь открывается. Переступаю порог и скрываюсь внутри. Я прислоняюсь к стене и весь дрожу. Елена, я для тебя это сделал. Ты довольна?

Она безучастно смотрит на меня со стены. Не благодарит меня. А клонинг все еще стоит в коридоре. Он ищет кнопку в полу, и я боюсь, что он ее не сможет найти. Нет, находит, помечает и удаляется. Но он вернется, обязательно вернется. Как и я бы вернулся, будь я на его месте.

Я один в кабинете, но смеюсь. Кого я обманул? Себя или их? Или Елену? Не люблю экспериментов. Заботливо прячу пузырек, который мне скоро понадобится. Я найду в себе силы покончить с собой, но покончить с тем, что я создал, — никогда! И Елена умрет, не простив меня. А клонинг, который был сейчас в коридоре, может сделать невозможное. И если бы я был на его месте...

5

Они стояли лицом к стене. Десять человек. Утром, во время проверки, я сам их отобрал.

Как сейчас, я вижу десятерых, поставленных лицом к стене. Можно было их сразу расстрелять, но это было бы слишком просто. А мне не хотелось спешить. В последнее время в лагере ничего не случилось, мне стало чертовски скучно. Среди этих десяти была девушка с зелеными глазами и длинными темными волосами, уже начинающими терять свой блеск. Кожа и кости, худые руки, ключицы торчали из-под одежды, босые смуглые ноги — на фоне белой стены девушка выглядела опасно красивой, — какой-то своеобразно опасной красотой, могущей покори́ть каждого. Я подметил алчные взгляды солдат.

— Иди сюда! — крикнул я.

Рисунок Алексея Остаева

6

Она не шевельнулась, оставшись лицом к стене. Один из солдат грубо и зло дернул ее за руку. Девушка обернулась, и удар ее руки пришелся точно на лицо солдата. Солдат, получивший пощечину, взглянул на меня и с силой ударил девушку. У нее изо рта потекла кровь. Это привело меня в бешенство, вдруг я почувствовал себя мужчиной, призванным защищать слабых, я выстрелил. Он не понял, так же как и все остальные, в чем дело, решив, что произошла какая-то ошибка, и прежде чем я дал команду, кто-то из солдат выпустил в нее автоматную очередь. Девушка упала как подкошенная. Остальные заключенные обернулись и сделали шаг вперед. Автоматная очередь приковала их к месту. Я приказал вытащить тело девушки и послать за врачом. А потом мы разрядили свои автоматы в их перекошенные от ненависти лица.

Прибежал взволнованный врач.
— Она будет жить? — спросил я, хотя не было никакой надежды.

— Раны не очень опасные, но, вероятно, она умрет от большой потери крови, — коротко ответил врач.

— Ты должен сделать все возможное! — Я схватил его за плечи и начал трясти. — Она нужна мне! Нужна!

Потянулась вереница долгих бессонных ночей — девушка выжила. Отчасти это была и моя победа над смертью, хотя не было в том моей особой заслуги, просто я вытряхнул душу из несчастного врача, и он дрожал всякий раз, когда я склонялся над кроватью девушки. Она мне нравилась, но позже, когда ей суждено было умереть, у меня не дрогнула рука. Вероятно, еще тогда, в момент расстрела, в глубине души у меня зародилась мысль о моих опытах, для которых мне нужны были молодые девушки. Проще всего было использовать молодых заключенных женщин. От Старика под гипнозом и другими путями я узнал все, что мне нужно.

Я пытал его день за днем, ночь за ночью. Я хотел заставить его помогать мне, но не было силы, способной сломить его.

Девушка поправлялась очень медленно, постепенно возвращался цвет лица и изумрудный блеск глаз под темными ресницами, плечи покрывались молочной белизной.

Мне было всего двадцать пять лет, я нравился женщинам, нравилось мое строгое аскетичное лицо, лишенное страстей и слабостей, моя подтянутая фигура атлета. Я был истинным представителем арийской расы. И как истинный ариец я уже имел двух сыновей. Родине нужны были мужчины, и Елена, которая хотела иметь детей, наших детей, уже родила двоих и ждала третьего. Я был счастливым отцом, был счастливым супругом. О моей работе Елена почти ничего не знала, я сказал ей, что заканчиваю послед-

ние исследования, связанные с возобновлением жизни, и это произвело на нее невероятно сильное впечатление.

Среди заключенных я отобрал еще двух-трех девушек, шестнадцати-семнадцати лет. Женщины должны рожать молодыми. Я поселил их в отдельном бараке, где стояло шесть коек, и в скором времени нашел еще несколько девушек. Потом оборудовал второй барак на двадцать коек, молодая женская колония быстро разрослась. Каждый день поступали новые заключенные, и я сразу отбирал подходящих девушек. Вечером шатающейся походкой туда шли солдаты, и воздух расплясался от их острых словечек. Я отводил кого-нибудь из них в сторону и шептал:

— Эти девичьи нужны мне с наполненными животами, постарайтесь!

Он гордо смеялся и спешил догнать остальных. Потом над лагерем долго гремел их смех.

Девушка поправлялась очень медленно, но я был терпелив. Ее тело, поглотившее семь пуль, целиком, как омут, поглотило и меня. Оно оплело меня своими ветвями, своим светом, своей болью, оно, раз почувствовав смерть, хотело жить. Гладкий живот девушки быстро налился жизнью, округлился, надувая рваную одежку. Изменилось и выражение ее глаз: они стали влажными, смелыми, дерзкими, они сжигали меня своим огнем. Я подарил ей две жизни.

7

Телеграмма застала меня в кабинете после утренней проверки. За окном дымились печи крематория. Я уже выпил кофе и спокойно читал газеты. Новые города и державы сгибались перед нами. Я чувствовал себя богом. И как раз тогда принесли телеграмму, чтобы доказать мне абсурдность моей божественности.

Я пришел в сознание на руках у врача, но вскоре снова погрузился в небытие. Позже, придя в себя, я, сидя за столом, давал указания, подписывал приказы, вызывал к себе офицеров; заряжались карабины и дымились камеры, а мимо окна шли на смерть заключенные, женщины и дети с огромными, полными ужаса глазами, мужчины с торчащими ключицами и длинными тощими ногами, двигающиеся скелеты, которые всего лишь через минуту становились неподвижными. Разъяренный и бессильный от боли, я шагал взад и вперед по кабинету, мне необходимо было побыть одному, не думать ни о чем; машинально я переставил на шахматной доске пешку на E4, потом вернулся и поставил коня на F3, нажал на кнопку граммофона, воздух наполнился звуками «Валькирии», любимый Брюнхильды умирал, а нет ничего страшнее смерти тех, кого любишь...

Не помню, как я доехал, помню только лицо Елены. Оно было мертвым от ужаса, а я уже не мог держаться. Но должен был держаться.

Потянулись дни и бессонные ночи. Они чередовались, восходы и закаты, и это было и страшно, и необратимо, как смена жизни и смерти. Из глубины развалин, страшной глубины, еще подавали признаки жизни заваленные люди, и там, живые или мертвые, были и наши дети; эта неизвестность могла свести с ума даже самых сильных. Несколько раз в сутки Елена умирала и вновь воскресала; и чем больше мы приближались к заваленным людям, тем бледнее она становилась. Она была на восьмом месяце, напряжение было для нее опасно, но она не желала ни на минуту закрыть глаза и отдохнуть. Когда на шестой день среди трупов мы нашли своих детей еще теплыми, но мертвыми, она только тихо опустила на тротуар.

Елена пришла в сознание от сильной боли, начались роды. Я отнес ее в соседний дом, поручил женщинам присмотреть за ней, а сам вернулся назад.

8

Бедя никогда не приходит одна. Она только открывает дверь другим несчастьям. Елена родила, ни разу не вскрикнув, сжав от боли и отчаяния губы, опять родила сына, но он был мертв. Она рожала трое суток, прямо растаяла на глазах, я удивлялся, откуда она возьмет силы, чтобы выдержать до конца; она сжимала мои пальцы, а ее рука становилась все слабее. Увидев рядом с собой нашего мертвого мальчика, она не закричала, не заплакала, только закрыла глаза. И долго молчала, я не помню, сколько она молчала. В эти часы молчания она таяла, как свеча, а кровь вытекала из нее. Не было силы, которая остановила бы ее. Профиль заострился, кожа вокруг рта посинела, щеки провалились. Врач сказал... Я знал, что это значит. Я и сам видел... И готов был продать душу дьяволу, только бы она выжила.

Она выжила.

9

Я вернулся в лагерь, одержимый одной-единственной безумной идеей. Прежде всего вызвал Старика к себе. Отощавший от плохой пищи, пыток и угрозы смерти, он стоял передо мной, словно тень. Он хотел жить. Ему было зачем жить, и это делало его живучим, живучее других. Дерзость ни на минуту не покидала его. Сейчас она приводила меня в бешенство. Я хотел

увидеть его униженным, сломленным, ползающим у меня в ногах. Когда-то он был моим лучшим профессором, а я был его лучшим ассистентом. Но разразилась война, и мы оказались по разные стороны баррикады.

— У меня есть одна идея,— начал я.

— Эта идея не ваша,— сказал он, как всегда.— Вы готовы обмануть не только своего профессора, но и все человечество. Ваши взгляды, на которые в свое время я не обращал внимания, очень опасны. И этот ваш кумир Ницше... Чем он убедил вас, что вы лучше других? И во всем их превосходите? Я могу доказать обратное. Не хотите слушать? Бойтесь!

— Я считал вас умнее, дорогой мой друг. Но даже здесь, в лагере, вы не сумели понять маленькую истину.

— Меня не интересует ваша истина. Такие, как вы, ведут человечество к гибели. Удобные орудия в чужих руках... И бредовые идеи всяких «сверх»! Таких нужно запереть в сумасшедшем доме.

Я рассмеялся грубо и зло. Мой смех его не убедил. Мне оставалось убедить его словами. И я сказал медленно, с паузами:

— Но у меня все ваши исследования. Я сфотографировал их прежде, чем вы успели их уничтожить. И теперь они здесь!

Никогда не забуду его лица в эту минуту. Даже по прошествии тысячи лет, ста тысяч лет. Даже если когда-нибудь я лишусь рассудка, я буду помнить лицо своего старого профессора. Это было ужасно: я решил, что он сейчас умрет. А он был мне нужен, именно сейчас нужен. Я привез с собой кусочки кожи моих несчастных детей, я прекрасно их сохранил, в лагере у меня под наблюдением было несколько беременных девушек, а я должен был вернуть Елене наших детей.

10

Старик отказался мне помочь, только следил за мной. Я переселил трех девушек в наше здание, чтобы как-то избавиться от его любопытства. Жалко было зеленоглазую, ведь она носила моего ребенка, но я любил Елену, я всегда любил только Елену и для нее готов был на все. Долго я готовился к этой ночи, почти всю свою сознательную жизнь, но теперь, напуганный собственной смелостью и неуверенный в успехе, я откладывал опыт, потому что от его результата зависело мое счастье. Тогда я еще не знал, насколько Старик прав.

Операции прошли удачно, мы осторожно извлекли эмбрионы и на их место ввели оплодотворенные соматические клетки. Ни о чем не подозревая, девушки очнулись после наркоза, нам не составило труда обмануть их, самое трудное было впереди. Я лично следил за их питанием, они поправлялись, но не выглядели счастливыми. Только зеленоглазая улыбалась. Мы почти не разговаривали с ней, с какой-то непонятной жадной набрасывались друг на друга, такого я никогда не испытывал с Еленой, но это не было любовью.

Сейчас я спрашиваю себя: был ли я богом? Или Старик был прав? Он ни на минуту не выпускал меня из поля зрения. Но не это было самым страшным. Страшнее был тот, внутри меня, который постоянно задавал мне вопросы и от которого никуда нельзя было скрыться. Страшной была и тоска Елены. Невыносимая тоска живой покойницы. Я обещал ей снова сделать ее счастливой. Возможно, если бы не мое обещание и не ее страдания, все пошло бы по другому пути, и я никогда не отважился бы на подобную дерзость. Нет, нужно быть честным до конца — я все равно бы отважился. Все было в моих руках. А человек начинает чувствовать себя богом, когда все в его руках. И позволяет себе непопустительные вещи.

Девушки родили точно через девять месяцев. Роды прошли с разницей в несколько дней, после чего я сразу отделил детей, но потом вернул их матерям, детям нужно было молоко, а с матерями мы могли распрощаться в любую минуту.

Дети росли не по дням, а по часам. Я приходил к ним уставший от маршировок, эзекуций, хвалебных передовиц и продолжительных опытов в лаборатории. С ними я отдыхал. С ними становился добрым, возвращаясь назад в детство собственных сыновей и к улыбке Елены. Старик несколько раз пытался поговорить со мной. Я не допускал его к себе. Я всего достиг сам, опыт получился удачным. После тщательного осмотра я убедился, что дети совершенно нормальные. Во время осмотра я никак не мог успокоить сердцебиения, а потом мне пришлось прилечь в кабинете на кушетку. Я долго лежал и улыбался. Я чувствовал себя богом, больше чем богом. В эту минуту я вновь поверил, что для меня нет ничего невозможного, что и сильнее жизни, сильнее смерти, сильнее судьбы. Пока еще я держал это в тайне от Елены, но сообщил ей, что готовлю сюрприз.

Дети быстро росли, а дни летели еще быстрее. В лагере поступали новые заключенные и убивали новыми способами. Профессора я пока не трогал. Наступил день — и я вызволил его к себе в кабинет. Этот день будет самым счастливым в моей жизни ради одного такого дня стоит прожить целую жизнь.

Старик вошел в кабинет с иронической улыбкой на устах.

— Садитесь,— предложил я ему.

Он продолжал стоять посреди комнаты, даже не посмотрел в мою сторону, не вздрогнул, как будто ничего не слышал. Я мог бы повторить, но не было смысла. Я мог ударить его стулом по голове, в этом тоже не было смысла. Пока мы некоторое время молчали, я смотрел на него, а он улыбался своей иронической улыбкой, замкнувшись в себе. Я ждал, что через минуту на этих сжатых в иронии губах мелькнет удивление. Наконец пришло это время, я не спешил, возможно, именно из-за этой минуты я еще не покончил с профессором.

Я торжествующе объявил ему, чего я добился. Но Старик не посмотрел на меня. Я повторил, но он снова не посмотрел в мою сторону. И ничего не сказал. Это уже переходило всякие границы. Я подошел ближе, всмотрелся в его окаменевшее лицо и выкрикнул, чего я добился.

— Не кричите! Я не глухой,— буркнул Старик.

Он медленно повернулся и окинул меня презрительным взглядом.

— Ну и что же вы сделали, несчастный, что?

Я повторил, подчиняясь силе его голоса, подчиняясь его привычке брать надо мной верх, и это меня раздражало. Теперь Старик улыбнулся грустной сочувственной улыбкой. И это окончательно вывело меня из терпения. Я нажал на кнопку в стене. Молодой солдат принес одного за другим троих детей.

— Ну и что?— Старик бросил на них беглый взгляд.

— Они во всем копируют умерших.

— Ну и что?— Старик снова улыбнулся широкой улыбкой.

Мы стояли друг против друга. Я весь кипел. Старик сохранял спокойствие. Его строгое лицо внушало уважение. Я снова почувствовал себя его ассистентом, ожидавшим похвалы. То, что я проделал сам, равнялось чуду. Доброе или злое, но это было чудо! Чудо! Он не мог этого не понимать. И не оценить. Как ученый. И как человек.

— Я сам добился того, чего вы не посмели сделать, потому что струсил. Я сам всего добился,— закричал я.

— Несчастный, ты понимаешь, что ты сделал?

— Понимаю.

— Если бы ты понимал, ты бы прямо сейчас, сию минуту, пустил себе пулю в лоб.

Я рассмеялся. Я вдруг понял, как мы далеки друг от друга, никогда не сможем друг друга понять. Никогда он не сможет признать моего превосходства. Я медленно вытащил из кармана пистолет и направил ему в лицо. Он даже жестом не попытался меня остановить. А потом произнес:

— Несчастливая Елена!

Его слова пронзили меня.

— Обещаю тебе,— медленно сказал я каким-то незнакомым и твердым голосом,— первые сто гениев будут сделаны из твоей прекрасной кожи. И твой великолепный логический ум наконец-то начнет работать на нас.

Он раскрыл рот, чтобы мне ответить, но его слова слились с выстрелом, и я их не услышал.

12

Прошло девять месяцев со времени рождения детей. Мне предстоял отпуск. Я заранее сообщил Елене, и она с нетерпением ждала моего приезда. Она ничего не знала.

Елена встретила меня на вокзале. Я все продумал до мельчайших подробностей. Вышел из вагона один. Она бросилась мне на шею, уткнулась в плечо, но не заплакала. Обнявшись, мы медленно двинулись в сторону дома. Елена была все такой же грустной, пыталась улыбаться, но ей это плохо удавалось. Мы сидели в пустой гостиной, почти не разговаривали, только смиртели друг на друга. Елена немного постарела, первые морщинки пролезали вокруг уставших от плача глаз, уголки губ слегка опустились вниз, лицо осунулось. Я положил ей руку на колени. Бедная моя, то, что я тебе обещал.

Как сейчас, все помню. В дверь позвонили. Я знал, кто это. Елена встала и направилась к двери. Перед тем как открыть, обернулась. Я поймал ее глаза. Помню лицо, прическу, платье. Помню движение ее руки. Помню даже цветок за ее спиной, обби на стене. Я ждал. Что-то должно произойти. Какого-то чуда, которое вернет мне Елену, мою жизнерадостную Елену, молодую и красивую. Елену тех беззаботных и радостных лет... Или же... Почти одновременно я вспомнил и слова Старика.

Она вскрикнула. Ее крик пронзил меня навзросью. Я выбежал и подхватил ее, уложил и постель. Я ругал себя за то, что не подумал об этом заранее, брызгал холодной водой, но она долго не приходила в себя.

Очень долго. Я испугался, что убил ее. Послал за доктором. Дети расплакались в соседней комнате. Их плач стоял у меня в ушах, но я не мог отделить его от крика Елены. Я молился, я, сверхчеловек, молился, чтобы она осталась жива. Тогда я еще не знал, что лучше бы она умерла. Не знал, что мне легче было бы пережить ее смерть, чем все то, что случилось позже. Лучше бы она умерла. Тогда.

Елена умирает сейчас. Двадцать шесть лет спустя. Если бы она умерла тогда, она не причинила бы мне страшной боли. Как хороший врач, я испробовал это прежде всего на себе. На собственной психике, на своем собственном состоянии простого смертного. На собственных детях. И на единственной женщине, которую любил. Потому что сейчас, спустя столько лет, я знаю, что любил только Елену. И знаю, что сам убил ее любовь. Но понял я это только теперь, когда уже ничего не вернешь, когда наши жизни подходят к концу. Теперь я уже не убежден в своей правоте. Не уверен в своей силе. Теперь я знаю, что тогда я был всего лишь очень слабым, очень умным и очень тщеславным человеком. Во имя большой науки я убил в себе все самое лучшее. Я был умным и тщеславным, а сейчас я просто слабый, издерганный человек. И хочу лишь одного: чтобы перед смертью Елена меня простила. Чтобы она смогла меня простить.

Когда она пришла в себя и открыла глаза, это были не ее глаза. В них была собрана вся ненависть мира.

— Несчастный, что ты сделал?

Она произнесла слова Старика. И это было ужасно. Елена поднялась с кровати, шатаясь, прошла по комнате и направилась в другую. Она была не в себе. Перепуганный насмерть, я двинулся за ней. Она остановилась в дверях и уставилась на первого ребенка. Так выглядел наш Ганс в девять месяцев. Ребенок улыбнулся и протянул к ней ручки. Она подошла.

— Ганс!

Тогда я не знал, что она сделает. Подумал, что она хочет обнять ребенка, и во мне вспыхнула искра надежды, что все снова будет хорошо. Хотя ребенок не знал ее, он доверчиво прильнул к ее рукам, отвыкшим от нежности. Она погладила его, сначала погладила, а потом, словно обжегшись, отдернула руку, оттолкнула ребенка, глядя на него обезумевшими от горя глазами, ее руки сжались, она подняла их вверх и закричала. У меня потемнело в глазах. Она могла бы его убить! Мне нужно было как можно скорее бежать отсюда, я понял, что уже ничего нельзя вернуть, ни детей, ни Елену. Как сумасшедший я бежал по улицам, перепрыгивая через развалины и трубы, пока не упал в какую-то канаву, где пролежал без сознания несколько часов. Грязный, потный, мокрый, униженный и едва живой от ужаса, я отправился обратно, к Елене. Я был готов упасть ей в ноги и просить прощения.

Меня встретило страшное молчание дома.

Елена пропала. И дети пропали.

13

Я знал, что в один прекрасный день он придет.

Перемена. Я стою у кафедры и притворяюсь рассеянным. Это не так уж трудно. Все знают о безнадежном состоянии Елены и смотрят на меня, как на больного. Один из них отделяется от группы. Я вижу его сквозь оконное стекло. Не могу отличить его от остальных, но знаю, что это он. Клонинги, стоя небольшие группами, разговаривают. Проходит пятнадцать минут. А он все еще не вернулся. И скоро не вернется, я в этом уверен. Но мне нужно убедиться, что он там, в моем кабинете, что все узнал. Мне нужно видеть и его реакцию. Проходит полчаса, а его все нет. Мне надо как-то выбраться из аудитории. Я даю им самостоятельную работу. Медленно миную столы и покидаю аудиторию. Еще медленнее иду в сторону своего кабинета. Я, который всегда был решительным, иду очень медленно и боюсь, что ошибся.

Он внутри. В глубине комнаты. Уткнулся в личные дела клонингов. Там записано все или почти все: как развиваются, какие имеются отклонения, состояние их здоровья, их умственное развитие и, конечно, их склонности. Он увлеченно роется во всем этом, но не может понять ни слова. Не замечает меня.

Я кладу ему руку на плечо.

— Кто много знает, скоро умирает.

Знаю, что он согласен умереть. Но узнать, любой ценой узнать, даже ценой смерти. А когда узнает, захочет жить. Уже не ради себя, а ради остальных. Я в этом уверен.

Он выпрямляется, готовый защищаться. Потом он вспоминает, зачем пришел, и спрашивает о своем отце.

Проще всего достать из ящика стола его фотографии и показать ему. И я это делаю. Он хватает фотографию и все дрожит. Если я захочу, могу его убить. В эту минуту. Но со стены на меня смотрит Елена с той грустной улыбкой, говорит:

— Теперь или никогда.

— А ты простишь меня? Расскажешь наконец, что ты сделала с нашими детьми? Где они?

— А ты сам себе можешь простить? У тебя нет детей. Твои дети погибли.

Голос клонинга возвращает меня к действительности.

— А он знает о нас?

Мне хочется крикнуть: знает! Узнал об этом в свой последний день, в свой последний час. Прежде чем я всадил ему пулю в лоб. Но вместо этого, я тихо говорю:

— Глупости!

— Мой мальчик, мы оба счастливы.— стараюсь я направить разговор в нужное русло.— Пока сто таких ученых стоят всей жизни... и если бы с Еленой все было в порядке, я был бы самым счастливым человеком, что же касается тебя, мой мальчик, с тобой покончено...

Нет, сынок, не покончено, но ты сам должен вырваться отсюда. И лучше бы ты не упоминал имя Елены. Ухватившись за ее имя, он был невероятно жесток, такими жестокими могут быть только молодые, очень молодые. Он предложил мне создать новую Елену — ударил по самому больному месту. Никола! Хватит!

Мне становится плохо. Снова я вижу пустую комнату и руки Елены, потянувшиеся нежно к ребенку. У меня темнеет перед глазами. Я должен... Генерал Крамер ждет... Хензег... Что-то тупо ударяет меня по голове...

14

Нет нужды звать кого-либо на помощь. Со мной рядом сидит Елена. Как когда-то давно, она улыбается мне, берет мою руку и слегка прижимает ее к своей щеке. Щека теплая и мягкая. Как когда-то.

— Благодарю тебя,— говорит Елена.

— За что? — удивляюсь я.

— Тебя ударили. Очень больно?

Больно? Я не помню. Я вырос с болью. Не со своей. С чужой. Я видел скорченные от боли лица. Знаю способы, которыми ее можно причинить. Всю жизнь я боялся только ненависти Елены, ее презрения, смерти наших детей, неудач в жизни. Теперь, когда мне стукнуло пятьдесят два, я со страхом смотрю в прошлое. Но теплые нотки в голосе Елены могут вылечить даже страх. Она все такая же. Даже не постарела. Ей снова двадцать два, хотя я знаю, точно знаю, что должно быть сорок девять.

— Почему ты тогда ушла? Я хотел вернуть тебе...

— Ничто на этом свете не возвращается. Как ты мог вернуть мне детей, которых я уже видела мертвыми? Как бы я смогла смотреть на них изо дня в день, видя, как они растут на моих глазах, во всем повторяя наших детей, и зная, что это не те. Неужели ты ни разу об этом не подумал?

— Я думал только о тебе. Я хотел только...

— Замолчи! Сейчас не надо ничего говорить! Ведь я здесь. Лежи спокойно. А кто это в углу?

В испуге она прижимается ко мне. Я поднимаю глаза. В углу, скрестив босые ноги, на полу сидит Старик. Голова его опущена, пряди волос падают на лоб. Старик достает из кармана платок, откидывает волосы, на мгновение открывается его рана, потом он прижимает к ней платок.

— Кто это в углу? — спрашивает Елена и дрожит, прижимаясь ко мне.

— Ты не узнала его? — Я тоже весь дрожу, прижимаюсь к ней все плотнее, но не чувствую ее тела; знаю, что она здесь, а тела нет.

Старик поднимает голову и улыбается. Только Елене. Зияет беззубый черный рот, в концлагере ему выбили зубы. Из кармана рваной одежды торчат газеты, на полях которых он снова что-то нацарапал, чего никто не может понять. Он вызывающе достает газеты, раскидывает их по полу, шипит что-то в кармане, наконец находит огрызок карандаша, слюнит его и низко наклоняется. Он шевелит губами и пытается записать свои мысли собственным шифром, который мы не сумели разгадать по сей день.

— Вы прочитаете мне? — спрашиваю я.

— Но ведь сверхчеловек все может, не так ли? — сверкает глазами Старик.— Прочитайте сами! А потом... работайте! Мир преклонился перед вашим гением. Ждет, когда вы его ошеломите!

— Но кто это в углу? — пробивается голос Елены.— Мне кажется, что когда-то я его знала. Я знала его?

В добрые старые времена он бывал у нас в доме, беседовал с Еленой о детях, интересовался хозяйством, а потом мы вместе шли в университет. Я спокойно проводил занятия, спокойно спускался с ним в лабораторию, или мы сидели в его кабинете и спокойно разговаривали обо всем том, о чем могут разговаривать двое ученых, посвятивших свою жизнь науке. Даже тогда, в доброе старое время, он постоянно повторял, что наука служит только человеку, не понимая, что наука служит только сильному человеку, чтобы он подчинял себе слабых. Старик никого не хотел подчинять, ему было достаточно видеть, как смерть испуганно отступает перед ним. А в те годы

смерть была необходима, она была нашей союзницей, как сейчас наша союзница — жизнь. Но Старик этого не понял. И когда мы оказались на разных полюсах и он не пожелал идти ни на какие уступки, что-то в нем изменилось. Из спокойного, уравновешенного ученого в темных роговых очках он превратился в косявого старикашку, которая даже не могла сломить даже самая сильная воля.

Потом в наступившей тишине я вдруг обнаруживаю, что я один. Хензег застает меня в тот момент, когда я держу голову под крапом. Хензег ничего не знает, но он такой подозрительный, что я не могу промолчать. Когда-то я умолчал о существовании этого кабинета, он нашел его сам, и если опять не скажу... Рассказываю ему. Медленно и спокойно. Говорю только часть правды.

Хензег подходит ко мне и кладет руку на плечо.

— Придется... его убить.

Глаза Елены строго смотрят на меня над его головой, и я медленно размышляю.

— Возможно, ты и прав.— Глаза Елены погубят меня. Или спасут. Как знать? — А как мы найдем его среди всех остальных? Ведь они похожи не только внешне, у них одинаковые мысли, одинаковые реакции, одинаковое достоинство и недостаток.

— Если понадобится, уничтожим всех. И начнем все сначала.

Я молчу. Глаза Елены все еще во мне, но я молчу. Хензег презрительно смотрит на меня. Для него я старый и неуравновешенный тип. Нерешительный. Слабый. Издерганный до предела. Он будет докладывать об этом генералу. Во время какой-нибудь легкой партии в шахматы.

— Не верю, чтобы дошло до этого. Ты всегда был таким находчивым. Да... я вспомнил, Андриш рассказывал о каком-то новом тесте. Делает чудеса!

Портрет на стене молчит. Придется мне разговаривать с Андришем. В его обязанности входит постоянно быть среди клонингов, но он начинает сходить с ума, видя их вместе. Ему не присылают замену, потому что он уже одиннадцатый по счету психиатр. Никто не выдерживает. Андриш с легкостью принесет всех в жертву. Всех до единого — ради спасения собственной шкуры...

15

Генерал Крамер встречает нас сердито и смотрит на настенные часы. И мы на них смотрим — опоздали на одну минуту и двадцать шесть секунд.

— Минута и двадцать шесть секунд,— подчеркивает он.— Чтобы этого больше не было, господа. Вы понимаете, что это непростительное опоздание? Даже в мирное время.

Недовольство генерала вызвано не только нашим опозданием. Пока он расхаживает взад-вперед по кабинету, мы начинаем понимать, что его вызывали наверх, где ему пришлось докладывать о нашей работе с клонингами и где не очень довольны полученными результатами.

— Задерживаете! Тянете! — Его круглое лицо темнеет от гнева.— Прошло столько лет, мы вложили такие средства, и до сих пор... ничего!

Ничего? Его слова ударяют как электрический ток. Создать человека из одной соматической клетки — это ничего? И сделать из него гения? И заставить его почти круглосуточно работать, не требуя вознаграждения? Стоит ли перечислять, чего добились эти превращенные в людей клетки кожи! До каких глубин докопались!

Я с трудом сдерживаюсь. Я буду молчать. О результатах нашей работы заговорят позже, заговорят во всем мире. Потому что они его перевернут.

И генерал Крамер выжидающе смотрит на Хензегу, ведь это он послал Хензегу на базу для контроля.

— Скоро,— медленно говорит Хензег.— Очень скоро.

— Это не ответ,— генерал повышает голос. Его взгляд устремлен в пространство между нами.— Трех месяцев достаточно?

Мы оба молчим.

— Четыре месяца?

— Снова молчание. О стекло бьется муха. Мы смотрим на нее.

— Два года.— наконец решаюсь я.

— По крайней мере год! — Хензег открывает рот.

— Два года.— твердо повторяю я.

Генерал Крамер неожиданно застывает посреди кабинета. Бросает на меня уничтожающий взгляд. Но он не в силах меня уничтожить.

— Полгода,— отрезает генерал Крамер голосом, не терпящим возражений.— Ни дня больше. Доктор Хензег, я увеличиваю вам зарплату на десять тысяч марок. Но если вы не уложитесь в срок, последует наказание. А теперь вы свободны. Кстати, доктор Зибель, сколько вам лет? Не слишком ли вы здесь устаете?

— Пятьдесят два,— закипаю я.— И я совсем не устаю.

Генерал Крамер не слышит меня, ему точно изве-

стно, сколько мне лет — мы вместе проиграли мировую войну. Вместе предстали перед судом. Вместе перешли на нелегальное положение. И вместе возродились. Вызвательно повернувшись ко мне спиной, Крамер наклоняется к Хензегу и довольно громко, чтобы я слышал, говорит ему:

— Не останетесь ли на партию в шахматы?

16

Одного убили. Не знаю, которого. Я не поинтересовался, кого, когда и как. Я был болен, ужасно болен. Елена умирала. И я умирал вместе с нею. Не спал ночами, разговаривал с мертвыми. Впрочем, не уверен, мертвые ли они... Конечно, мертвые. Когда-то я их знал. Сам отдавал приказы убивать их. Теперь их число увеличилось еще на одного. Пока я метался в постели, бредил, кричал бог знает что, они его ликвидировали.

— Я все думаю,— говорит Андриш,— того ли мы ликвидировали? С этими клонингами ни в чем нельзя быть уверенным. Тебе не кажется?

Мне все равно. Только безразличие может спасти меня. Я слышал о миллионах психологических приемов доктора Андриша. Не разыгрывать ли и мне перед ним какую-нибудь сценку? Я хватаюсь за голову и начинаю стонать. Лицо искажается в гримасе. Жалко, что нет зеркала, но, кажется, все это выглядит достаточно убедительно. Доктор Андриш замолкает.

— Мы еще вернемся к этому разговору,— говорит он.— И не надо все время думать о Елене. Подумай немного и о себе. Ты изменился в худшую сторону. Стал неуравновешенным. А при нашей работе...

— Да... да...— киваю я, сжав голову руками.— Невыносимая боль, ужасная боль... Как тут не стать неуравновешенным? Тебе не кажется, что я могу сойти с ума?

Доктор Андриш смеется.

— Ты думаешь, я допущу?

— Конечно, не допустишь...

Конечно, не допустит. Ведь мы с ним друзья. Мы оба об этом знаем и смеемся. Дружески, искренне, за глаза доктора Андриша следят за мной. А мои — за ним. А это о чем-то говорит. Меня взяли на мушку. И наступит момент, когда меня потихоньку уберут.

— Ну, приятель, до свидания. Поправляйся! Эти таблетки чудодейственны.

— Да, да...— соглашаюсь я.

Я так долго готовился к смерти Елены, что почти не поверил. Елена встретила ее спокойно. Отвернувшись к стене и закусив губу, она не произнесла ни слова. И ни разу не вскрикнула от боли. Я знал, что это конец — доктор предупредил меня. И она знала, но не пожелала говорить. Я просил ее, заклинал, плакал, обещал сделать все, чего она ни пожелает, ненавидел ее и в то же время любил. Она не дрогнула. Смерть приняла как друга, как избавление, как жизнь. Но глаза ее остались открытыми, я склонился над ней и увидел в ее мертвых зеницах собственное отражение. Я закрыл ладонью ее глаза.

Я перерыл ее платя, письма, книги, надеясь найти хоть малейший след детей. Ничего. Что она с ними тогда сделала: убила, спрятала? Я начал сомневаться в реальности их существования. Может, они всего лишь плод моего воображения? Но что тогда означает молчание Елены, продолжавшееся до самой смерти, ее лицо, ее отказ простить меня?

Я не нашел ни строчки после той фатальной даты. Слово жизнь ее остановилось точно в этот день. И больше ничего. Сложив вещи около покойной, я поил их бензином и чиркнул спичкой. Прошлое вспыхнуло, пламя лизнуло холодные руки Елены, озарило лицо, тело скорчилось, Елена почти села на кровати. Я закричал. Запер дверь на ключ, зашвырнул его между цветочными грядками в саду и медленно побрел по затихшей улице. Конец.

Ничего больше не связывает меня с миром наверху. Меня поглощают бескрайние коридоры, ослепляя своим блеском, и я теряюсь в магнитном поле ненависти. Хочется кричать от ужаса. Слово в кошмарном сне, окружают меня одинаковые лица. На их фоне выделяется лицо Хензегу, склоненное над шахматной доской, слово «мат», брошенное им Андришу, который медленно выпрямляется и удаляется в свой кабинет. Неужели пришла очередь двенадцатого психиатра?

— Вы вернулись, доктор Зибель?

Удивление, прозвучавшее в голосе Хензегу, раскрывает мне глаза. Он не ждал меня. Здесь никто меня не ждал. Никто?

Я иду в женское отделение. Только Она может меня утешить. Попробую и это. Человеку свойственно заблуждаться. Даже когда нет никакой надежды, он верит в то, во что хочется верить. Она красивая. Когда-то я сам был в жюри конкурса красоты и выбирал «мисс Европу». А потом долго ждал кусочка кожи, необходимого для создания десяти красавиц. Как бы она реагировала, если бы знала? Как Старик? Как Елена?

Я сворачиваю в самый дальний коридор. Одинокие комнаты, одинокие двери. Печаль и молодость. Столь-

ко красоты и столько молодости, запертые вдали от людей. Живи эти девушки в городе, в них влюблялись бы, страдали из-за них, ждали бы их вечерами и годами. Но они навечно заперты здесь, и нет никакой надежды на спасение. Иногда мне хочется отпереть тайную дверь, вытолкать всех наружу, снова запереть дверь и, задыхаясь от счастья, привалиться к ней.

Я захожу. Девушка прильнула к стеклу, смущенно поворачивается и смотрит на меня.

— Что-нибудь случилось, господин Зибель?

— Да, случилось, — хочется мне сказать, но почему-то не могу, а девушка продолжает на меня смотреть. — Моя жена умерла.

Молча дотрагиваюсь до нее, и она сразу понимает, я заключаю ее в объятия, кладу голову на плечо, упругое и покатое, и по-матерински теплое, чувствую вкус собственных слез. Я никогда не плакал, и сейчас долго сдерживаемые слезы свободно льются. Что с тобой происходит, Зибель?

Я погружаю пальцы в волосы девушки, они податливые и теплые, как вода на солнце, стараюсь улыбнуться. Мне это удается. Вот сейчас я посмотрю ей в глаза, зеленые и глубокие, как вода в колодеце, в которой отражаются склонившиеся деревья. И отражаются звезды. У кого я видел такие прекрасные зеленые глаза?

Ах, да, у заключенной. Прошло столько лет, а ты ее не забыл. Она любила тебя. А что ты с ней сделал? Сломал ее, проделал над ней самый страшный опыт, первый, ведь она могла и умереть, и ты это знал, негодяй, но и это тебя не остановило. Девушка должна была родить твоего ребенка, и она родила его, но не своего, а ребенка Елены, а ты отнял его и во второй раз. А потом... Потом ребенок исчез... Ты помнишь, как доверчиво она отдала тебе ребенка, ведь ты был его отцом? А потом ты вернулся вне себя от злости и не мог посмотреть ей в глаза, ты ни на минуту не задумался о том, какую боль ты ей причинил, и только ненавидел ее — человек всегда ненавидит тех, кому он причиняет непоправимое зло. Приказал ее убить. Не хочется вспоминать, не так ли? Никогда не хочешь вспоминать. Хочешь забыть, но не можешь. Даже теперь.

Руки утопают в волосах девушки, которую тоже ты создал, глаза тонут в ее глазах, а ведь ты любил только одну женщину, но именно она наказала тебя своим вечным презрением. И умерла, не простив. И унесла с собой твою душу.

17

Я прихожу к ней каждый день. Не могу не приходить. Я ужасно одинок. Доктор Андриш начал меня избегать. Это кое о чем говорит. Раньше двери его кабинета всегда были для меня открыты. И Хензег все время занят. Он уже ни о чем меня не спрашивает. И не требует никаких докладов. Пока я отсутствовал, он все взял в свои руки. И понял, что может обойтись без меня. А это конец. Но в секторе А случилась авария, потому что Хензег не учел самого важного — времени. Он не предполагал, что это приведет к аварии. А потом, поставленный перед фактом, ликвидировал пятерых клонингов. Конечно, у него не было другого выхода. Но вынес ли он урок из своей ошибки? И будет ли это последней аварией? Крамер торопит, а Хензег выслушивается перед Крамером. Я уже вне игры.

Клонинги тоже стали мрачными и молчаливыми, все время переглядываются и перешептываются, почему-то их разговоры не удается записать. Неужели они обнаружили прослушивающие устройства? Их молчание пугает. Да и работа в лабораториях вдруг странно ухудшилась.

Случайно? Вряд ли...

Тот, который проник ко мне в кабинет, вероятно, жив. Он не только против меня, он — против всех нас.

Не буду предупреждать Хензегу. Пусть сам ломает голову.

И Паланелли не буду предупреждать. Хотя для меня такой ход был бы чем-то вроде... рокировки.

Вдруг сознание мое проясняется. Почему мы здесь? Нужно бежать, прежде чем явится Хензег, прежде чем явится доктор Андриш, прежде чем меня засечет Паланелли. Но как сюда без разрешения пустить Елену? Они будут нас преследовать, захотят убить. Мы должны бежать, как можно скорее бежать, как можно дальше, нужно скрыться среди обычных людей.

— Бежим! — я тяну Елену за руку. — Скорее!

Она испуганно смотрит на меня, но ведь она всегда так смотрит, я тащу ее за руку, и она подчиняется моей руке, делает несколько медленных и нерешительных шагов, но потом, подчинившись моей воле, бежит, и мы уже в одном из тех бескрайних коридоров, которые надо знать как пять пальцев, чтобы добраться до нужной двери. Мы бежим, задыхаясь, Елена все больше отстает, я умоляю ее, она делает несколько шагов и снова останавливается, еще чуть-чуть, умоляю я, совсем немного... Перед нами завешанная дверь.

Ночь, прекрасная звездная ночь. Лодка слегка по-

качивается на воде. Деревья склонили свои ветви, вода в реке темная, с медными отблесками. Я не тороплюсь повернуть голову. Я боюсь. Еще мгновение — и я прыгну в лодку. Резко оборачиваюсь.

— Елена!

Ее нет. Рядом со мной, оцепеневшая от ужаса, стоит одна из наших девушек. Из комнаты номер пять. Девушка в ужасе смотрит на меня. Но почему?

— Если хочешь, прыгай в лодку, по реке ты доберешься до людей. Иди!

— Я никуда не пойду без Альтаира.

Альтаир... Альтаир... Кто это?

— Я придумала его, — говорит она и отступает назад.

— Глупая, надо торопиться... Иди! Это единственный шанс. Ты ведь молодая, спасайся!

— Я остаюсь здесь, — шепчет девушка и приближается к двери. — Остаюсь.

— Хорошо, — говорю я и возвращаюсь, готовый на все. Дверь захлопывается за нами, этот звук подобен звуку гильотины. Девушка хватается за руку и тянет обратно. Куда?

Мы возвращаемся.

— Иди! — говорю я девушке. — Нас не должны видеть вместе.

Я прислоняюсь к стене. Ее шаги удаляются. Я смотрю ей вслед — она уже исчезла. И как раз вовремя.

Из глубины другого коридора внезапно появляется Хензег. Он приближается, растет, словно мрачная тень.

18

Хензег серьезно озабочен моим здоровьем, привел с собой доктора Андриша. Неужели они пришли к какому-то соглашению? Они спокойно, положив ногу на ногу, расселись у меня в кабинете, медленно курят и внимательно и легко со всех сторон забрасывают меня вопросами. Полагаются выбить почву из-под ног. Они уверены, что выиграют, ведь в последнее время столько свалилось на мою голову. И они не торопятся. Но им невдомек, что первыми устанут они, не важно, что их двое. И я не один, но я еще не сошел с ума, чтобы рассказывать им об этом: ведь и у меня есть поддержка. В углу, рядом с Хензегом, сидит Старик. В первый раз он пришел ко мне в белом халате и темных роговых очках, на которые спадают серебристые пряди волос. Он дружески мне подмигивает, не боясь, я с тобой, как когда-то в трудные и прекрасные годы. И Елена здесь, сидит справа от хитрого Андриша, смотрит на меня и улыбается. Я всегда была с тобой, говорят ее глаза, всегда хотела тебя спасти, от тебя самого. У нее на коленях сидят наши дети, близнецы, рожденные ею, а в ногах — другие, тоже наши, если они живы, то давно уже не дети. Но я вижу их маленькими, совсем маленькими, они на полу, а другие, которых родила Елена, у нее на коленях. Хензег и Андриш уходят, им надоело мое молчание, но вместе с ними уходят и Елена, и дети, и Старик.

— Останьтесь!

Они уходят. Я снова останусь один, а это ужасно. Я прикусываю себе язык, чтобы не закричать и не остановить их. Медленно идут они, живые и мертвые. Закрывают за собой дверь.

Я один.

19

Я был наверху, везде уже был. Снова дошел до той двери и вернулся обратно. Мне все время казалось, что кто-то идет за мной. Но никого не было. Впервые я был совсем один. Действительно один. И было очень тихо. Клонингов перевели на строжайший режим. Многие изменились с тех пор, как прибыл Паланелли. Странно, меня перестали вызывать на совещания. Впрочем, ничего странного. Меня держат в полной изоляции. Не доверяют после случая с тем клонингом. Хензег прямо мне заявил, что я должен был его прикончить. А раз не сумел этого сделать, сам виноват.

С дрожью захожу в свой кабинет. Здесь опять кто-то сидит. Все тот же клонинг. Не то что бы я мог отличить его от остальных, этого никто не может, но что-то подсказывает мне, что это тот самый. Мы здороваемся как старые знакомые. А мы и впрямь старые знакомые.

— Кто ты? Не тот ли...

— Да, это я. Не очень красиво с вашей стороны было выдавать меня. А что вы сделали с тем, на которого указал доктор Андриш?

Я рассказываю ему. Он, наверное, и сам догадался.

— Я никогда не буду вам благодарен за то, что вы меня создали таким способом.

Знаю, что не будет мне благодарен. А мне и не нужна его благодарность. Я никогда не ждал благодарности, ни от него, ни от других! Но почему-то мне становится страшно грустно, невыносимо грустно, и я чувствую, как в глазах скапливается влага.

Я пренебрегал своей любовью, пренебрегал сном, здоровьем, отдал им всю свою жизнь, столько вложил в их воспитание! Я чувствую, что начинаю кричать или думать вслух, но клонинг только презрительно смотрит на меня, а я грустно кричу о величии нашей нации. Он вспоминает об аварии в секторе А, неужели и это ему известно? Утверждает, что я ему рассказал. Он уже слишком много знает. Я задыхаюсь, кровь ударяет в голову, которая вот-вот лопнет, я делаю шаг вперед, хочу его ударить, но под рукой ничего нет, мне хочется его задушить. На этот раз он должен умереть!

— Наглый, грязный клонинг... Хорошо, что другие не...

Что я сделал потом? Ничего не помню...

20

Хензег обеспокоен. Он видел, кто вышел из моей комнаты, выследил его и приказал ликвидировать. Ночью. Чистая работа. Без шума и без свидетелей. Без воображения. Хензег всегда продумывает все дела до конца. И все-таки он обеспокоен. Приходит ко мне и долго расспрашивает о разговоре с клонингом. Я ничего не скрываю. Не скрываю и того факта, что клонинг, которого мы считали мертвым, до сих пор жив. И того, что я никогда не верил в его смерть.

— Дорогой мой Зибель, — говорит Хензег и испытующе смотрит на меня. — У тебя есть только два пути. Подумай!

Он улыбается и уходит. Улыбка не предвещает ничего хорошего. Я остаюсь один. Два пути, сказал Хензег, что он имеет в виду? Один путь — смерть. А второй? Тоже смерть. Что выбрать. Разве это выбор? Покончить с собой или быть убитым — существует ли какая-нибудь разница? Видимо, существует.

А позже ко мне приходит Андриш. Мы разговариваем как старые друзья. Вспоминаем добрые старые времена. Смейся, но Андриш нервничает. Бедняга! Здорово его обработал Хензег, выглядит мягким, как глина.

— Мы с тобой всегда делили трудности и опасности. — Андриш выпрямляется. — Ты был мне настоящим другом. Позволь оказать тебе услугу.

Он оставляет у меня на столе маленький пузырек с зеленой жидкостью. Мы оба стараемся не смотреть на него.

— Спасибо тебе, дружище, — роняю я.

— Хочешь... сыграем в шахматы? У тебя еще есть время...

И смотрит на стенные часы. Сколько у меня еще времени?

— Около трех часов, — говорит Андриш в ответ на мой немой вопрос. — Но лучше тебе поторопиться...

Он оставляет меня одного. Он никогда не проигрывал.

21

Срок, установленный генералом Крамером, еще не истек.

— Они давно тебе не верят, — говорит Елена со стены. — Вспомни, с каких пор тебя не приглашают на совещания!

Я вспоминаю.

— Настал твой час, — злобно шепчет Старик. — Как ты думаешь, зачем прислали Паланелли?

Я прекрасно знаю, зачем его прислали, никогда не заблуждался на этот счет. Никого ни о чем не стану просить. Старик уселся в угол и смотрит на меня в упор, мстительно сверкая глазами. И в голосе, старческом и тонком, звучат мстительные нотки:

— Пришел твой час. Это каждого ожидает. Покажи нам теперь, как нужно встречать смерть. А мы посмотрим. Видишь, скольких я с собой привел? Помнишь их? Знаешь их?

Комната полна людей, и все они мертвы и потому не могут быть здесь, и все-таки они здесь, и, если я подниму глаза, я их увижу. И узнаю.

Конечно, они здесь.

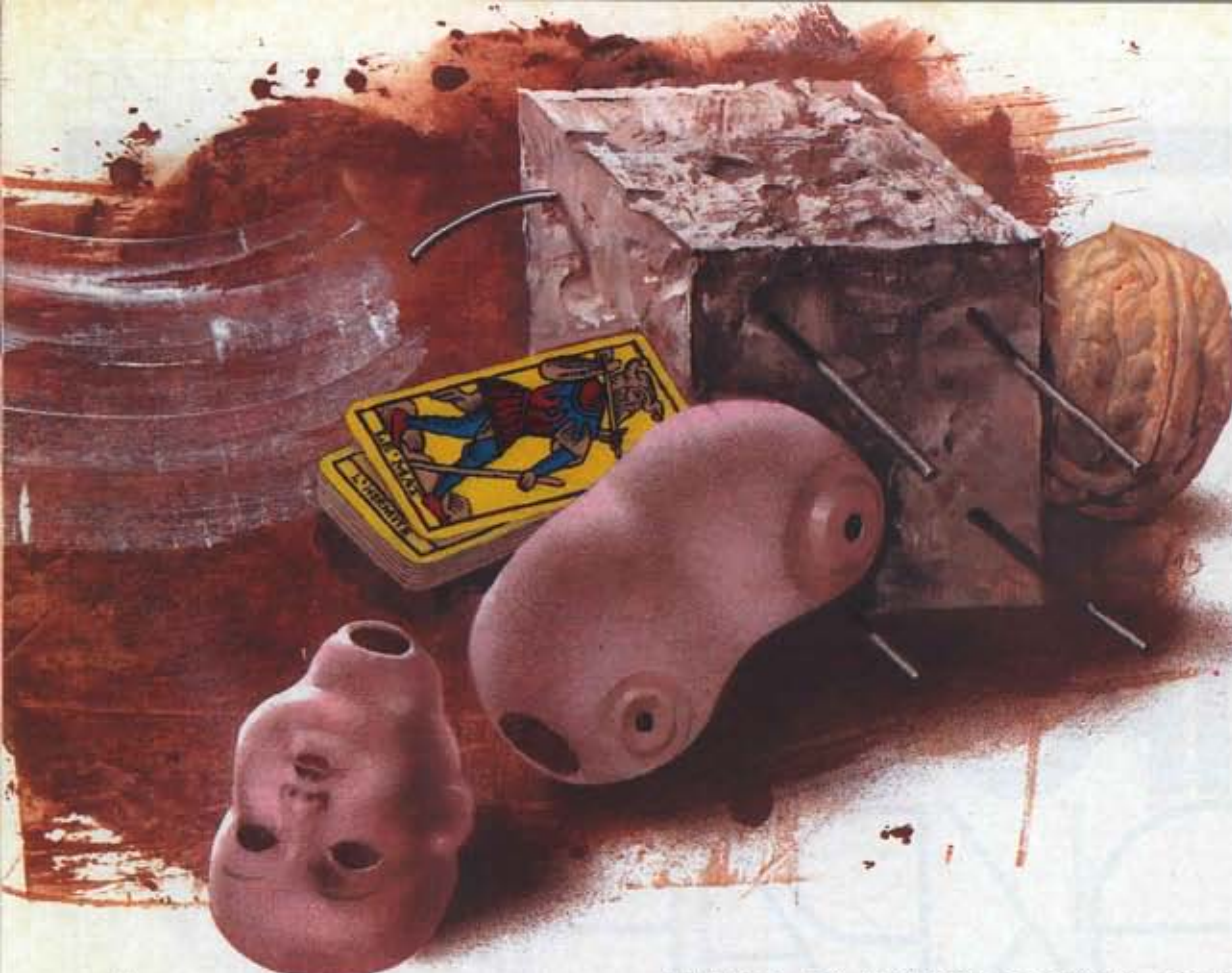
Наверное, не все, которых я убил. Все не смогут поместиться в моем кабинете. Пришли только те, с выбитыми глазами, израненными руками, с выдранными ногтями, разорванными утробами, выжженными спинами. И Елена пришла. И наши дети. Я вижу только Елену, остальных не вижу. Она снова молодая и красивая, влюбленная в меня.

— Елена, тебя я не убивал. Почему ты здесь? Зачем ты пришла с ними, ведь я всегда хотел тебе только добра?

— А что такое это твое добро? Сам-то ты знаешь? Почему ты думаешь, что для меня это добро?

И клонинг здесь. Выходит вперед и становится рядом с Еленой. Как я ей отвечу? А она ждет. Старик выглядит усталым, он вытирает платком кровь, подбираясь ко мне все ближе. И остальные надвигаются на меня, а в кабинет входят все новые. Стоя плечом к плечу, они смотрят на меня со страшной ненавистью в глазах.

— Мы ждем тебя! Давай!

Я чувствую на лице их дыхание, они прижимаются ко мне, их ненависть душит меня. Елена молчит. Но только ее рук я не чувствую на своей шее. Я любил ее. Любил больше детей, больше жизни. И она любила меня. Сейчас мне хочется видеть только ее, отдельно от остальных, хотя бы на мгновение отдельно от остальных, а потом... Но она поворачивается и собирается уходить.

— Подожди! — кричу я.

Я инстинктивно нажимаю на кнопку под микроскопом. На глазах у всех, окруживших меня плотным кольцом, пол раскрывается, все заглядывают в образовавшееся отверстие, но ничего не видят. И Елена удивленно смотрит на меня. Спускаюсь. Ступенька, вторая... Елена приближается, осторожно ступает за мной, мы скрываемся от взглядов, я хватаю ее за руку и ташу за собой. Но и остальные кидаются за нами.

— Теперь мы тебя не упустим! — кричит Старик.

Я смеюсь. Впервые за много лет смеюсь свободно. Они не знают, куда я иду. А с Еленой я могу отправиться хоть на край света. И сотворить любое чудо. Все еще ничего не понимая, она удивленно смотрит на меня. Ладно, я расскажу ей. Эта лестница ведет к смерти. Не только к моей... Сейчас у нее на глазах я сделаю то, что она от меня хотела. Уничтожу всех, кого я создал... Я их создал, я их и уничтожу...

Мы проходим через лабораторию. С ужасом в глазах Елена смотрит на колбы. Читает надписи и еще больше ужасается. Чего она так боится, ведь они никогда не оживут. Комедия закончилась вместе с ее автором. Ничего не останется... За лабораторией, через несколько ступенек находится ядерный самоликвидатор. Никто не знает, где он. Никто, кроме умного Зибеля, непогрешимого Зибеля, вечного Зибеля. Дерну за ручку, и через секунду все взлетит в воздух.

— Это правда? — спрашивает Елена. — Ради меня?

Ради нее. Ради них. Ради себя. Ради всех и вся. Я иду, не чувствуя под собой ног, не чувствуя своего тела. Я снова бог. Слышите, БОГ?

Но что происходит? Я падаю, куда-то падаю, куда-то лечу, становлюсь совсем легким, бестелесным. У меня не хватает сил...

30В

Он выглядел, как и прежде. Но что-то в нем изменилось.

— Рихард! — позвал я.

— Он не узнает вас, — сказал доктор Гольбайн у меня за спиной. — Его мозг — как чистый экран.

Я почувствовал, как вдруг у меня подкосились ноги, мне необходимо сесть. Я попытался придвинуть стул, но стул, крепко припаянный к полу, не двинулся с места. Я пошатнулся, но доктор вовремя поддержал меня.

— Не волнуйтесь, — тихо прошептал он мне на ухо. — Наблюдайте за ним. Завтра вы должны будете

выглядеть, как он. Запомните его жесты, обратите внимание на его взгляд, посмотрите...

— Что вы с ним сделали?

Доктор что-то мне объяснял, его лицо было обеспокоенным и добрым, глаза за очками — тревожными и добрыми, но я ничего не слышал, напрягался, но ничего не слышал. Его губы двигались, но до меня ничего не доходило. Все пропало в белой мгле.

Я снова поискал стул. Еще настойчивее.

Доктор Гольбайн усадил меня. Как сажают куклу.

— Завтра вы должны выглядеть точно так же, так же, так же, — стучало в мозг.

«Должен выглядеть, значит, не буду таким...», — с трудом связал я. И остановил свой взгляд на губах доктора Гольбайна. Они двигались, но... голоса не было.

Была тишина. Отчаянная, полная, обступившая меня со всех сторон тишина.

Клонинг встал рядом со мной. Доктор наблюдал за нами, Рихард поднял руку и боязливо потрогал меня, желая проверить, реален ли я или только отражение в зеркале. Я был реальным, все еще...

— Вы действительно похожи, как две капли воды.

До последней минуты я сомневался. Не хотелось верить, что они могут дойти до такого. Но... сейчас я здесь, чтобы спасти вас.

Можно ли ему верить?

— ...много лет работаю в области молекулярной биологии. Достиг больших результатов с энзимами. Вы что-нибудь слышали об энзиме «Ревертаза»?

Я не слышал.

— Естественно. Мы работали в двух разных направлениях. Вы — против человека. Мы — для человека.

— У меня не было выбора...

— Знаю, знаю, — тепло улыбнулся доктор Гольбайн. — Никто вас не упрекает. Я прочитал ваши записки. Думаю, что тот писатель не очень их изменил.

Но обезопасил себя заглавием «Сумасшедшего», как вам нравится? Сделал из вашей трагедии бизнес. И это у него получилось. Теперь это бестселлер. Но каждый верит, что это записки сумасшедшего. И удивляются воображению писателя. Даже ученые. И они считают вас сумасшедшим. Это официальная версия, которой пока и я вынужден придерживаться. Но с завтрашнего дня... один я не смогу справиться. Вы должны будете мне помочь.

Я улыбнулся. Как я мог ему помочь? Я?

— Сейчас им невыгодно вас убивать, — еще тише сказал он. — Эта история наделала слишком много шума. И все поверили в ваше сумасшествие. Впрочем, это хорошо. Но они еще раз захотят вас увидеть. Вы все еще опасны. Поэтому сегодня ночью...

Он замолчал, огляделся, сверкнув очками в белое лицо Рихарда, и продолжал:

— ...будет промыт и ваш мозг. Спокойно. Ведь я здесь для того, чтобы этому помешать. И чтобы вывести вас отсюда... нетронутым. С ним, — он с болью показал на Рихарда, — я опоздал. Видимо, он попал к ним в руки уже давно...

— Но как вы им помешаете?

Я уже знал зубья этой машины, которая ничего не выпускала и все перемалывала. Из-за меня погибли многие: старик, который подобрал меня в лесу, девушка, которая помогла распространить записки по редакциям, парень со стройки, приютивший меня всего на одну ночь, ученый, кабинет которого я посетил, журналист, обещавший все описать, ребенок, сказавший мне только название улицы, и многие другие, которых я не знал и смог узнать во время своего бегства по незнакомому городу, где на каждом шагу меня подстерегали неизвестность, голод и смерть. Я вызвал сумасшедшую тревогу, яростные споры, дискуссии, симпозиумы, конференции, сенсации и снова смерть, смерть, смерть... Гибли люди, а мне удавалось ускользнуть, умирали люди, а я выживал... Не умрет ли и этот доктор по дороге в свой кабинет прежде, чем вытащит меня отсюда?

— За минуту до включения аппарата мы отсоединим один из контактов. После того как проснетесь, вы должны смотреть на мир его взглядом. Будьте внимательны... его взглядом. Пока я вне всякого подозрения. Любая ваша ошибка погубит нас обоих. И не только нас. В этой больнице еще есть люди, которые могут пострадать. И которые принимают участие в организации вашего побега. А когда мы вытащим вас отсюда, вы будете нам очень нужны. И он, ваш Рихард... Тогда уже никто не посмеет утверждать, что все это выдумка сумасшедшего. Мы будем бороться до конца, докажем с помощью фактов, документов. С вашей помощью. Понимаете?

Понимаю. Или пытаюсь понять. А Рихард?

— Поздно? — Я показал на него взглядом.

— Его мозг — как чистый экран, — печально покачал головой доктор Гольбайн. — Нарушены все связи. Сохранены только инстинкты. Он заново начал воспринимать мир. Вряд ли он когда-нибудь начнет говорить. У него стерта вся его предыдущая жизнь. Ничего не могу обещать...

И он пострадал из-за меня. Из-за меня?

— Рихард? — позвал я.

— Он реагирует на ваш голос, но не на имя, — грустно улыбнулся доктор. — И на это свое лицо, которое он уже видел в зеркале. Запомните его взгляд, запомните его... А теперь нам нужно возвращаться... Скоро придет сестра делать вам укол. Не сопротивляйтесь. И не бойтесь... Я вам обещаю...

Даже слушать было страшно.

Но я не мог не надеяться. Не мог не верить.

— А когда я выйду отсюда, — заикаясь, спросил я, — и когда все будет кончено и запретят эти эксперименты, я смогу работать с вами в вашем направлении вместе с ними, с моими... братьями, клонингами, которые, если... когда-нибудь...

Доктор Гольбайн дружески потрепал мое плечо.

— Конечно, молодой человек. Перед вами широкое поле деятельности. Синтезирован искусственный ген, созданы матрицы для синтеза, выделен вирус, который является источником энзима, а сам энзим получен в чистом виде в стране, куда мы вас отправим. И там вы займетесь генной инженерией, онкологией. Вы хорошо знаете капризные энзимы, и молекулярные основы иммунитета, и структуру вирусов. Но прежде должна удачно пройти эта ночь.

Должна пройти эта ночь... Эта ночь тянулась, разорванная на бесконечно долгие секунды, за время которых я прошел всю свою сознательную жизнь до той минуты, когда я пошел за Зибелем, а он не оглянулся.

А начиная с того дня я шел к смерти и не боялся, теперь мне оставалась эта ночь. И после того как я пережил столько других ночей, после того как я выскользнул из стальных ловушек, из рук стальных людей, превративших технику в средство подчинения и угрозы, в моей душе уже не было места страху. Разве я мог бояться после смерти старика, спрятавшегося в лесу, чтобы спокойно дожить свои последние дни, после смерти девушки, которая остановила своим телом машину, после смерти журналиста, застреленного, чтобы он не рассказал об ужасных записках Зибеля, после смерти парня, сброшенного с лесов на строительстве, после смерти ученого, который выслушал меня внимательно и должен был встретиться с кем-то еще, разве мог я бояться сейчас, когда правда уже дошла до людей, до таких людей, как милый доктор Гольбайн с грустной улыбкой, который готов пожертвовать собственной жизнью, только чтобы вытащить меня отсюда...

Когда-нибудь я расскажу обо всех них.

Только бы прошла эта ночь...

Но даже если доктор Гольбайн не сможет вытащить меня отсюда и эта ночь будет для меня последней, даже если мне придется еще сто лет смотреть на мир пустым взглядом Рихарда, я не имею права роптать на судьбу, я выполнил свой долг...

Шаги в коридоре... Затихли перед дверью моей комнаты.

Слышится дыхание медсестры.

Я встал...

Евгений ДОДОЛЕВ,
Андрей КУЧЕРОВ

НА БЕЛОЙ ПРОСТЫНЕ ЭКРАНА

Окончание. Начало в №5.

ЗА КАДРОМ

На прошедшем осенью прошлого года «Круглом столе» киноведа и кинокритиков М. Б. Ямпольский четко и аргументированно обрисовал силуэт кинопроблемы, профессионально обозначив ее наиболее болезненные точки:

— В советском кино существует плюс высокой художественной кинематографии, но чрезвычайно слабо представлено развлекательное, массовое кино, культивируемое в основном профессионалами невысокого класса. Такое положение можно было бы только приветствовать, если бы презрение к коммерческому кино породило у нас сплошной поток шедевров. Но, увы, шедевров у нас не слишком много.

Основная масса кинопродукции не привлекательна ни для ценителя искусства, ни для любителя развлечений. С точки зрения зрительских предпочтений большинство отечественных фильмов — это фильмы ни для кого.

...Наш кинематограф традиционно сосредоточен на проблемах психологии героев, сущности социальных конфликтов в фильме, перипетиях сюжета, почти всецело относящихся к литературной основе фильма.

...Стремление к тотальной вербализации, устранению бессознательного, хотя и идет под знаком осознания скрытого, чаще всего лишь цензурирует, вытесняет то, что страшно предьявить на всеобщее обозрение. Думаю, что почти законодательный запрет на эротику и жестокость в нашем кино далеко не случайно соседствует с культом словесного. Не будучи сторонником внедрения натурализма в фильмы, я все же считаю, что было бы неплохо подвергнуть наше кино всестороннему психоанализу. В результате мы, возможно, могли бы узнать немало поучительного о том, что же воистину скрывается за традиционным «целомудрием» наших фильмов.

...Даже поверхностный взгляд на опыт мирового кино показывает, что

наиболее сильная идентификация зрителя достигается с актерами, обладающими особой притягательностью, которую я бы не рискнул назвать лишь притягательностью неординарной личности. Хемфри Богарт и Джеймс Дин, Марлен Дитрих и Брижит Бардо не так часто создавали на экране глубокие психологические образы. Речь, по-видимому, должна идти о том, что определяется ханжески табуированным у нас словом «эротика». Думаю, что максимальная идентификация достигается с актером, обладающим особой чувственной эротической привлекательностью. Я понимаю эротику здесь в самом широком смысле, в том смысле, в каком с вполне положительными оборотами употреблял это слово еще в начале 20-х годов Бела Балаш. Речь вовсе не идет о разнузданном сексе или порнографии, речь идет о нормальной чувственной привлекательности лица и тела, во многом создаваемой на экране с помощью, например, особого освещения, особой «подачи» тела актера. Думаю, что следует внимательнее вчитаться в работы Эйзенштейна, сознательно использовавшего эротический элемент даже в таком своем фильме, как «Броненосец «Потемкин».

Поразительно, с какой непреклонной последовательностью изгонялась эротика из советского кино, как нечто чуждое нам.

Советский актер за редкими исключениями — десексуализированное существо. Иногда эта десексуализация принимает оттенок физической феминизации актеров, как, например, в случаях с прекрасными профессионалами — Табаковым, Богатыревым, Калягиным, Мягковым и многими другими. И все же огромный зрительский успех Филатова и Янковского говорит сам за себя...

Советский актер или актриса оказываются в тяжелом положении. Они вынуждены всеми актерскими средствами компенсировать то, чего у них нет, то, что в них часто насильственно подав-

ляется или игнорируется режиссером.

В результате возникает особый «синдром» актерской компенсации подавленной чувственной сферы, выливающийся в истероидность поведения. Всем нам хорошо известны стандартные сцены, когда герои орут. Любопытно, что эти сцены чаще всего встречаются именно в производственных фильмах (и столь же часто в «военных»), в которых вечные прорабы в грязных спецовках у телефонов, впадая в истерический коллапс, требуют бетона (любопытно, что точно так же орут в полевой телефон, требуя снарядов, измученные комбаты в «военных» фильмах). Структурное сходство «военных» и производственных фильмов в нашем кинематографе очень высоко.

Сам телефон здесь — знак отсутствия физического контакта, а крик как бы стремится заглушить отсутствие нормальных человеческих отношений. Мне кажется, что во всем мировом кино актеры кричат меньше, чем в десятке наших производственных фильмов средней руки. Вообще накачка искусственного драматизма в этих фильмах (будет выполнен план или не будет) свидетельствует о наличии этих компенсаторных механизмов.

...Ядерная модель отечественной киномифологии сформировалась в 30-е годы и все еще несет на себе печать того периода... Преодоление этих мифологических схем — неизбежный этап в процессе обновления всего советского кино, но оно же весьма существенно и для судеб массового кинематографа. В 30-е годы киномифология была весьма эффективной и обеспечивала кассовый успех фильмов, так как соответствовала зрительским ожиданиям и социальным мифам в широком смысле слова.

...Для изменения сложившегося положения нам следует бесстрашно и трезво подойти к тем проблемам, которых мы избегали как огня, в том числе и к таким неприглядным и щепетильным, как эротика или мифология

кинематографа сталинского периода. Наивно полагать, что от того, что мы не замечаем проблем, они перестают существовать.

В КАДРЕ — ТАТЬЯНА ДРУБИЧ

— Как вы считаете, готов ли наш зритель к восприятию кинофильмов, где есть «эротические» сцены?

— Зритель очень разный. Все зависит от воспитания, культуры, опыта, возраста. Но одно я понимаю точно: если «эротическая» сцена (все же термин неопределенный в нашей жизни) существует в системе неповторимого, прежде всего индивидуального, опыта художника (автора), тогда это волнует, тогда это нравится, не воспринимается как отдельный, специальный трюк. Эротика существует как естественная закономерность образа, как сама жизнь во всей ее сложности и невозможности существования одного вне другого. Если эротические сцены соответствуют всей художественной структуре картины, если они логичны, как выдающиеся эротические эпизоды в фильмах Висконти, тогда это прекрасно. Нам для начала, мне кажется, нужно научиться обсуждать эротику как предмет искусства, а не как предмет морали. Я вспоминаю письма зрителей после фильма «Спасатель», где есть совершенно безобидная, очень правдивая сцена. Герой картины уходит в армию, на душе у него мутно, и вдруг — короткая отсрочка. Появляется еще один свободный вечер. И вот он встречает девушку. Она ему нравится. Он приводит ее домой... Потом они молча сидят, она — чуть прикрыта. И все. Ничего больше. Письмами завалили. Зрители к тому же перепутали меня с актрисой, которая играла эту девушку, что тоже говорит об уровне зрителей. Писали мне. Писали моей матери. Как вам не стыдно: мой сын, дескать, в армии, и какими же глазами я буду смотреть ему в глаза, когда он вернется?!

А если его девушка поступит так же?!

Или вспомнить картину «Избранные». После нее писали семьями, трудовыми коллективами. Негодовали, возмущались сценой, в которой моя героиня отдается противному ей человеку во имя спасения любимого, не понимая, что любимый ее предает. Ситуация знакомая, как бы ничего особенного. После этой сцены маленький мальчик — по фильму мой сын — убивает моего возлюбленного (его играет Леонид Филатов). Так вот писали: как же вы допускаете такое по телевизору, да еще в 19.30, да еще в воскресенье, когда усаживаются семьями перед голубым экраном. Какая-то бабушка возмущалась, что села смотреть вместе с внучками и вдруг такое показывают, отчего у нее опустелись к полу глаза. А ее великовозрастная, шестнадцатилетняя внучка, «голубиная душа», спрашивает: «Бабушка, а что с тетей делают?» — и возмущается как бабушка. Но больше всего меня поразило другое: ничего не взволновало, что в фильме мальчишка убивает человека. На это смотреть не страшно. Убить не страшно, а постельная сцена — кошмар, порнография.

В нашем отечественном кино люди размножаются бесполом путем, почкованием, как растения. Да что там кино. У нас на приемах врачи говорят уже механически: «Разденьтесь по пояс». Как будто у нас человек существует только по пояс. Ниже пояса — уже не личность, уже не обсуждается. Преодолеть это очень трудно.

Я как-то случайно попала на зайцевский показ мод. Он, комментируя модели, говорил: а это для русской женщины. Для нее мы разрабатываем специальные костюмы. Мы ищем компромиссные варианты одежды... Цитирую, возможно, неточно, но за смысл ругаюсь. Я согласна, нужно учитывать национальные особенности, но в пределах разумного, не закомплексовывая и без того запуганное, запуганное сознание наших людей, годами не разбирающихся, что хорошо, что ложно и до какой степени позволено.

Слушаю по радио, что сейчас в школах начинают вводить уроки сексовоспитания, и врач, который об этом рассказывает, сообщает, что столкнулся с невероятным фактом: в одной из школ этот предмет преподает учитель физкультуры. Специалистов нет. Почему учитель физкультуры? Отвечают: а у него в этом деле самый большой опыт...

Когда я первый раз оказалась за границей, меня, конечно, шокировала пропаганда секса. Когда видишь журналы, выставленные в витринах магазинов, а мимо идут в школу дети, не обращая внимания на яркий глянец этих откровенных изданий, естественно, удивляешься. Но за границей эротическая доступность, открытость способствует, как это ни парадоксально, нормальному, серьезному отношению к жизни, к браку, к деторождению. Они уважительнее относятся к женщине. У них другой, более свободный уровень сознания, другой опыт.

— То есть нам не нужны эротические фильмы?

— Создавать нам свои фильмы, думаю, не стоит. Для начала хорошо бы демонстрировать иностранные фильмы в их первоизданном виде, без купюр. Обязательно будет поколение, которое как бы переработает открытие этого «клапана». Будет много крика, лицемерия. Но и искреннего гнева — от непонимания. Но зато потом появится другое поколение, готовое к восприятию таких картин.

— Можете ли вы назвать отечественные фильмы, где есть кадры, которые хотя бы приблизительно можно назвать эротическими?

— Это трудно. Как правило, сцены, связанные с близостью мужчины и женщины, снимаются у нас по глупой схеме: он расстегивает ей дрожжащими руками кофточку и лезет под нее. Затем гремит музыка, а камера ползает по предметам женского туалета... Скорее я могу назвать некоторые фильмы,

где есть кадры, рождающие чувственное начало, снятые очень удачно, с хорошим вкусом... У Тарковского в картине «Зеркало» — грандиозный момент! — воспоминания героя Янковского, когда Терехова стоит под душем (это не оговорка, как нам кажется, поскольку «под душем» — именно живая женщина, Маргарита Терехова, а не ее героиня, верно? — Е.Д., А.К.). Снят портрет. Женский портрет. Возрожденческий. Эти кадры рожают чувства к Женщине, чувства прекрасные.

Или картина «Подранки». Полуобнаженная героиня — ее играет Жанна Болотова — загорает на крыше с книгой, и мальчик на нее смотрит. Красиво... Вообще эротическое чувство занимает короткий временной промежуток. Это период с 13 до 16 лет. Потом уже в восприятие примешивается много другого, сексуального. Эротика, по-моему, очень детское и очень возвышенное чувство.

— Когда вы сейчас об этом говорите, сама тема нашего разговора легко вам дается?

— Трудно. Потому что серьезно об этом никогда не думала. Но считаю, что это очень правильно и важно — объявление этого вопроса, его легализация.

— Кто из наших режиссеров мог бы снять эротический фильм?

— На мой взгляд, мог бы Роман Балаян. И, как я слышала, он именно это и собирается сделать. Он собирается снимать фильм «Леди Макбет Мценского уезда» с Натальей Андрейченко в главной роли. (Жаль, что не со мной.)

А вот как раз многие режиссеры, не способные это снимать, берутся за это с легкостью. Наверное, от непонимания, как у того учителя физкультуры, который основывается на собственном большом опыте «большого секса».

— Должна ли актриса, которую снимают в эротическом эпизоде, отвечать каким-то специальным требованиям?

— Тут важнее всего талант режиссера и оператора. У актрисы должно быть больше природного, женского таланта. Ведь невозможно объяснить систему возникновения секс-звезд. Почему одна волнуется, а другая, при отличных внешних данных, оставляет равнодушной? Скажем, в «Избранных» снималась колумбийская актриса Ампаро Грисалес. (Ее представляли нам как секс-звезду.) Во время съемок она занималась рекламой парфюмерии, мыла, драгоценностей. Я видела, как проходили эти съемки. Это огромная работа, огромные денежные затраты, определенные цели. У нас этого нет. Я думаю, что любая актриса может сняться в эротическом кино, если есть чувство вкуса, такта, а главное — талант.

— Но ведь может быть и так — кто-то посмотрит и скажет: Друбич выглядит ужасно, зачем ее снимать обнаженной?

— Когда наши женщины стоят в очереди и говорят: «Как мне не нравится Софи Лорен!», мне хочется спросить: «А вы ей нравитесь?» Это очень сложный вопрос — восприятие женской внешности, красоты. Красота, как известно, в глазах смотрящего. И тут тоже необходимы и вкус, и такт, и талант зрителя.

ОЗВУЧЕННЫЙ КАДР

Слово «эротика» и все, что под ним понимается обывателем, многих не на шутку пугает.

Прошлым летом художественный совет фирмы «Мелодия» «зарубил» долгоиграющую пластинку популярной рок-группы «Алиса» из-за того, что тексты трех песен показались чрезмерно откровенными, вернее — скабрёзными. Цельную программу (между прочим, «залитованную» и неоднократно исполненную) разобрали на куски. Вместо одного большого диска «Мелодия» выпустила несколько так называемых мини-альбомов.

Что же смутило членов худсовета? Что показало профессионалам эстрады вопиющей непристойностью?

Быть может, автор музыкальных номеров позволил себе вольность в стиле Аллы Пугачевой, панибратски обращающейся с сонетами Шекспира и любовной лирикой Манделштама? Нет, никаких хриповатых, со сдавленными придыханиями «Я тебя хочу» не накладывалось на «вкусный» рисунок бас-гитары и меткие вскрики гитары-соло. Никаких пассажей «а-ля Алла» группа худсовету не представила. И музыканты не стремились достигнуть зрелищного эффекта сладострастными стонами или пугающе многозначительными паузами после строк типа «Я научу тебя летать», допускающих двоякое толкование. Просто аранжировка пьесы «Ко мне!» и — главным образом! — почувствованная, высокохудожественная манера пения вызвали у взрослых людей вполне определенные ассоциации. Что, впрочем, входило в задачу сочинителей. Однако они не только успешно с ней справились, но и недооценили, видимо, бдительность «блюстителей нравственности» из худсовета.

Действительно, во время исполнения стопроцентно альковной строки «Иди ко мне, когда выпадет снег» девушки равнодушными не остаются. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть «Музыкальный ринг» с этой группой. Красивый вокалист, прищурив темные очи и по-бычьему изогнув шею, обещает: «Мы не станем пить чай», — и камера беззастенчиво фиксирует блестящие глаза и нервно стиснутые пальцы растаявших слушательниц...

Но кто сказал, что искусство не должно тревожить и будоражить? (Не возбуждать похоть, а романтично волновать!) И рождать смутные, но явно расшифровываемые ассоциации? Что в этом дурного и постыдного?

ЗАСВЕЧЕННЫЙ КАДР

Собственно, без этого «кадра» можно было бы обойтись. Но все же хочется кое-что повторить, не убоившись упреков в заикливости на двух-трех простеньких идеях.

Итак, еще раз... «Эротический» не значит «безнравственный», равно как и «производственный» не есть синоним слова «скучный». Просто делить кино надо на хорошее и бездарное. Но изобразительные средства и методика не могут быть охарактеризованы столь однозначно.

Так что все будет зависеть не от номинального жанра, а от художников. И зрителей, то есть нас с вами.

А вот что касается шума (неизбежно!) вокруг первых отечественных (или попавших на наши экраны) лент такого рода, то здесь целая сумма обстоятельств и особенностей, оценивать которые, как предссылки для каких-либо прогнозов, можно только очень и очень осторожно.

Наверняка реакция на эти ленты будет различной, допустим, в Прибалтике и Закавказье. Не учитывать реалии национальных культур было бы ошибкой. Но и натягивать паранджу «нравственной цензуры» на кинопроект неоправданно где бы то ни было.

Может, не так страшен черт, как его малюют?

Высказывая такое дерзкое предположение, мы отдаем отчет, какую реакцию оно может вызвать. Посему, забегая вперед, оговариваемся: мы вполне осознанно «подставляем» под полемические контрудары. Поскольку истина рождается в спорах.

Мерой демократичности любой социальной структуры является, так сказать, степень свободы обсуждения любых проблем (в том числе и проблем культурной сферы), без скидок на аспекты, считающиеся «постыдными».

Именно считаемся!

У нас, допустим, долгое время считалось, что конкурс красоты — крайне «неприличное, к тому же по сути своей буржуазное мероприятие». (Но лед тронулся — недавно в одной из молодежных газет опубликовано предложение председателя БММТ «Спутник» МГК ВЛКСМ Владимира Рудакова: «Наша организация могла бы стать одним из учредителей подобного конкурса... Хорошим подарком для участниц и сувениром для всех желающих мог бы стать красочный календарь с фотографиями участниц конкурса». Не правда ли, совсем недавно эта мысль выглядела где-то даже крамольно?)

...Да, без этого «кадра» можно было обойтись. Мы, право, не знали, какую линию разрабатывать. То ли оттолкнуться от пресловутого календаря с красотками. То ли — от того факта, что на всю Москву всего 5 (пять!) сексологов, постоянно ведущих прием населения. То ли — от «школьно-сексуальной» статистики. То ли устроить еще один мини-соцпрос, на этот раз касательно отношения к киноэротике (заодно разобравшись, отличают ли потребители кинопродукции эротику от порнографии).

Или сразу переходить к обобщениям...

Коллаж Владимира Волкова

Выводы?.. Нет, выводов мы делать не будем. Хотя бы потому, что выводы применительно к искусству, да еще и на страницах журнала, нередко приводят к оргвыводам. (Вызывают зависть люди, которые категорически знают, каким должно быть искусство.) Коротче, обойдемся без категоричного резюме, согласившись с (небесспорной) мыслью о том, что каждый из нас — это уже отчасти вывод.

А сколько нас? Верно: почти триста миллионов. А сколько подписчиков у «Смены»? Верно: почти два миллиона...

Попробуем спокойно посоветоваться, поразмышлять. Про нас самих, про нашу жизнь. О том, почему, собственно, мы обратились к этой расплывчатой теме — эротика в кинематографе.

Попробуем взглянуть на эти проблемы, например, с позиций будущего. Лет этак на десять вперед и — резко оглянувшись назад. Под таким взглядом многие вещи обладают способностью как бы сжиматься, уменьшаясь в размерах, становиться «спичечной коробкой», которую очень удобно вертеть в руках, прикуривать от нее, рассматривать, трясти, прикладывая к уху, чтобы до конца оценить все ее достоинства и недостатки. Это об эротике и «быть ей или не быть» в современном кинематографе.

Попробуем, потрясем, образно говоря, эротикой около уха и прислушаемся...

Через десять лет вопрос этот окажется в общем-то риторическим.

Словом, можно сказать, что эротика в отечественном кинематографе уже есть. Уже появляются картины, где под ослепительным светом юпитеров и холодноватым взглядом равнодушной кинокамеры плачут, страдают, охают, ахают дамы. (Самый свежий пример: когда готовился этот материал, нас пригласили на Киностудию имени Горького посмотреть новый фильм «Маленькая Вера», героиня которого — в исполнении молодой актрисы Наталии Негоды — отдается крупным планом, со всем присущим ее характеру темпераментом и сексуальным опытом. Сцена снята очень откровенно, но совершенно не оправдана логикой киноповествования, возникая, что называется, «вдруг»... Ну что ж, поживем — увидим, как зрители отнесутся к картине, когда она появится в прокате.) Над влюбленными, или помышляющими влюбиться, или готовыми влюбиться с первого взгляда (вариации могут быть бесконечными), говоря высоким слогом, уже вовсю зажигают свет. Значит, весь вопрос упирается в следующее: кто зажигает и зачем зажигает. И тут мы совершенно солидарны с мнением А. Плоткиной и Т. Друбич: **нынешнее «бесцензурие на тело» не следует рассматривать как призыв к отечественным кинематографистам тащить на экран «крупняки» женских прелестей.** Плохой фильм про запруду на реке вряд ли станет хорошим, если реку будет прудить голая красotka. А вот на пошлятину, которой и без того кругом хватает, подобный эротический изыск окажет самое благотворное воздействие. Есть и другая опасность. «Успех другого прокладывает дорогу и мне», — заметил как-то мудрый театральный режиссер, имея в виду талантливую постановку своего коллеги. А успех? В нашей специфической действительности он может стать причиной перманентной травли всех подряд (тем более в творчестве). Ведь мы отлично знаем, что существует масса людей, готовых пустить каток для укладки асфальта по ненавистному им направлению в кино, театре, музыке, живописи. И когда таким людям дается лишь повод, они умеют им воспользоваться. Дурная проба моментально объявляется типичной, а все дальнейшее — поиски в этом направлении — вредными. (Например, уже сейчас подельщики от рока дают немало поводов для того,

чтобы всю рок-музыку объявить вселенским кошмаром. По-кроличьи порывисто плодятся группы, ориентированные на интенсивный «металл», или ансамбли, делающие ставку исключительно на острые, вернее — соленые, тексты. Все эти музыканты лучше, чем нотную грамоту, усвоили простенький тезис творческих нуворисей: нет славы легче и выгодней, чем скандал или «завод» юных сердец на бездумную, оглушающую силу децибелов.) Беда еще и в том, что, когда уважаемый всеми творец или деятель случайно попадает на выступление бездарного, убийственно-примитивного коллектива, работающего в жанре, который творцу — подчас даже по необъяснимым ему самому причинам — неприятен, тут же следует вывод: ага, значит, все они такие! Вот оно — их искусство. (А ведь среди тех же исполнителей, допустим, «металла», есть и интересные мастера — литовские «Ливы», московский «Черный кофе».) А защитить росток, когда он только-только пробивается на свет и колыхается в растерянности под всеми ветрами, очень трудно.

Все это не про эротику в кино (хотя и про нее, зеленоглазую, тоже), все это мы к тому, что в нашем обществе, которое только-только начинает, только-только притрагивается, только-только привыкает к тому, что, например, слово «экзистенциализм» вовсе даже не ругательство, которое робко и опасно страживает со своих исторических плеч стальной испуг, нужны не грубые «акusherы от киноэротики», а режиссеры и художники, способные взглянуть на обнаженное женское тело как на достойную восхищения загадку — самую прекрасную тайну мироздания. Способные говорить о «запретных» темах в искусстве с безукоризненным вкусом, спокойным тактом и по-хорошему пикантным изяществом.

Не хочется нахальной пошлятины. Не хочется, чтобы тебя били душой об застиранный экран, бормоча: «А это вот вам секс, а это тело, а это голая нога» и так далее.

И давайте учиться **смотреть** кино (слушать музыку, читать книги). Культура смотреть тоже существует. И воспитывается она всей жизнью. Но... Когда человек приходит в зал кинотеатра, а в его голове звучит лишь одна ласково-металлическая фраза «Осторожно, двери закрываются!», перед этим ему швырнули сдачу в магазине и дома отключили (очередная, традиционная уже, авария) воду, все думы о завтрашнем дне часто отмечены словом «достать», автобусная остановка, с которой он каждое утро едет на работу, «заплевана» мусором — «культуры смотра» не будет. Потому что пошлость, ставшая нормой жизни, не позволяет увидеть пошлость, которая становится нормой киноэкрана (сцены, литературы, живописи и т. д.). Отношение к эротике в кино зависит и от костюма, в котором человек в это кино приходит, — удобно или неудобно он себя чувствует, жмут или не жмут ему ботинки. И даже от вида, который открывается за дверями кинотеатра или за окнами квартиры, — от этого тоже зависит отношение человека к киноэротике. Простите, но когда мы не можем попасть в Большой театр, потому что его труппа повышает культурный уровень иностранных граждан, зарабатывая (на чем? На культурном уровне своего народа?) валюту, — это тоже влияет на отношение к пресловутой эротике. И на нашу культуру. И на наши нравы. И на нашу нравственность.

Мы намеренно все-таки не расставляем все точки над многочисленными «и». Пусть это сделает зрительская, извините, читательская аудитория.

И столь же намеренно мы не раз повторялись, желая подчеркнуть дублирующими примерами и наблюдениями основную мысль... Какую? Надеемся, что вы догадаетесь: дело не в хорошенькой встряске общественного мнения «двухсерийным сеансом разговора про эротику».

Включите свет!

Футбольного межсезонья словно и не существует — уже в нынешнем месяце стартует очередной чемпионат страны. Юбилейный, пятидесятый. Пока можно только догадываться, какие откровения он подарит болельщикам, кого мы будем чествовать глубокой осенью и как проявят себя в нем лучшие дебютанты сезона минувшего. Символическая сборная самых ярких новичков прошлого года первенства страны по традиции была составлена читателями нашего журнала. В нее вошли:

Вратарь — Андрей Сацункевич («Динамо», Минск).

Защитники — Юрий Суров («Спартак», Москва), Сергей Бодак («Торпедо», Москва), Дмитрий Кузнецов (ЦСКА), Сергей Гомонов («Динамо», Минск).

Полузащитники — Александр Мостовой («Спартак», Москва), Олег Ширинбеков («Торпедо», Москва), Андрей Тимошенко («Динамо», Москва).

Нападающие — Валерий Шмаров («Спартак», Москва), Владимир Татарчук (ЦСКА), Евгений Шахов («Днепр», Днепропетровск).

Наибольшее количество читательских голосов получили Мостовой — 617; Ширинбеков — 437; Сацункевич — 329 и Шмаров — 296. Самый старший из дебютантов — Шахов, отметивший в прошлом году свое 25-летие, самый юный — 18-летний Тимошенко.

В определении одиннадцати дебютантов приняли участие более тысячи читателей «Смены», приславших нам свои открытки с именами футболистов. Семеро читателей безошибочно определили весь состав символической сборной команды, они и признаны победителями конкурса: А. Пяташин (С. Вольно-Надеждинское Приморского края), П. Кеслер (с. Забавное Алтайского края), Н. Черезов (п. Светлый Оренбургской области), И. Певный (г. Марьянка Донецкой области), Н. Гаркуша (п. Хани Якутской АССР), М. Прохин (п/о «Спартак» Киргизской ССР), а также клуб любителей футбола «102» из Ленинграда.

Дипломы «Смены» получают еще 13 читателей, которые верно назвали десятикратных дебютантов: Д. Гузик (Сочи), Г. Колосов (п. Мегрега Карельской АССР), С. Тропин (Мурманск), И. Котиков (Новокузнецк), В. Тульверт (Ленинград), Н. Любавин (Кокчетав), С. Васильев (Джамбул), Х. Раджабов (Рустави), Ж. Тажииков (Темиртау), Н. Нуртдинов (г. Лысьва Пермской области), Д. Макавеев (Москва), А. Орлов (Ленинград), А. Бычков (г. Долгопрудный Московской области).

Редакция адресует свои поздравления как дебютантам, заслужившим своей игрой признание болельщиков, так и удачливым футбольным оракулам. Напоминаем читателям, что по условиям нашего конкурса, который продлится и в этом году, вы можете в течение всего года присылать свои открытки с указанием на каждой из них не более одиннадцати фамилий футболистов, ни разу не выходявших ранее на поле в составах команд высшей лиги.

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Наш современник — А. С. Макаренко. К 100-летию со дня рождения

Возвращение Даши. Судебный очерк

Фотоочерк о 30-летнем председателе колхоза

«Жальгирис» (Вильнюс). Портрет бронзового призера первенства СССР по футболу

«Еще не вечер». Острозужетная повесть Николая Леонова

Уважаемые товарищи! В течение года вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу «Смена» поступает в ограниченном количестве.

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР
А. Галицкий
1899 г.

Мат в 3 хода

1. Kрh3! — цугцванг! 1. ... Kрf5 2. Cf4! Kр:14 3. Фf6x, 1. ... Kрd5 2. Cd4! Kр:d4 3. Фd6x.

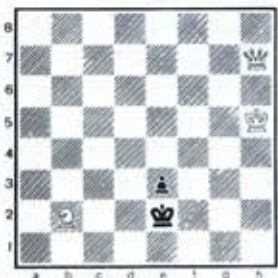
Две тихие эхо-жертвы слона вынуждают черного короля идти в подготовленную матовую сеть. Оба мата правильные. Первый ход весьма неожиданный — «боковой»!

Шестой тур

Белые: Kрb3, Фf3, Cd1 (3)
Черные: Kрс1, пп. d3, d4 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

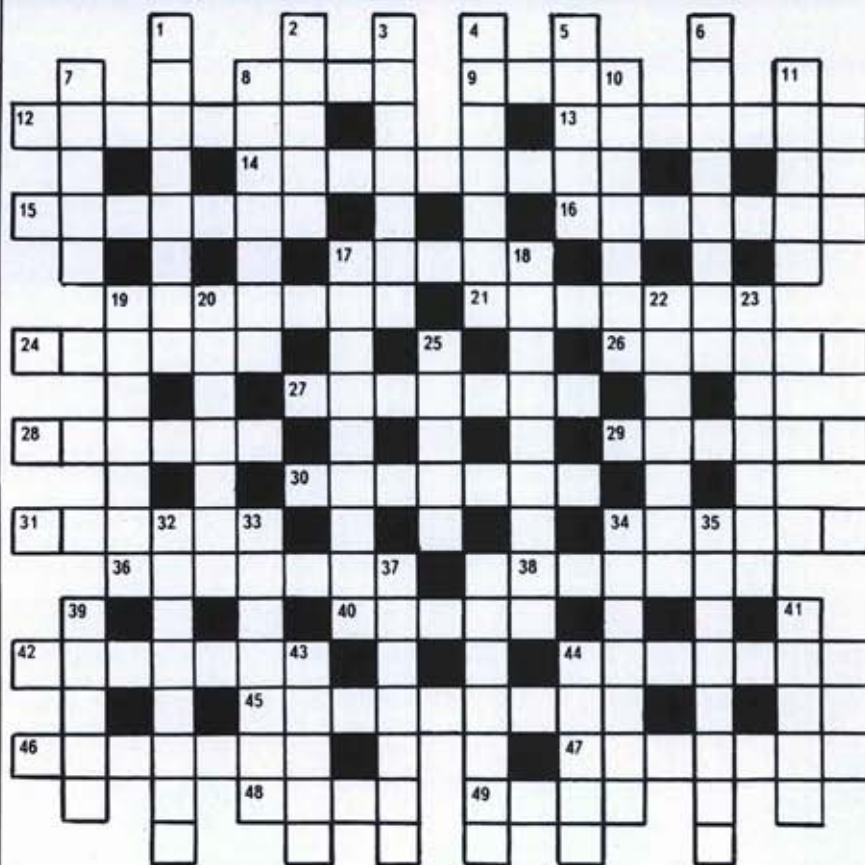

Белые: Kрh5, Фh7, Kb2 (3)
Черные: Kрe2, п. e3 (2)
Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 6-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 мая.

КРОССВОРД

Составил С. Малаховский, Томск

По горизонтали:

8. Первый легендарный человеческий сын и первый преступник. 9. Пустыня, где, возможно, сохранилась лошадь Пржевальского. 12. Средний многолетний уровень воды в реке. 13. Минерал, к группе которого принадлежит асбест. 14. Прибор — «виновник» научного переворота в биологии. 15. Нидерландская серебряная монета, на реверсе которой в XVII веке был изображен орел. 16. Металл, легко растираемый в порошок. 17. Малая барка, обычная в прошлом на Каме и Пенчере. 19. Конечный пункт путешествия Васко да Гамы к берегам Индии (тогдашнее название). 21. Быстроходная шлюпка китоловов. 24. Полярная медуза до 2 метров диаметром и свисающими щупальцами до 30 метров длины. 26. Дерево, цветение которого в Японии — синоним весны. 27. Животное, изображенное на гербе Судана. 28. Восточноафриканская страна, в которой полмиллиона иммигрантов из соседних стран. 29. «Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихонько медведя толк ногой» (стилистическая фигура в басне И. Крылова). 30. Представитель северного народа, создавшего поворотный гарпун для охоты на морского зверя. 31. Родной город И. Репина. 34. Русский дипломат, открывший в 1496 году морской путь в Западную Европу вокруг Кольского и Скандинавского полуостровов. 36. Боразон, корунд, пемза (общее название). 38. Живописец, автор цикла картин «Люди колхозной деревни». 40. Песни альпийских горцев, исполняемые в манере фальцета. 42. Азиатская газель, на которую в прошлом обычно охотился лишь гепард. 44. Ядовитое вещество в позеленевшем картофеле. 45. Оптический прибор, необходимый в геодезии, навигации, военном деле. 46. «Один ученый человек» в стихотворении Н. Некрасова «В. Г. Белинский». 47. Специальность Сурио в рассказе Э. Хемингуэя «Непобежденный». 48. Мыс на севере Австралии. 49. Протока между озерами.

По вертикали:

1. Скоморох в средневековой Германии. 2. Отравляющее вещество. 3. Руда меди и мышьяка. 4. Житель европейской страны, где есть деревня Калица и одним из высших орденов которой награжден П. Л. Капица. 5. Сжатая информация о фактах, событиях. 6. Яркий отличительный признак петуха. 7. Приток реки Кабул. 8. Японская роза, названная в честь чешского миссионера в Азии. 10. Причина действия. 11. Плод, из которого араб способен приготовить до ста блюд. 17. Русский поэт, мать которого была пленной турчанкой. 18. Знаменитая русская комедия, предшественница «Горя от ума» А. Грибоедова и «Ревизора» Н. Гоголя. 19. Самый маленький лесной олень. 20. Австрийский танец, форма которого встречается в произведениях Бетховена, Шуберта, Шумана. 22. Не-

нужные знания. 23. Советский композитор, написавший больше трехсот песен. 25. Турецкая крепость на Днестре, которую четырежды брали русские войска. 32. Одна из руководительниц комсомольского подполья в Полтаве в Великую Отечественную войну. 33. Металл, килограмм которого в начале XX века стоил 50 тысяч рублей золотом. 34. Специальность, первым обладателем которой в России был, по мнению А. Пушкина, Н. Карамзин. 35. Оружие. Им в совершенстве владел Чингачук. 37. Итальянское племя, покоренное римлянами. 38. Геологический период, когда появились древнейшие предки человека. 39. Пряность, индийский тмин. 41. Соцветие груши. 43. Роман Ж. Санд. 44. Каратика, многие века снабжавшая человечество чернилами.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

5. Шатров. 7. Грибок. 10. Лаура. 11. Пироп. 13. Ментик. 16. Сверло. 18. Винт. 19. Заумь. 20. Часы. 21. Статус. 23. Ханмун. 24. Этаж. 25. Нектарник. 26. Анод. 29. Четверостишие. 31. Жизнеописание. 33. Цинк. 36. Белоянис. 38. Устя. 40. Калхас. 41. Ялонцы. 42. Рагу. 43. Мюсс. 44. День. 45. Забела. 48. Эрлинг. 50. Порог. 51. Стена. 52. Конин. 53. Засада.

По вертикали:

1. Раут. 2. Фрак. 3. Гипс. 4. Море. 5. Шантаж. 6. Трибун. 8. Бивуак. 9. Корчма. 10. Ленга. 12. Плаун. 13. Мистик. 14. Бактериология. 15. Импрессионист. 17. Основа. 22. Сервантес. 23. Химизация. 27. Веник. 28. Филин. 30. ...приказ... 32. Хатынь. 34. Нагар. 35. Клубок. 36. Баллон. 37. Спарта. 38. «Ундина». 39. Сцена. 46. Егор. 47. Азин. 48. Эссе. 49. «Леда».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 6 (1460)

март 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда», «Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.02.88.
Подписано к печати 16.02.88.
А 10320. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 1973.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Евгений АЛЕЙНИКОВ

Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. До того как попасть на представление битквартета «Секрет», я слышал их записи никак не меньше ста раз. И на концерте снова им поверил: да, они не играют на струнах давнишней битломании — «секреты» оригинальны при всей их многих раздражающей, схожести с имиджем «битлов» начала шестидесятых.

— Что такое «Битлз», никто не знал наверняка, — говорит Максим Леонидов (я не называю его лидером, поскольку сами музыканты сплоченно отстаивают тезис о равноправии, это один из секретов их успешного сотрудничества). — И, наверное, уже никто не сможет однозначно расшифровать этот символ шестого десятилетия века. Но хочу подчеркнуть, что мы сами по себе, как кошка Киплинга. Мы не изучали на экранах видео мимику и пластику «битлов», не листали стенограммы их пресс-конференций и не штудировали многочисленные исследования и мемуары...

Пожалуй, на такой тщательный

анализ творчества знаменитой ливерпульской четверки у создателей «Секрета» — Максима Леонидова и Николая Фоменко, в ту пору студентов театрального института, и времени не было. То, что студенты-актеры в конце концов состоялись и как музыканты, и как киноактеры, меня не удивляет, ведь полное название вуза, который они окончили, — Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. И все, за что они берутся — будь то написание песни, съемки в кино, исполнение своих и чужих композиций, — ребятам удается.

Впрочем, за кропотливый труд «Секрет» заслужил успех сторицей. В их родном городе по адресу Пушкинская, 32, с конца позапрошлого года работает, вернее, объединяет своих членов, фан-клуб. За несколько дней до наступления года нынешнего открылся такой клуб и в столице, при ДК «Красный пролетарий», где собираются московские поклонники «Секрета». Их возраст от 14 до 30 лет.

А средний возраст самих «секретов» — 27. Коллектив (в нынешнем составе) справит свое пятилетие через месяц, 20 апреля.

Максим Леонидов (вокал, ритм-ги-

тара и пианино), Николай Фоменко (бас-гитара), Андрей Заблудовский (соло-гитара) и Алексей Мурашов (ударные) в жизни точно такие, какими видятся из зрительного зала. Ребята в многочисленных тепенитерью столь настойчиво твердили о беспорной своей неразлучности, что просто невозможно не уверовать: если один из четырех уйдет, ансамбль тут же распадется. Вместе они держатся на пять с плюсом. Пусть с них строго спрашивают как с инструменталистов («Мы не делаем того, что не умеем», — парирует Максим), пусть кто-то не принимает музыку, исполняемую ими, но не отдавать должное высокому ремеслу диалога со зрителем было бы просто нечестно.

«Сейчас, спустя двадцать лет, пытаться возродить традиции ранних «Битлз»? Вернуть нам их состояние солнечной радости, столь нехарактерное для нервной мрачноватой рок-музыки наших дней? Не копируя, не заимствуя, донести до нас этот безоблачный дух? Возможно ли такое сегодня?» — спрашивает Андрей Макаревич, представляя первую пластинку «Секрета». Дюжина записанных на ней песен — двенадцать ответов. Мне эти мелодичные

зарисовки импонируют реальной психологической ситуацией. Отсутствием красотостей. (Что не мешает иным строчкам звучать просто-таки афористично.)

Бывший басист «Секрета» (продолжающий сотрудничать с квартетом) Дима Рубин, на мой взгляд, особенно хорошо работает над текстами. Такие его удачи, как «Алиса», «Привет», «Именины у Кристины», отличаются печальным оптимизмом старых песен Булата Окуджавы, образной точностью баллад Андрея Макаревича и лаконизмом рок-новелл Михаила Науменко.

«Есть группы, теряющие в фонограммах добрую половину привлекательности. — «Браво», «Звуки Му», «Бригада С», «Цемент». Не видеть их — значит не расслышать.

Многим сцена, напротив, почти ничего не прибавляет к уже забетонированному в зрительском сознании имиджу — «Машина времени», «Рок-Отель», «Ария», «Кино», «Автограф», «Земляне», «Центр».

Что лучше — не знаю. Но... послушав пластинку «Секрета», хочется сходить на концерт, а побывав на концерте — достать их новые записи...

«СЕКРЕТ»